

Антон Первушин, Елена Первушина Львиное сердце

S.T.A.L.K.E.R. – 82

Аннотация:

Октябрь 2026 года. В Зоне назревает новый кризис. Через пространственный портал на ее территорию проникла армия неведомых тварей, уничтожающих все на своем пути. Им пытается противостоять группировка «Долг», но терпит поражение, ведь нашествие чудовищ возглавляет легендарный Стрелок. Чтобы выжить, всем уцелевшим в бою сталкерам приходится объединиться. Ситуация быстро выходит из-под контроля, и командование международных сил готовится запустить секретную программу глобальной зачистки. Судьба Зоны оказывается в руках сталкера-ветерана по прозвищу Плюмбум и загадочного существа, называющего себя Хароном.

Антон Первушин, Елена Первушина Львиное сердце

*Книга посвящается всем юным любителям компьютерных игр и прежде всего —
Алеше Первушину и Боре Стругацкому (внуку).
Когда-нибудь игры закончатся.
Но вы должны быть победителями!*

Пролог

Любой имеет право на ошибку. Но только не в том случае, если речь идет о судьбе мира.

Сталкер Виктор Свинцов по прозвищу Плюмбум совершил немало ошибок. И первую из длинного ряда — в апреле, когда позвал стажера-физика Артура за собой в Зону, чтобы отыскать и спасти научную экспедицию, без вести пропавшую на Свалке. Ведь с самого начала было ясно, что не прост этот Артур, ох не прост, что есть в нем какая-то загадка, что не до конца он откровенен, что мутит воду и морочит голову. И с самого начала следовало не миндальничать с ним, а взять за жабры и вытрясти всю подноготную. А потом... с извращенным удовольствием переломать пальцы на руках. Да и на ногах — чтобы дважды не вставать.

Но миндальничал, не вытряс, не переломал — носился, как с писаной торбой, пылинки сдувал. А как же иначе! Бой-френд единственной дочурки, кровиночки! А он никакой не бой-френд, а лжец и предатель. Хуже того — враг всего человеческого. Выродок из мира, который не должен существовать!

И что теперь? Что теперь?! А теперь — возможно, в самый ответственный момент жизни Плюмбума — физик показал свое истинное лицо. Под маской простака скрывался хитроумный расчетливый мерзавец. И как же ловко он провел всех! Ладно, Болек с Лелеком никогда не отличались хорошим знанием человеческих натур, Привалов слишком озабочен своими комплексами, чтобы замечать окружающих, Лара... ну что с нее взять, если речь заходит об Алине? Но ты-то, Плюмбум, как ты мог проглядеть мерзавца? Как ты мог поверить в наивность и простоту?.. Старый, что ли, стал? Нюх потерял? Похоже на то. А страдать за твои ошибки будут другие — и ближние, и дальние...

Все эти мысли проскочили в голове Плюмбума в одно мгновение — в то самое, когда он шагнул вперед и приготовился к прыжку, хотя уже понимал, что не успевает, не успевает, не успевает... Ведь Артуру, который стоял всего в десяти шагах и целился в него из автомата, оставалось всего лишь нажать на курок. Чем этот лживый подонок не преминул воспользоваться.

Грохота одиночного выстрела Виктор не услышал — сознание померкло от сильнейшего удара в грудь. Сталкера швырнуло на землю, и некоторое время он ничего не видел, кроме низкого темного неба, набухающего грозой.

Мыслей не осталось, все вышиб удар пули. Нужно было преодолеть боль и попытаться встать, но на это надо хоть немного времени. А времени не было. Потому что сейчас Артур подойдет и завершит начатое — контрольным выстрелом в голову. Это не компьютерная игра, и физику не нужен опытный враг за спиной — особенно, когда предстоит отправить в небытие целую Вселенную.

Как глупо все! Как глупо...

Артур почему-то медлил. Контрольный выстрел откладывался. Небо быстро темнело, на глазах превращаясь в неровную твердь, которая вот-вот прольется затычным дождем. Где-то уже ворчал тревожно гром, словно эхо от копыт коней Апокалипсиса. Полыхнула нереально яркая зарница.

Конец света должен выглядеть именно так, отстраненно подумал Плюмбум. И удивился, что ему оставили время на подумать.

Кто-то подошел, наклонился над сталкером, заслоняя небо. Плюмбум рассчитывал увидеть мерзавца Артура и дуло автомата, но вместо них в поле зрения появилось удивительно родное лицо.

Алина? Дочка! Ты? Здесь?!

Плюмбуму хотелось вскочить, предупредить ее, сказать, что Артур — лжец и предатель. Но боль не отпускала, и Виктор Свинцов сумел только прошептать непослушными губами:

— Аля, сделай как надо...

Часть первая. Зона Чудес

Глава 1. Много неясного в странной стране...

1

Жить вообще больно.

Только боль бывает разная.

За годы без боли Харон успел об этом забыть. Но сейчас, трясаясь в продуваемой электричке, натягивая вязанную шапку на уши, отворачиваясь от морщивших носы пассажиров и прижимаясь лбом к мокрому стеклу, он вспоминал всю боль, которую испытал за свою короткую человеческую жизнь.

Было в этих воспоминаниях нечто приятное. Не то чтобы Харон был мазохистом — вот это никогда: ни в первой жизни, ни во второй. Но ему было приятно, что он снова, пусть на краткое время, побудет человеком. Такой вот проявился неожиданный побочный эффект его миссии.

Итак, боль.

Она бывает красной. Это когда тебе бьют под дых или между ног. Красная, как стоп-сигнал. Мозги на мгновение отключаются, потому что просто не в силах это стерпеть. Ты сгибаешься, хватаешь ртом воздух, пытаешься вздохнуть. Настолько больно, что ты почти не можешь осознать боль.

Бывает боль оранжевая. Это... Харон медленно перебирал воспоминания. Это как во время кросса, когда легкие уже горят огнем, селезенка екает, а мышцы, кажется, уже не могут сокращаться, а ты все равно бежишь и бежишь — через боль, через усталость, на чистом упрямстве.

Боль бывает желтой — это когда неудачно наступишь и подвернешь ногу. Или в темноте стукнешься со всей силы мизинцем о ножку шкафа. Короткая вспышка, похромаешь пару минут и забудешь.

Совсем другое дело — зеленая боль. Такую боль Харону довелось испытать один раз в жизни, во время Первого Большого Выброса, когда Зона переживала и навсегда изменила его. Зеленая боль — когда тебя тянет и выворачивает наизнанку, вытягивает все жилы, закручивает узлами все кости, вот-вот разорвет пополам, но на самом дне крошечного ужаса ты ощущаешь, что в этом есть некий смысл и цель, пусть не до конца тебе ясные, но определенно существующие. Может быть, так чувствуют себя женщины при родах? Харон не мог сказать наверняка...

Есть еще боль голубая. Такую, вероятно, испытывали те бедолаги, которых угораздило нахватать лишнего рентгена и которых он отправлял со своего фельдшерского пункта при Третьем энергоблоке в госпиталь. Это — боль сквозь голубой туман омраченного сознания. Боль, которая подкрадывается исподволь, на пороге восприятия, и лишает решимости и сил, необходимых для борьбы с ней.

Далее — боль синяя. Это боль при хронических заболеваниях: привычная, неотступная. Спутница старости. Боль-часы, напоминающая тебе, что время движется и несет тебя к неизбежному финишу. Боль, от которой его милосердно избавила Зона двадцать лет назад и которая навалилась на него сейчас.

Точнее, сейчас Харона терзала фиолетовая боль — та же синяя, но сгустившаяся до предела, поглотившая красную часть спектра. Ныли мышцы, ныли суставы, тело сотрясалось в дрожи, голову словно сдавливал огненный обруч, и каждый вздох давался с трудом. По коже бегали мурашки. Язвы, появившиеся на ногах три часа назад, уже загноились и источали невыносимое зловоние. Тело, лишенное привычной подпитки тонкими энергиями Зоны, стремительно разрушалось, но Харон надеялся, что до вокзала резервов хватит, и он успеет сделать звонок. А дальше — трава не расти.

— Эй, старикан, ты чего тут развонялся?

Харон поднял голову. Транспортный контроль. Холеные сонные лица, ремни, бляхи, дозиметры, ПДА, дубинки, пистолеты. Люди, уверенные в своем положении, в своей власти. В своей власти... над ним?.. Ощущение соприкосновения с чужой властью тоже было настолько забытым, что Харон сначала удивился и только потом — испугался. Конечно же, его не могли сильно напугать три бугая «при исполнении», но они могли нарушить его планы, чего ни в коем случае нельзя допустить.

А они, судя по всему, именно это и собирались сделать — нарушить, помешать.

— Ну, чего вылупился? Билет у тебя есть?

— Билет, билет... — Харон зашарил по карманам драной замызганной куртки. — Где-то он был... билет... где-то он точно был...

— Хватит заливать! Встал и пошел. На выход.

Харон запаниковал.

— Сынки, ну, простите старика! Позарез мне в город нужно, понимаете? Просто дело жизни и смерти.

— Ты б хоть помылся, раз в город собрался. Ладно, заткни рот и шагай в тамбур. На ближайшей станции сойдешь.

— Сынки... ну что вы...

Но бугаи, брезгливо натянув перчатки, уже взяли его под локти и потащили к выходу.

В тамбуре покуривал и болтал по мобильнику какой-то парень. Увидев Харона и сопровождавших его транспортников, он испуганно заморгал, быстро притушил сигарету, буркнул в трубку: «Ну ладно, пока» — и направился в вагон.

Харон понял, что у него осталось всего несколько секунд...

...В Зоне перед уходом он еще раз шагнул в Мнемозину и обновил знания по фармакологии, полученные в училище. Изрядно обновил, будем честны. Мало того что за двадцать лет фармакология ушла далеко вперед, так еще и он никогда в списке отличников не значился. Теперь же благодаря приобретенным знаниям Харон сварганил из оставшихся на пункте препаратов и кое-каких мутировавших трав стимулятор, который таскал за щекой на самый экстремальный случай. И когда транспортники повели его в тамбур, он быстро разжевал лепешку с мятным привкусом и размазал ее языком по небу, чтобы препарат впитался в мелкие сосуды и кратчайшим путем попал в мозг...

Перед глазами словно вспыхнул ослепительно белый свет, но всего лишь на секунду. Потом Харон снова смог видеть и сразу осознал, что движения людей в тамбуре странно замедлились — он присел, ужом вывернулся из куртки, оставив одежду в руках бугаев, потом, распрямляясь, ударил замешкавшегося парня головой под дых, так что тот выронил мобильник и упал. Харон ловко подхватил телефон, сунул его за пояс, подошел к дверям, одним движением отодрал резиновую изоляцию, поднатужившись раздвинул створки и вывалился из вагона на полном ходу. Покатился по насыпи.

— Во дает старик! — Транспортник ошеломленно выглянул в проем, потом провел рукой по покореженной двери.

— Чокнутый какой-то, — предположил его напарник. — Чокнутые, бывает, машины переворачивают, когда разойдутся. Я где-то такое читал...

Теперь боль была ярко-красной. Но Харон, чувствуя, как рот наполняется кровью, все же упрямо, словно вкатывая камень на скользкую гору, набирал цифра за цифрой номер на мобильнике.

Гудки.

Ну давай же! Давай! Возьми трубку!

Невыносимо длинная пауза, а затем — знакомый голос с хрипотцой:

— Кто здесь?

Харон сплюнул кровь и прошептал:

— Левым, Виктор. Левым табань...

— По-хорошему Гульфа надо было пристрелить, — сказал Виктор Свинцов, сворачивая с Урицкого на Воровского. — За предательство. Хорошо, руки не дошли. Что бы я теперь без него делал?

— Бильбо прицелился в Горлума, но в последний момент жалость удержала его руку, — ехидно прокомментировал Алекс. — «Какая жалость! — проворчал Бильбо. — Патроны кончились!»

— Его младший уже в двадцатый раз новую версию «Властелина колец» пересмотрел, — пояснил Борис. — Все двадцать восемь часов чистого времени. Вот у Алекса крыша и поехала.

— Там Саруман дюже одного знакомого напоминает, — отозвался Алекс, никак не отреагировав на подколку. — «Йа, Йа, мы с мой верный орк есть блюсти в зонье порядок и дисциплин».

— Не порядок, а орднунг.

— Не ссорьтесь, горячие московские парни, — сказал Виктор. — Ты бы, Алекс, лучше пробки посмотрел. Искин опять в ступоре.

— Яволь, командир! — Алекс потянулся к бортовому компьютеру.

Некоторое время он с энтузиазмом тыкал в сенсорный экран и, склонив голову набок, наблюдал за результатом. Потом пробормотал: «Ну и фиг с ним!» — и достал свой ПДА.

— Спутник докладывает, товарищ командир, — сообщил он через полминуты. — Около Борисполя пробка. Предлагаю объехать по Дзержинского. Перед Киевским сворачивай направо — на Рдянскую.

В штанах у Плюмбума загудел ПДА.

— Вот черт! Как некстати, — ругнулся Виктор, полез в карман, достал телефон, приложил к уху. — Кто здесь?

— Левым, Виктор. Левым табань... — донеслось из микроскопического динамика.

— Тьфу, пропасть! Так говоришь, налево сворачивать?

— Направо! — повторил Алекс. — И уже прямо сейчас.

Виктор поспешно выкрутил руль и чудом вписался в поворот.

— Вот дерьмо! — он большим пальцем свободной выбрал опцию «Принятые звонки» и искоса глянул на физиономию незнакомого молодого человека.

— Кто это? — тут же поинтересовался Алекс.

— Не знаю... Хулиганье мелкое, телефонное. Барабашка.

— Нет, что касается Роте, то мы действительно погорячились, — продолжил разговор Борис. — Обидели старика. Надо бы ему какой-нибудь подарок захватить, если мириться будем.

Плюмбум мысленно согласился. С Давидом Роте, возглавлявшим «Долг» — одну из самых влиятельных группировок в Зоне — они поступили некрасиво. И это еще мягко говоря. Сначала долго морочили голову. Потом стащили буквально из-под носа архив О-Сознания, за которым генерал охотился без малого пятнадцать лет. Потом столкнули бойцов «Долга» со стражами «Свободы». Так получилось...

— Кинжал ему с молниями привезем, — сдохмил Алекс. — Или танк «ИС-10» из музея Великой Отечественной угоним!

— Это безнадежно. — Боря вздохнул с самым печальным видом. — Он с утра не в себе... Так что ты там рассказывал о своем друге, Виктор? О том, которого хотел пристрелить? И к которому, как я понимаю, мы сейчас едем.

— Ты о Гульфе? — Виктор притормозил перед Киевским проспектом и, полуобернувшись назад, пояснил: — Стефан Дуниковский. Его все Гульфиком зовут — за то что обтягивающие штаны носит. Говнюк он, конечно, порядочный. И в последний раз изрядно подставил в аэропорту — это когда вы на мой рейс команду правоохранителей натравили. Но я у него много лет арендую транспорт, покупаю оружие и свежие окна в Зону, посему без него...

Светофор переключился на зеленый. Виктор нажал педаль газа, и тут же Алекс истошно закричал:

— Ахтунг! В сторону давай!

Виктор обернулся и похолодел. Прямо на их машину по Киевскому пер огромный самосвал. Причем пер на красный, будто так и полагалось.

Виктор отчаянно крутанул руль, и на мгновение ему показалось, что машины разойдутся. Однако этому помешали дешевые понты А и Б. Утром, выбирая машину на пункте проката, они потребовали черный лимузин с баром и персональными компьютерами, который по своему дизайну больше всего напоминал массивный гроб. И сейчас самосвал по касательной задел кузов лимузина и закрутил машину, как мальчишка-футболист консервную банку. С громким хлопком надулись подушки безопасности, лишая обзора, и машина красиво полетела на обочину.

* * *

Они стояли на обочине дороги, ошарашенно глядя на свой черный гроб на колесиках, лежавший на боку в неглубокой дренажной канаве. Боря умудрился набить шишку, Алекс и Виктор не пострадали. Как удалось выбраться из машины, ни один из них толком не запомнил — видимо, в момент аварии отключился разум и включились рефлексy.

Виктор, впрочем, быстро оправился, достал из кармана упаковку жевательной резинки, много лет заменявшей ему сигареты, пихнул пластинку в рот, прикидывая, кто мог так брутально и топорно попытаться свести с ним счеты. Алекс — бледный, с отпечатком подушки на лице — попросил у него жвачку, освободи от обертки, но рассеянно выронил.

— Он же мог нас размазать... — бормотал он. — Еще немного, и он бы нас размазал...

С точки зрения Виктора, ситуация вовсе не выглядела столь трагично, и если бы мальчишки не форсили, все обошлось бы... Мальчишки? Плюмбум и сам удивился, что мысленно называет А и Б «мальчишками» — они ведь с учетом временной петли стали ему почти одногодки. Под сорок лет каждому, у Алекса вон старший скоро школу закончит. Сила привычки — ведь совсем недавно он видел их юными и задорными. Впрочем, юношеский задор у них сохранился, не отнять.

— Брось, Алекс, — сказал Плюмбум строго. — Разнюнился, как баба. Будто в первый раз. Живы — и отлично. Надо дальше двигать.

— Да ну тебя! — огрызнулся Алекс. — Дай дух перевести. Вот ведь черт! Еще бы чуть-чуть...

— Чуть-чуть не считается, — отрезал сталкер. — Да что с тобой в самом деле? Помнится, в Зоне посмелее был.

— Дурак ты, Виктор, извини. В Зоне еще мы у нас были. А теперь мы — сами по себе!

Хотя фраза прозвучала очень странно, Виктор понял, о чем говорил Алекс. Когда он впервые повстречал двух бесшабашных сталкеров в Зоне, то списывал их лихачество на обычную подростковую веру в бессмертие. Позже Свинцов узнал, что лихачеством там и не пахло, а был точный расчет. Алексу Грозе и Боре Молнии помогали из будущего взрослые Алексей Румянцев и Борис Витицкий. Благодаря точно дозированной информации они не только выжили в самых опасных местах Зоны и вовремя присоединились к экспедиции Плюмбума, но и, оказавшись в 2006 году, сделали блестящую карьеру в «GSC World». Их жизнь была расписана на десятилетия вперед, и они могли быть уверены, что ничего плохого с ними не произойдет. А теперь, когда временная петля замкнулась, а само время неумолимо двинулось дальше, мальчишки лишились своих «старших товарищей» и, как следствие, уверенности в том, что им гарантировано счастливое завершение любых авантур. И если полгода назад в Зоне они не раз поражали Плюмбума зрелостью и точностью суждений, то сейчас сталкер увидел обратную сторону — опекая самих себя, Алекс и Боря так и не позволили себе вырасти и повзрослеть. Проще говоря, если в апреле Плюмбуму и его экспедиции здорово помогли двое взрослых в телах подростков, то теперь ему придется идти в Зону с двумя неоперившимися подростками в телах взрослых людей.

А ведь это проблема, понял Плюмбум. Очень серьезная проблема!
Но озабоченность не выказал. Наоборот, широко улыбнулся и сказал:
— Ну что ж, мальчики, добро пожаловать в реальный мир.

3

Никита Грач был родом из Питера, а потому с детства не любил дождь и туман. Не слишком большое удовольствие — дышать десять месяцев в году холодной водой и два месяца — теплой. Он и на Украину-то сбежал, чтобы пожить в тепле и забыть о слякоти. И вот на тебе — третий месяц торчит в Зоне и может пересчитать сухие дни по пальцам одной руки, а если быть совсем честным перед собой, то по одному пальцу одной руки. С утра до вечера льет дождь, ночью стоит стеной туман. Или ночью дождь, а днем туман. Вот и все разнообразие.

Еще дома, сидя за компьютером и проходя по двадцатому разу «Зов Припяти», он твердо усвоил: главное для сталкера — осторожность и еще раз осторожность. Семь раз отмерь — один отрежь. Поспешишь — Зону насмешишь. Внимательно изучи территорию. Будь бдительным. Не рискуй понапрасну. Именно поэтому, когда пришло время, он выбрал «Долг». Во-первых, «Долг» своих не бросает. Во-вторых, главный там — Давид Роте, один из первых легендарных сталкеров, яманал из завидных, стратег от Бога. За ним как за каменной стеной. Никита был готов к суровой дисциплине и лишениям. Понимал, что жить в Зоне — это не только в рейды ходить и с бандитами перестреливаться. Кто-то должен и картошку чистить, и шваброй махать. Не был он готов только к одному — что вся Зона для него сократится до верхней площадки смотровой вышки, и что вся его жизнь будет проходить под аккомпанемент дождя.

— Задание может показаться вам скучным, — сказал Роте. — Но помните, здесь есть скучная работа, но нет неважной. И нет такой, какую можно делать кое-как. И еще — если на вверенной вам территории что-то случится, вы очень пожалеете о тех временах, когда скучали. Ферштеен, камраден?

С первой частью напутствия Никита согласился очень быстро. Нет, в первый раз, когда он увидел Свалку, глаза у него разгорелись. Вспомнилось детство и стройплощадки, на которые он проникал тайком и с риском для жизни. Вспомнились страшноватые легенды, связанные со Свалкой. Вспомнилось, что именно здесь были найдены первые артефакты в новейшей истории Зоны. Много чего вспомнилось. Конечно, Роте строжайше запретил выходить за пределы поста, но кто и когда выполнял буквально все распоряжения начальства? Да и со смотровой площадки все было преотлично видно, а начинающий сталкер помнил, что набираться бесценного опыта можно просто наблюдая за Зоной.

Со стороны Свалка выглядела музеем по истории спецтехники. Здесь вздымались в небо ржавые скелеты подъемных кранов и торчали массивные кран-балки. Здесь валялись на боку выпотрошенные тепловозы и дрезины. Лежали гусеницами вверх транспортеры и танки. Стояли на вечном приколе легендарные грузовики, которые когда-то возили трупы из центра Зоны. Здесь же было можно увидеть и хитрые инженерные машины — таких Никита никогда не встречал на Большой земле.

По вечерам, когда на Свалке наступало затишье и старатели «Долга» уходили в Депо или на Базу, молодой сталкер любил забираться в кабину какой-нибудь громадины и воображать себя бесстрашным ликвидатором, вступающим на чернобыльские земли, чтобы остановить невидимую смерть. На самом деле Свалка давным-давно была исследована до крайних закоулков и выпотрошена до дна. «Долг» превратил ее в настоящий полевой комбинат. Радиоактивные пятна огорожены. За эволюцией старых аномалий наблюдают годами. Новорожденные тут же очерчиваются, описываются и заносятся в базу данных системы многоуровневого мониторинга «Длань». Их «подкармливают» железом и мутантами-подранками — чтобы получить стандартизованные артефакты для продажи институтам и транснациональным корпорациям. В общем, конвейер конвейером — ничего загадочного, а тем паче романтического.

Порой Никита думал, что Давид Роте послал его сюда просто так, чтобы занять хоть чем-то. Сменщик Серега Штопор тупо пил не просыхая, но каким-то чудом ему удавалось выглядеть прилично, когда «долговцы» привозили им продукты. Никита выпивку не любил, поэтому проводил дни, занимаясь нехитрыми бытовыми делами, гуляя по окраинам Свалки или изучая Свалку сверху. Впрочем, иногда по ночам в развалинах к югу начиналось какое-то шебуршение: мелкие бандитские шайки, пользуясь темнотой и туманом, пытались пробраться на территорию, контролируемую Давидом Роте, и чуток пошакалить. Тогда становилось страшновато, но и азартно. Никита тут же оживал, снимал автомат с предохранителя и орлом озирался вокруг, силясь разглядеть противника. Хотя у молодого сталкера был строжайший приказ: ничего не предпринимать, а сразу докладывать в штаб по проводному телефону — он догадывался, что в случае чего штаб не поможет и отстреливаться придется самому. У штаба, похоже, тоже был строжайший приказ ничего не предпринимать — во всяком случае, никаких операций по очистке Свалки от мелкого воря Роте не организовывал.

После двух недель вынужденной «отсидки» Никита уже наизусть знал все места, где у вышки протекал навес, а также расположение всех машин и куч ржавого хлама в округе. Правда, иногда ему казалось, что последние меняют свое местоположение — но он уже не верил в чудеса и полагал что местные все выдумывают, просто чтобы спастись от скуки.

Сегодня монетка легла туманом, а не дождем. Никита никак не мог решить, что ему нравится меньше: туман или дождь. Пожалуй, все-таки туман был хуже. Конечно, это была не питерская холодная слизь. Здесь туман напознал с Болота, а потому пах илом и горьковатым дымом костра. Только почему-то от этих вполне обычных запахов волосы на загривке у Никиты вставали дыбом.

Туман был почти прозрачным, вроде разбавленного столовского киселя, и таким же розоватым. Никита для порядка в очередной раз осмотрел знакомые ржавые остовы и собирался спускаться вниз — будить храпящего в бытовке Серегу и готовить завтрак. Он уже поставил ногу на первую ступеньку, когда почувствовал, что перила под его рукой дрожат.

Мгновение — и дрожь усилилась, как будто под вышкой пробежал средних размеров слонopotам. Еще мгновение, и там гонялись друг за другом уже два слонopotама. Еще чуть-чуть, и вышка заходила ходуном, точно слонopotамы решили по-быстрому сделать маленького слонopotамчика.

Инстинкт звал Никиту вниз, в укрытие. Да и байки о Выбросах времен О-Сознания сразу вспомнились. Но... парень был молод, любопытен, а служба на Свалке — скучна. Поэтому Никита, не раздумывая, поднялся обратно на площадку и, держась рукой за опорный столб, поднес к глазам бинокль.

Это зарождалось где-то там — на восточных радиоактивных холмах, перекрывающих путь в Темную Долину. Там, где лежал хорошо различимый с вышки грейферный ковш экскаватора — еще одна опасная железяка, которую старожилы советовали обходить стороной. Туман скручивался над ковшом, подобно гигантскому веретену торнадо, затягивая в себя обломки арматуры и кучи мусора. Но самым пугающим было то, что происходило все при полном безветрии. Только земля под Свалкой ходила ходуном, будто невидимой слонopotамихе пришло время рожать.

Потом веретено взорвалось, превратившись в огненный цветок — гигантскую тигровую лилию. И земля сразу успокоилась, а из световой воронки повалили чудовища: могучие гориллы с шарообразными головами, пауки с выставленными вперед клешнями, гиены с крокодильими пастями — словом весь сумасшедший бестиарий, который в детстве до смерти напугал Никиту, когда он случайно наткнулся в родительской библиотеке на альбом Иеронима Босха.

Потом внизу заорал Серега Штопор. Его крик быстро стих, и Никита в ужасе сполз на дощатый пол и прикрыл голову руками. «Долг» обязан выручать своих, но последнее, о чем думал в эти жуткие минуты молодой сталкер, так это об уставе родной группировки.

Пришел Никита в себя от чужого прикосновения — кто-то тронул его за плечо. Молодой сталкер дернулся, сдавленно вскрикнул, потом все же решился взглянуть на гостя.

Перед ним стоял человек в дорогом экзоскелете редкой модели и нелепом черном плаще, натянутом поверх брони. От человека отчетливо несло гарью, как будто он только что с пожарища. И хотя Никита не видел его лица, он почему-то не сомневался: гость не из «Долга» да и вообще, похоже, не из человеческого рода. Бежать было бессмысленно, и Грач покорно посмотрел на пришельца — как кролик на удава.

Человек в экзоскелете выпрямился и спросил:

— Слушай, закурить не найдется?

Глава 2. Можно запутаться и заблудиться...

1

— Мужики, у нас проблема! — заявил громко Алекс. — Либо мы все будем в шоколаде, либо... э-э-э... голова в кустах.

Они стояли на забетонированной площадке рядом с ангаром компании «Зет-тур», принадлежащей Стефану Дуниковскому, более известному вольным сталкером под погонялом Гульфик. Здесь пахло сухой травой и жженой резиной. Высоко в синем небе белый самолет заходил на посадку в аэропорт Борисполя. Плюмбум сосредоточенно подсчитывал в уме: на сколько по весу потянут три комплекта полевого научного оборудования «Бизон» и не будет ли проще ограничиться портативным «Магом» — в конце концов точность в измерениях нам не нужна, а уж тройное дублирование тем паче. Поэтому вначале он пропустил слова Алекса мимо ушей. Зато Борис сразу насторожился:

— Да? Это «Норд Ривер»? Что пишут?

— Пишет Соня. Просит, чтобы я перезвонил. Извините, ребята, я на минутку...

Он отошел в сторону и начал что-то быстро набирать на выдвижной клавиатуре многофункционального ПДА, время от времени возводя глаза к небу и шевеля губами.

— Борис, — обратился Плюмбум к Витицкому, — а скажи-ка мне, Соня и Норд Ривер — это два разных человека?

— Что? Ах да! — Борис улыбнулся. — Соня — наш секретарь. Ей, кстати, хорошо за тридцать, она одевается как хипушка, и любую еду приправляет соусом табаско и запивает текилой. Это на тот случай, если ты вообразил... то, что ты вообразил.

— А «Норд Ривер»? — Плюмбум не дал сбить себя с толку.

— Наш главный инвестор. Западная контора. Они серьезно помогали нам с «Дланью», а теперь планируют еще один масштабный проект.

— Виктор, у нас проблема, — Алекс вернулся, озабоченно хмурясь. — Боюсь, мы не сможем идти с тобой в Зону.

«Слава тебе, гос-с-споди!» — подумал Виктор, но вслух сказал:

— Это еще почему?

— Нас просят организовать стационарную исследовательскую базу у Четвертого энергоблока. Большой проект, большие перспективы, большие деньги. Но делать нужно здесь и сейчас, иначе деньги уйдут к конкурентам. Поэтому мы должны остаться и координировать работу из центра.

— Здесь и сейчас?

— Да. Нам поставили условие: мы находим место для базы и проводим нулевой цикл в течение двух недель. Это вполне реально — купим грузовики, оборудование, найдем специалистов. Да хоть у «Зет-тура». Твой Дуниковский, понятное дело, тот еще фрукт, но товар у него отменный. Правильно ты его не пристрелил.

— Нужно с профессором Серебряковым связаться, — предложил Боря. — Он поможет с подбором оборудования. И вообще разберется, как там и что.

— Пойдет, — согласился Алекс. — Представитель «Норд Ривер» будет в Киеве сегодня вечером. Устроим встречу с Серебряковым и все обсудим.

— А причины? — спросил Плюмбум.

— Что причины?

— Причины такой срочности?

— Чисто денежные. Нужно быстро провести транш.

— Хм, интересно... Ладно, я пошел к Гульфу. Договоримся.

Однако на самом деле к Гульфику Виктор Свинцов не пошел. Остановился в полутемном переходнике ангара и крепко задумался.

Сказать, что Плюмбума совершенно не интересовало, на чьи деньги двадцать лет развлекались А и Б — значило бы погрешить против истины. Интересовало, и давно. У мальчиков имелась мощная финансовая подпитка — и явно из-за рубежа. Не то чтобы Плюмбум был ксенофобом или ярым патриотом, но он прекрасно понимал, что иностранцам их иностранные рубашки всегда ближе к телу, и они всегда ставят во главу угла свои собственные иностранные интересы. А совпадут ли их интересы и его — исключительно дело случая. И посмотрите, как все складывается. Сейчас он намерен пробраться на иную сторону Зоны и потолковать по душам с ее хозяевами — и тут же, как по волшебству, иностранные богатеи, которые двадцать лет и носа в Зоне не казали, предпочитая свалить грязную работу на людей попроще, решили, что им позарез нужна стационарная база у Четвертого энергоблока. Совпадение? Вполне возможно. Нет? Тоже вероятно. Если бы я был человеком, который долгие годы успешно доит Зону, и услышал бы, что есть такой прыщ на ровном месте по имени Плюмбум и что этот самый прыщ хочет прикрыть лавочку — что бы я сделал? Правильно! Постарался бы упасть оному Плюмбуму на хвост и как следует все разузнать. А что бы я сделал на месте Плюмбума — то есть на своем? Правильно! Держи друзей близко, а врагов — еще ближе. Следовательно, нужно упасть на хвост «Норд Ривер», но сделать это так изящно, чтобы иностранные инвесторы не заподозрили, что я заподозрил их в том, что они заподозрили меня... И так далее...

Приняв решение, Плюмбум вышел из ангара и спросил:

— Мужики, а нам обязательно снова идти к Ковшу, чтобы попасть к альтами?

Борис непроизвольно почесал бровь и ответил:

— Строго говоря, в этом нет необходимости. Мы сделаем новый расчет по методике Зорича и откроем портал в другом месте. Главное, чтобы там была «воронка»... и еще пара энергетических аномалий на периферии для создания поля необходимой напряженности.

— Тогда я вот что подумал, — сказал Плюмбум. — А что, если ваша экспедиция из «Норд Ривер» подбросит меня до Четвертого энергоблока?

2

— Ваш паспорт, девушка! — попросил охранник на входе.

Алина порылась в сумочке, достала карточку паспорта и протянула ее сквозь окошко в будку охраны. Охранник попытался немного, сличая изображение шестнадцатилетней девчушки с косичками на мониторе и эффектную девушку с асимметричной стрижкой и упрямым подбородком, которую видел перед собой. Вылез из будки, потребовал вытряхнуть на специальный стол содержимое пакета и внимательно осмотрел вещи, которые Алина несла с собой. Потом сказал:

— Проходите. Третье отделение, пятая палата. Поздно пришли — у вас осталось сорок минут.

— Спасибо, что предупредили.

Сапожки Алины простучали по плиткам мощеной дорожки. В крытом больничном саду было жарко. В неглубоком бассейне журчащего фонтана плескались воробьи. Толстый полосатый шмель покружил над искусственным цветком на брошке Алины, приземлился на алые матерчатые лепестки и, деловито гудя, полез внутрь. Дойдя до дверей третьего корпуса, Алина бережно сдула пассажира и нырнула в полумрак вестибюля.

Здесь ее ждал еще один пост охраны, а на входе в отделение — третий.

Само отделение по форме больше всего напоминало гантельку: длинный коридор соединял две небольшие рекреации. В одной была столовая, в другую выходили двери нескольких элитных палат. Медсестра, сидевшая за столом, дружески кивнула Алине. В рекреации маялся Тихий Паша — ходил кругами, повторяя нараспев: «Здрааавствуйте! Здрааавствуйте!». Алина не стала отвечать — Паша здоровался со стенками.

Она открыла дверь пятой палаты и сказала тихо:

— Здравствуй, папа.

Потом повторила погромче:

— Здравствуй, папа!

И только тогда Александр Пыхало оторвался от клавиатуры и повернулся к дверям:

— Здравствуй, доченька! Ты уже пришла? Как там дома? Как мама?

Выглядел он как классический безумный ученый — всклокоченные волосы, выбившаяся из штанов и заляпанная кетчупом рубашка, борода торчком.

Алина оценивающе посмотрела на отца и скомандовала:

— Папа, стоять! Смирно! Руки вверх!

И полезла в пакет за чистой рубашкой. Пока она переодевала и причесывала Пыхало, тот болтал без умолку:

— Постой, а когда ты в последний раз у меня была? Два дня назад? Или три? Совсем забыл... Ты прости, заработался... Зато у меня для тебя сюрприз есть — обалдеешь! Только ты никому не рассказывай. Ни Болеку, ни Плюмбуму. Даже маме не рассказывай. Вдруг сболтнет... Не нарочно, конечно, она в этом смысле кремень. Просто Лариса у нас очень доверчивая... Нет, ты знаешь, я даже рад, что сюда попал. Тут идеальные условия для работы. Идеальные! Ну кричат иногда за стенкой — а где не кричат? Зато не лезет никто с дурацкими вопросами, не интересуется...

— Папа, — строго спросила Алина, — ты когда на улице был в последний раз?

— А? Что? Не знаю. Дня два назад... Или три... А что, надо? Ну ее, эту улицу — чего я там не видел?

— Пойдем, папа, погуляем, — сказала Алина решительно. — Погода отличная.

— Подожди, Алусик, я тебе должен рассказать...

— Вот там и расскажешь. Сядем на солнышке, на скамеечке... До меня на свежем воздухе всегда лучше доходит...

Не слушая больше возражений, Алина потащила отца из палаты.

В коридоре Тихий Паша здоровался уже не со стеной, а с зарешеченным окном.

— По другу своему скучает, — объяснила медсестра. — Буйного Пашу вчера опять на «острое» отделение увезли.

— Мы погуляем немного, Мария Филипповна? — спросила Алина.

— Гуляйте, — разрешила Мария Филипповна. — Обед только не пропустите. Сегодня борщ — у Александра Борисовича любимое.

Отец и дочь сидели на скамейке у затянутой плющом серой стены. Алина задумчиво разглядывала полускрытую кустами сирени церковку, в которой теперь располагался больничный морг, и слушала, как всегда вполуха, что ей вещает отец. Она давно — еще до его болезни — привыкла, что достаточно просто кивать и вставлять иногда с умным видом: «Да, да, конечно» — и папа будет абсолютно доволен. Самое интересное, что не только папа — этот навык ей очень пригодился на практических занятиях в университете.

— ...Так вот, Алусик, ты, конечно, знаешь, что многие люди полагают, будто мы живем в иллюзорном мире. И неглупые люди, скажу я тебе. Буддисты, например. Они считают, что наш мир — это своего рода тренажерный зал для души. Нужно только правильно им пользоваться. Если будешь накачивать свою душу дурным — тебя отправят на следующий круг, чтобы образумился. Если же будешь беречь свою внутреннюю чистоту, избегать желаний — уйдешь в нирвану. То есть умрешь совсем, без возврата. Невеселая перспектива, правда? Однако у буддистов есть Бодхисаттвы — люди, которые заслужили

уход в нирвану, но, как товарищ Сухов из «Белого солнца», решили «еще помучаться» и вернулись в мир, чтобы помочь другим найти путь из нашего мира в нирвану.

«По-моему, все проще, — подумала Алина. — Чтобы убедиться, что мы живем в иллюзорном мире, достаточно включить телевизор. Главное — не включать его надолго».

— Так ты теперь буддист? — спросила она.

Пыхало расхохотался.

— Боже мой! Что ты себе вообразила? Ну конечно же нет, милая. Разве я поверю, что мы здесь на Земле только для того, чтобы научиться любить друг друга? Конечно же, весь наш мир — не иллюзия и не ад. Ад и иллюзия — только его часть.

— Зона? — спросила Алина.

— Да, Зона. Только и здесь не все так просто. В обыденном бытовом смысле Зона вполне материальна. Наши чувства нас не обманывают. Но если ты попробуешь построить модель зоны в многомерном пространстве, ты увидишь, что та Зона, которую мы имеем честь наблюдать — лишь один из множества одновременно существующих вероятностных миров.

«Кто написал в мои тапки?!» — орал Шредингер. А котенок сидел под диваном — ни жив, ни мертв.

Алина сразу вспомнила эту старую университетскую шутку. То, что говорил ее отец, для любого обычного человека прозвучало бы как бред сумасшедшего, для нескольких мечтателей — как откровение, для Алины же его слова были банальностью. Она сама доподлинно знала, что Зона похожа на стопку бумаги, каждый листок которой — отдельный мир. Алина даже входила в число тех немногих муравьев, которым удалось переползти с одного листка бумаги на другой и вернуться назад. И последние полгода она пыталась построить непротиворечивую математическую модель, которая описывала бы их путешествие в рамках самых передовых научных представлений. Разумеется, этим занималась не она одна, а вся Лаборатория трансформации континуума, возглавляемая профессором Серебряковым. Но Алина с некоторым злорадством отмечала, что Олег Павлович, получив обильную информацию о двух субпространствах Зоны — «Химерической Припяти» и «Изумрудной Башне», — выбрал ошибочное направление: он пытался применить к наблюдаемым феноменам устаревшую теорию Дэвида Бома и быстро зашел в тупик, хотя еще и не понимал этого. Алина надеялась утереть ему и прочим коллегам нос, предъявив свою модель, созданную на более верифицируемой теории струн. Ее амбициозным планам мешала осуществиться лишь сушая мелочь — Алина тоже оказалась в тупике. Она была уверена, что некоторые ее идеи просто блестящи, но сомневалась в том, как следует их развить. А посоветоваться ей было не с кем — ведь тогда бы пришлось публично признаться в своем поражении. А отец... Постой, что он сказал только что?.. «Но если ты попробуешь построить модель Зоны в многомерном пространстве...» Что это — просто фигура речи, или он имеет в виду что-то конкретное?

— Папа, ты пытался это сделать?

— Что, Алусик?

— Пытался построить модель Зоны?

— Поправка номер один! — Пыхало поднял палец вверх и лукаво взглянул на Алину. — Не пытался, а сделал!

Девушка насторожилась. Она прекрасно помнила, что отец не дружил с высшей физикой — как и подавляющее большинство сисадминов, получивших образование в начале века. Самое простое объяснение в данном случае: он мог нахвататься терминологии при просмотре популярных передач типа «Орешек знаний» или «Час науки на Первом», и теперь в помрачении рассудка соединил обрывки знания в некую частную умозрительную теорию, которая кажется ему непротиворечивой, но которую без особого труда разобьет в пух и прах любой первокурсник физмата. Такое случается довольно часто — Алине уже приходилось иметь дело с «фриками», но представить, что и ее отец двинется в том же унылом направлении, она пока не могла. С другой стороны, «подключение» к загадочному каменному «интерфейсу», обнаруженному экспедицией Серебрякова в субпространстве

«Изумрудная Башня», явно сказалось на его психике, а значит, Александр не мог отвечать за свои поступки, а тем более за слова. Бред он и есть бред.

Но расстраивать больного отца Алине совсем не хотелось. Она изобразила улыбку и с нарочитым воодушевлением воскликнула:

— Папка! Ты просто молодец! Как тебе удалось?!

— Поправка номер два. — Привалов вздохнул, обнимая ее за плечи. — Всю Зону мне не потянуть, я разумный человек. Но я сделал эмулятор управляющего комплекса — того самого, который мы называли Стоунхенджем.

Алина с облегчением перевела дух. Ничего страшного. У Пыхало была исключительно хорошая память, а в состоянии стресса он мог запомнить мельчайшие подробности «Стоунхенджа» — вплоть до отдельных трещин на глыбах, если, конечно, там были трещины. Ну вот и создал под впечатлением от тех экстремальных приключений модель из пластилина и спичек, которую гордо окрестил «эмулятором» — программер, что с него взять? Теперь он подобно сообразительному ребенку ждал одобрения своей деятельности. И, разумеется, дождался.

— Папа, ты мне его покажешь? — старательно изображая заинтересованность, спросила Алина.

— Конечно, Алусик. Он у меня в палате. Пойдем?

— В палате? — Алина на секунду вообразила, что отец прячет от санитаров под кроватью маленькую модель «Стоунхенджа».

— Да, на компе. Помнишь, я просил у тебя принести широкополосный спутниковый модем?

— Да, конечно.

— Ну и вот. Я сразу же связался с Приваловым, и мы славно поработали.

Приваловым? Алина в первый момент не поняла, о ком говорит отец. Ведь Привалов — это прозвище, которое дали ему еще в Институте медико-биологических проблем. Неужели раздвоение личности? Но тут она вспомнила, что Александр иногда так называет своего домашнего искина, и успокоилась.

— Ну что, пошли? — Пыхало настойчиво взял дочь за руку и потянул в палату.

— Пошли!

Однако у входа в павильон отец остановился.

— Постой, Алусик. Сейчас же обед. Тебя выгонят.

Появился хороший повод улизнуть, но Пыхало успел заинтриговать Алину, и она сказала, добавив капризных ноток:

— Папа! Я должна увидеть это сейчас! Я не доживу до завтра!

— Ну ладно. Тогда сделаем так. На посту внизу говорим, что ты забыла сумочку в палате, дальше я отвлекаю Марию Филипповну, а ты пробираешься ко мне в палату и ждешь там. Я похлебаю борща и сразу вернусь.

На первом посту им повезло: охранник отлучился в туалет, и врать не пришлось. Охранник, сидевший у входа в отделение, не отрывался от маленького телевизора — так что этот кордон они тоже преодолели без приключений.

Александр направился напрямик к столу медсестры.

— Марья Филипповна, я не опоздал? Знаете, с дочкой заболтался. Наряды, женихи то... се... А как ваши внуки, кстати? Олечка уже ходит?

«Бездарный актер, — подумала Алина с досадой. — Ни за что бы не поверила».

Но Марья Филипповна была другого мнения.

— Ой, Александр Борисович, ползает еще. Но шустрая такая! И глазки уже такие умные.

— Это хорошо. Она у вас сколько весит? Знаете, легкие детки позже начинают ходить...

И, воркуя друг с другом, парочка направилась к столовой.

Алина быстро пошла к палате номер пять. Но тут путь ей преградил Тихий Паша. Кажется, в первый раз за весь день он ее увидел и, присев на корточки, широко распахнул руки и заорал во все горло:

— Здравствуйте!!!

Алина испуганно шарахнулась к стене. Однако никто не обратил внимания на громкий вопль — все на отделении давно привыкли, что Паша без конца здоровается со своими невидимыми друзьями. Глубоко вздохнув, Алина с разбегу проскочила мимо Паши, а когда тот попытался ухватить ее за ногу, просто перепрыгнула через его расставленные руки и опрометью бросилась в палату.

Паша ее не преследовал. Только разочарованно выдохнул:

— Вот так здравствуйте...

— Ну смотри, дочка! — Александр запустил программу.

Дисплей на несколько секунд потемнел, и Алина увидела хорошо знакомую ей картинку: тридцать обтесанных глыб, стоящих вертикально в круг и соединенных поверху каменными перемычками. В геометрическом центре круга лежал большой камень. Именно так выглядел мегалитический комплекс Стоунхендж в субпространстве Зоны, которое получило название «Изумрудная Башня» за характерный ориентир, возвышающийся над пустынной местностью и хорошо видимый издалека. Именно Александр Пыхало первым сообразил, что камень в центре — нечто вроде многофункционального интерфейса, с помощью которого можно управлять искусственными мирами, созданными кем-то для проникновения в нашу Вселенную.

— Компьютер Бога, — с гордостью сказал отец.

Он поводил пальцем по сенсорной панели, поворачивая комплекс туда-сюда и давая Алине возможность рассмотреть его со всех сторон. Потом приблизил центральный камень, представлявший собой правильный куб высотой в половину человеческого роста. Верхняя грань куба была испещрена неглубокими лунками: шестьдесят четыре — по вертикали, шестьдесят четыре — по горизонтали.

Трехмерная модель выглядела очень убедительно. Почти как на стереоснимках, сделанных Серебряковым в первые же часы пребывания в мире «Изумрудной Башни». У отца и впрямь удивительная память! Но... эта модель была пустышкой. Алина и сама могла бы скроить похожую за полчаса и даже без участия специализированного искина. Все-таки Александр совсем чокнулся, совсем-совсем... Как жаль!

— Ну? И что дальше? — спросила Алина, не сумев скрыть разочарования.

— А дальше вот что!

Пыхало быстро заработал пальцем. Камень на дисплее приблизился, заслоня обзор, мигнула красным одна из лунок. И вдруг «интерфейс» словно вывернулся, превратившись в сложную конструкцию с невообразимо огромным количеством мелких деталей. Сначала глаз не мог охватить бесконечное многообразие, но, приглядевшись, Алина поняла, что перед ней нечто вроде трехмерного и очень запутанного лабиринта, состоящего из множества комнаток, соединенных изломанными линиями коридоров. Осью лабиринта была изумрудная спица, светившаяся очень ярко и сразу притягивавшая взгляд. Но в каждой комнатке словно имелось зеркало на стене, а то и несколько зеркал — изумрудный свет спицы многократно отражался в этих зеркалах, наполняя весь лабиринт теплым сиянием. Потом картинка сдвинулась еще раз, одна из микроскопических комнаток стала расти, пока на дисплее не появилась знакомая до боли фигура — изваянный из белого мрамора обнаженный мускулистый мужчина с шлемом на голове и факелом в выставленной правой руке.

— Вуаля! — торжествующе заявил Пыхало. — Мы в Припяти химер!

Алина потрясенно молчала, а ее отец быстро говорил:

— Головоломка оказалась не слишком сложной. Шестьдесят четыре на шестьдесят четыре — это всего-то четыре тысячи девяносто шесть ячеек. Мелочь, если подумать. Ясно, что такое множество не может обеспечить достаточного многообразия. Соответственно,

каждой из ячеек должно быть подчинено некоторое количество подмножеств, которые не зависят от общей структуры и которые формируются сами по себе и подразумевают многовариантность. Помнишь химер в Припяти? Это и есть одно из подмножеств. В реальности, скорее всего, существует всего одна эталонная химера, но совокупность субпространств за счет энергии центральной оси разворачивает информацию о ней в материальные объекты с вариациями, определяемыми конкретными условиями. Тебе ведь не надо объяснять, что энергия, материя и информация непосредственно связаны друг с другом?.. Я знал, что ты умная девочка!.. Так вот, если подбирать бытовую аналогию, то представь себе токаря. Вот он получил чертеж на деталь. В чертеже инженер указал допуски на размеры. Конечно, в идеале хотелось бы, чтобы токарь выточил деталь точно по размерам, но это невозможно: инструмент — материальный объект и обрабатывает заготовку с определенной точностью. Поэтому будущие детали получаются с разбросом по размерам: где-то больше, где-то меньше, но в пределах допуска. Тут то же самое, хотя процесс гораздо сложнее и подразумевает неисчислимое количество допусков, которые задает не инженер, а сама природа — то есть физические законы конкретного субпространства. Перед нами изощренный механизм, но устроен он весьма разумно и действует по определенной программе. Мы с Приваловым знали исходные и принимали по умолчанию, что перед нами программа, а остальное — дело техники.

— Папа, папа! — с мольбой в голосе воззвала Алина. — Я ничего не понимаю. Вот этот мужик с факелом. — Она ткнула в дисплей. — Он-то что означает?!

— Хм-м, Алюсик, — Пыхало вдруг засмеялся и с нежностью погладил дочь по голове, словно возвращая ее в далекое детство. — Это как раз ерунда, фантик... Ну как тебе объяснить?.. А! Вот смотри, у каждой компьютерной программы имеется симпатичная иконка или даже набор иконок на выбор. На самом деле нет особой нужды создавать еще один графический файл, который описывает всего лишь путь к этой программе от корня в глубь вложенных директорий. Но его создают — для удобства ориентации пользователя в наборе программ, для сокращения количества манипуляций при запуске конкретной программы и просто для элегантности визуального представления операционной системы. Так и тут. Мужик с факелом — это главный ориентир и одновременно символ конкретного субпространства.

— А почему не химера? Там же вокруг одни химеры... и ты сам говоришь, что они там... генерируются?

Александр пожал плечами.

— Ну откуда мне знать, дочка? Может, химеры в той потусторонней Припяти — лишь побочный продукт, стружка, а главное ее назначение в другом...

Алина поразмыслила с полминуты, глядя на дисплей. Потом сказала:

— Папа, кажется, я начинаю улавливать суть. Ты и впрямь гений! Раскрыть замысел строителей субпространств — это покруче, чем взломать код «Энигмы». Но я пока не могу понять, какое практическое применение может иметь твоя модель?

Пыхало сначала горделиво расправил плечи, потом чуть смутился и опять затараторил:

— Видишь ли, Алюсик, когда-то я полагал, что Зону во всем ее многообразии создал Господь для того, чтобы показать человечеству ад на Земле. Но когда работал с Приваловым над эмулятором, понял простую вещь: все это — человеческое, слишком человеческое. Может быть, сверхчеловеческое, да. Может быть, создатели системы субпространств — кто-то вроде Бодхисаттв, достигших просветления и вернувшихся, чтобы помочь человечеству обрести понимание истины... Может быть, они вроде демонов... Демоны ведь тоже служат Творцу и его неизреченной мудрости. Но в любом случае они не боги и даже не богочеловеки. А значит, мы способны познать их план и, если он нас не устроит, вмешаться, потребовать его изменения к нашей выгоде...

— И как ты собираешься это сделать? — спросила Алина, вклинившись в естественную паузу, чтобы направить признание отца в нужное ей русло.

— Моя модель — это карта. По ней можно определить самый короткий путь из нашей Аномальной Зоны в мир строителей субпространств. Серьезное достижение, согласись. И в

общем не имеет значения, чем заполнены ячейки, в которых мы еще не побывали, главное — сами эти строители. Именно строителей нам следует искать и найти. Но для этого моей модели недостаточно. И недостаточно управляющего камня в мире Изумрудной Башни. Нужен еще ключ... Ты же помнишь: для активации комплекса необходимо кольцо, которое нашел Виктор. Это и есть ключ, который может сделать любого человека равным создателю субпространств...

Равным? Алина сильно сомневалась в этом. Пример Пыхало демонстрировал обратное — ведь он сидел в психушке, а не в Кремле. Хотя кто знает?... Может, загадочные строители субпространств как раз сплошь психи и есть. Только большое воображение могло придумать мутантов Зоны — тех же химер, к примеру...

— Алюсик, я хочу тебе признаться. — Пыхало отодвинулся от дочери, прижался стеной к стене и зачем-то зажмурился. — В тот момент, когда я с помощью кольца подключился к терминалу Стоунхенджа, на меня свалился шквал информации — тысячи образов... как будто тысячу фильмов перед глазами запустили... Я был не готов... то есть совсем не готов. Поэтому сорвался. Не сумел удержаться на плаву рассудка. Но кое-что все же я запомнил... кое-что важное... И я думаю, что во второй раз у меня получилось бы управлять системой субпространств. Это как с гириями. Сначала тяжело и больно, а потом мышцы окрепнут и уже не ноют по утрам... А Виктор! Ты же видела, что ему это кольцо нипочем. Значит, он был подготовлен. Вот что значит двадцать лет в Зоне — закалился! И другие смогут, я уверен. Стресс можно победить. А значит, можно подчинить себе субпространства... Я хочу еще раз побывать там... в Стоунхендже, рядом с Изумрудной Башней... хочу еще раз попытаться... уже осмысленно... Думаю, на этот раз у меня все получится. — Отец тихо засмеялся. — Не может не получиться...

Разумеется, Алина даже гипотетически не могла допустить, что Александр еще когда-нибудь отправится в Зону и в связанные субпространства, но если созданная им модель и впрямь работает, то перед Лабораторией трансформации континуума открываются широчайшие перспективы. И оседлать эту волну может она... Алина! В таком случае профессору Серебрякову придется уступить и дать ей тему — она будет в лаборатории главная! А то опять получилось, что по итогам экспедиции был написан отчет, в котором ее вклад был отражен, мягко говоря, слабовато. И это мягко говоря!

Перспективы и впрямь захватывали дух. Копию модели Стоунхенджа она у Александра легко выпросит. Приведет ее в более функциональный вид — без всех этих завитушек в стиле «National Geographic». Артефактный комплекс на основе «Звезды Полюнь» у Лаборатории имеется — даже не один, а два, и оба испытаны в полевых условиях. Дорога в мир Изумрудной Башни через старую «воронку» у экскаваторного ковша на Свалке проторена, больших неожиданностей там не будет. Не достает только кольца с печаткой, которое где-то в Зоне отыскал — подобрал? украл? — дядя Витя.

В апреле, полгода назад, Алине посчастливилось видеть кольцо в действии — когда Виктор Свинцов через субпространства перенес экспедицию Серебрякова в прошлое и замкнул «временную петлю», спасая себя молодого и своих товарищей по Биологической станции от верной гибели. Кольцо это Виктор забрал себе и, насколько поняла Алина, не собиравшись с кем-то делиться. С минуту Алина обдумывала, не пойти ли ей традиционным путем — поиграть с Виктором в «дочки-матери» и выпросить у него кольцо. Но, поразмыслив, отказалась от этой идеи: во-первых, мама будет очень зла, если узнает; во-вторых, Артур наверняка вообразит себе невесть что и обидится; в-третьих, Свинцов был Алине симпатичен и обманывать его на почве отцовства не хотелось. И, наконец, в-четвертых, сама эта авантюра может закончиться с противоположным результатом: Свинцов — крепкий орешек и согласился с дурацкой идеей, что «девчонке» в Зоне делать нечего... Нет, разумеется, раньше или позже Алина получила бы то, что хотела — она всегда получала то, что хотела — но лучше будет потратить время и силы более рационально. Поэтому она спросила:

— Папа, а как ты думаешь, такое кольцо одно?

— Нет! Конечно же, нет! — живо откликнулся Александр, он открыл глаза и выпрямился. — На печатке, кроме символического сердца и льва, были две цифры: один и два. Я думаю, это порядковый номер — двенадцать! Виктор снял кольцо с мертвеца, сам признался. Значит, где-то есть и живые: первый, второй, одиннадцатый... Может, их больше, чем двенадцать. Скорее всего, больше! Строителей субпространств должно быть много — такую сложную систему нереально сконструировать в одиночку.

— А если бы у тебя оно было, тебе бы это помогло в работе над моделью? — Алина решила подстраховаться перед матерью: не сама, мол, полезла, а папа попросил.

— Алусик, еще как помогло бы! — Пыхало возбужденно завожился на постели. — Мы с Приваловым попытаемся взломать код доступа к системе субпространств. Ведь кольцо типа ключа, это ясно и распоследнему ламеру. И если мы взломаем код, нам многое станет подвластно. Я уж не говорю о простой возможности изготавливать дублирующие кольца. Мы сможем перепрограммировать всю систему управления субпространствами! И таким образом влиять на Зону!

— Тогда, папа, — торжественно объявила Алина, — обещаю: кольцо у нас будет!

3

Теплая украинская ночь опустилась на лагерь группировки «Свобода». Шумели под порывами ветра листья на старых тополях Предзонника. Переговаривались у костров отдыхающие сталкеры, звенели гитары. Кто-то, хватив лишнего, хрипло горланил песню — на нее откликались тоскливым воем слепые псы на дальних холмах за Периметром.

В одной из палаток спал, лежа ничком на пропахших потом простынях, мужчина. Порывы ветра, врывавшиеся в маленькое вентиляционное окошко, затянутое противомоскитной сеткой, охлаждали его разгоряченное обнаженное тело. В свете Луны блестела пустая бутылка, закатившаяся в угол. Его спутница, одетая в камуфляжные штаны, военные ботинки и темно-зеленую майку, курила у входа в палатку, отбрасывая со лба прядь темных волос.

Затушив сигарету, она подошла к мужчине, наклонилась над ним и потрогала за плечо. Тот не пошевелился. Женщина удовлетворенно улыбнулась: традиционный коктейль «Клофелин с водкой» не подвел и на этот раз. Она достала из кармана портативный фонарик. Подсвечивая себе, пошарила в рюкзаке и поясных контейнерах мужчины, добыла оттуда «ломоть мяса», пару «каменных цветков» и «вспышек», переложив найденные артефакты в свою маленькую сумку. Потом осторожно села на колени у деревянного топчана, на котором лежал мужчина, и начала аккуратно стягивать с безымянного пальца своей жертвы кольцо-печатку. На печатке из драгоценного камня скалил зубы геральдический лев, окруженный замкнутой линией, по форме напоминающей сердце. Кольцо сидело туго, и женщине пришлось приложить немалые усилия — онагнула и дергала руку мужчины, чуть не сломала ему палец, но он так и не проснулся.

Наконец кольцо тоже переключалось в сумку женщины. Она подобрала сброшенную с топчана кожаную крутку, надела ее. Подумав, извлекла из внутреннего кармана изящное вышитое бисером портмоне, из него — купюру в двадцать гривен и засунула ее между пальцами мужчины.

После этого она так же тихо вышла из барака, незамеченной пересекла лагерь и зашла в один из давно брошенных барачков. Разметала груды хлама в углу и выкатил черный мотоцикл. Откатила его подальше от лагеря и только тогда повернула ключ зажигания, вскочила на «железного коня» и умчалась в ночь.

Глава 3. Даже мурашки бегут по спине...

В киевском офисе «GSC World» Алекс, Борис и Виктор склонились над картой.

— Я считаю, нам нет смысла заходить с Южного Кордона, — говорил Алекс. — Там полгода назад мы уже так наследили, что найдется кому нас вспомнить недобрым словом. Во-первых, генералу Роте с «долговцами» — за архив О-Сознания. Во-вторых, координатору Гоголю со «свободовцами» — опять же за архив О-Сознания. В-третьих, вообще чем меньше мы пройдем по Зоне и чем меньше будем светиться в обжитых местах, тем лучше для всех. Поэтому предлагаю зайти с востока — через станцию Зимовище. Как вы оба знаете, там проходит железка, по которой раньше возили грузы в Припять. Но главное — вдоль железки проложено хорошее обновляемое шоссе до самого Периметра. В самом Зимовище — блок-пост миротворцев, там же обосновались российские военсталы. С последними всегда можно договориться. Подождите-ка минутку!

Алекс отодвинулся от стола, вытащил свой модный ПДА, потыкал в панель.

— Соня! Узнай, пожалуйста, какие командиры сейчас заправляют Зимовищем и сколько они возьмут за то, чтобы в упор нас не заметить.

Из динамика послышался треск.

— Соня! — громче позвал Алекс.

— Она же в аэропорт уехала — встречать представителя «Норд Ривер». Ты, между прочим, ей сам поручил! — напомнил другу-компаньону Борис.

— Вот блин! Склероз замучил! Ладно, Боря, придется тебе... э-э-э...

— Понял, сделаю.

— Так, поехали дальше. — Алекс спрятал ПДА, вернулся к столу и, словно командующий фронтом, повел указательным пальцем по карте. — Добираемся от Киева до Чернигова — раз. Выдвигаемся из Чернигова в Зимовище — два. Проходим Зимовище — три. Идем по шоссе от Зимовища до реки Припять — четыре. Дальше там Мост Смерти через реку Припять. Несмотря на название, ничего дурного за ним не числится. Переходим мост — пять. За мостом — заброшенные служебные постройки: мастерские, пост дозиметрического контроля воды, метеостанция.

— Биологическая станция, — вставил Виктор.

— А?

— Там южнее была биостанция. У пруда-охладителя. В две тысячи шестом.

— Угу-угу. — Алекс рассеянно покивал. — Вот здесь возможны всякие неожиданности: засады, непредусмотренные залипания в аномалии, молодые мутанты и прочие заморочки. В общем, нужен опытный проводник, знающий конкретную местность. Виктор, потянешь?

Свинцов покачал головой.

— Нет. Я там с две тысячи шестого как раз и не был, а до Моста Смерти вообще не доходил. Вы же знаете, до года Стрелка эта территория была перекрыта Радаром, а в Четвертом энергоблоке «Монолит» шабаши устраивал. А позже, когда Выжигатель мозгов отключился, туда опять-таки все ломанули, и началась войнушка, а я не люблю ходить туда, куда ходят все, и уж тем более воевать. Так и не довелось...

— Все ясно. Боря, пробей по базе, кто сейчас из опытных сталкеров востока Зоны ищет работу.

— Легко, — Борис достал ПДА. — Вот... Иван Тропник.

— Тропник? — Виктор улыбнулся. — Знаю его. Хороший мужик — спокойный и понимающий. Он раньше в «Чистом небе» состоял. Рад, что живой.

— С ним еще Миша Врач и техник Серега Новиков.

— А эти как? — спросил Алекс Виктора.

— Этих не знаю. Но Тропник всякую шелупонь с собой брать не будет, это точно.

— Ладно, пригласим всех троих, ближе к делу разберемся. Дальше по карте от берега Припяти до Четвертого энергоблока рукой подать, и даже, вроде, дорога есть, но это уже с Тропником обсудим. Теперь, Виктор, что нам нужно? Подсчитал?

— БТР для людей, трейлер — для жилья, еще трейлер — под лабораторию, прицеп с дизель-генератором.

— Сколько человек?

— Швед этот... — Боря заглянул в ПДА. — Профессор Ка Райка. Биолог... Точнее, астробиолог.

— Специалист по астрам?

— Балда ты, Алекс. Астра — это звезда. «Через тернии к звездам» — был такой старый фильм, помнишь? По латыни: «Per aspera ad astra». Астробиолог — это специалист по внеземной жизни.

— Уфолог?

— Ни фига. Уфологи ловят летающие тарелочки. А астробиологи строят модели, какой могла быть жизнь на планете, если бы, например, Солнце было зеленым.

— Хлебная должность. А главное — не проверишь. Грантоедус вульгарис детектед.

— Лучше бы он был асперобиологом. Терний в Зоне куда как больше, чем астр.

— Ладно, кончай базар. Шведский астробиолог — раз.

— Виктор.

— Два.

— Трое проводников.

— Три, четыре, пять, шесть.

— Почему шесть?

— Потому что ты забыл консультанта из лаборатории Серебрякова.

— Ах да... Пять рабочих, пять охранников.

— Шестнадцать. Запиши еще: врач и повар. Если найдутся такие, кто готов совмещать одно с другим — хорошо. Не найдутся, найдем дополнительно.

— Повар со знанием скандинавской кухни?

— Ага, способный превратить Припять-крокодила в маринованную селедку.

— Или сварганить кровяную колбасу из снорка! Теперь о тебе, Виктор. По нашим данным, молодая «воронка» открылась в районе сгоревшего хутора на севере Затона. Вчера я консультировался с Харьковым. Ребята из группы «Зорич» говорят, что энергетическая констелляция вокруг «воронки» благоприятна. У тебя большие шансы проскочить в Стоунхендж, как по намазанному.

— Это близко от Саркофага?

— Довольно-таки. Смотри, тут обозначена прямая дорога от Саркофага на юг до лесопилки, а оттуда надо пройти метров пятьдесят на восток, перейти протоку по мосту — и будет тебе хутор.

— Ага, есть! — Виктор внимательно посмотрел на карту, отпечатывая ее в своей памяти.

Конечно, с ним будет ПДА, подключенный по выделенному каналу к системе «Длань», но все же, все же...

— Правда, в Зоне прямых дорог не бывает, ты же знаешь. — Борис словно прочел его мысли. — «Звезду Полюнь» и кольцо не потерял?

— Спрашиваешь.

— Кончайте шептаться, заговорщики. — Алекс отошел к окну. — Соня приехала.

У входа в здание остановился «Патриот» седьмой модели. Виктор, любопытствующий насчет секретарши-хипушки и шведского профессора, тоже подошел к окну, но увидеть прибывших не успел. Алекс и Борис одинаковыми движениями пригладили волосы и одернули пиджаки своих деловых костюмов.

Дверь в кабинет открылась, и в проеме Виктор увидел двух массивных женщин. Одна из них — одетая в пестрый домашней вязки свитер — носила короткую стрижку ежиком; темные волосы были частично выкрашены в зеленый цвет. «И вовсе не хипушка, а панкушка, — подумал Виктор. — Вечно молодежь все перепутает. Хотя... кто этих женщин разберет?» Вторая женщина предпочитала черное — джинсы и облегающий свитер. Ее светлая богатая шевелюра была заплетена во множество тонких «африканских» косичек. На внушительной груди красовался кулон из тускло-зеленого полудрагоценного камня.

— Разрешите вам представить, профессор! — начала «хипушка-панкушка» Соня. — Алексей Румянцев и Борис Витицкий, исполнительные директора «GSC World: Thunder». Виктор Свинцов, бизнесмен.

— Здрахастуйте, хаспада! — приветствовала собравшихся профессор Райка.

2

Александр Пыхало был прав. Это Алина поняла буквально сразу после того, как вошла в Сеть и принялась шерстить сталкерские сайты. Нужное кольцо с печаткой в виде льва, сидящего внутри стилизованного сердечка, нашлось по одиннадцатой ссылке. И что особенно приятно: все остальные кольца, мелькнувшие в поисковой системе, явно не имели никакого отношения к тому, которое искала Алина.

Объявление гласило, что некий сталкер Флибуста продает набор артефактов, включающий: «кровь камня», две «зажигалки», две «вспышки», две «медузы», «морского ежа», а самое главное — возжеленное кольцо. Хочет за все три тысячи долларов. На продажу в розницу не согласен. Желающие могут оставить заявку — свой код на сайте, а потом подъехать на станцию Толстый Лес в Предзоннике и найти Флибусту на площади у памятника Неизвестному Солдату. Оповестительный знак: кортик с рукоятью в виде орла — ну и безвкусица!

Алина с улыбкой потерла руки. Все складывается удачно. И особенно удачно, что мама в кои-то веки взяла отпуск и уехала на две недели к подруге в Санкт-Петербург. Первые три дня она звонила утром и вечером, в следующие три — один раз перед сном, теперь перешла на звонки через день. Похоже, подруга действует на нее позитивно.

Алина быстро оформила заявку на предложение Флибусты, заказала билет на скоростной поезд Москва-Киев и через чат связалась с Артуром.

Артур был студентом-дипломником физмата МГУ и подрабатывал в Физическом институте. При других обстоятельствах Алина не одарила бы subtilного юнца из провинции и толикой своего внимания, но нынче тот был... «официально влюблен» в нее. И не только «официально», но и всерьез — до такой степени, что в прошлом году навязался дяде Вите в спутники и отправился в Зону спасать экспедицию профессора Серебрякова, в которой участвовала Алина. И, как водится, сделал ставку не на ту «лошадь». Экспедиция в спасении вовсе не нуждалась, а вот ограниченный контингент озабоченных «родственников» по дороге умудрился влипнуть во все неприятности, в какие только было можно. Виктор, даром что опытный сталкер, поссорился и с «Долгом», и со «Свободой». Его группа чуть не погибла в засаде бюреров, едва не была затоптана псевдогигантом и угодила в ловушку, подготовленную древним мощным контролером. В довершение ко всему, активировав наудачу артефактный комплекс со «Звездой Полынь», эти дилетанты чуть не отправились скопом на тот свет. В общем, Артур со своей любовью ничего не мог дать Алине, однако все вокруг, включая профессора Серебрякова, почему-то считали, что она обязана студенту и должна теперь отыгрывать роль в «лав-стори». С другой стороны, у Алины не было никаких личных мотивов отказываться от этой роли — ей и вправду стал интересен человек, который рискнул жизнью ради любви. Да, не красавец. Да, неказистый. Да, закомплексованный. Возможно, еще и девственник. Ну и что? Много ли на планете найдется девушек, которые могут честно похвастаться, что ее бой-френд рискнул здоровьем и жизнью ради нее, бегал под пулями ради нее, едва не сложил голову в схватке с монстрами Зоны ради нее, сиганул отчаянно в чуждое пространство ради нее — и не в вирт-кресле, не в подключке к «Машине желаний», а в реальности? Многие ли? То-то и оно. Артур, несмотря на свою неказистость, заслужил гораздо большего, чем просто хорошее отношение. И при этом оставался милым парнем, который не задавал ей идиотских вопросов типа: «Зачем такой красавице интересоваться физикой?» и не советовал «не зазнаваться и не воображать себя самой умной», как некоторые. С ним даже можно было потолковать — в конце концов он учился на том же факультете и не понаслышке знал проблематику Аномальной Зоны. Словом, Алина предпочитала держать Артура поближе к себе и часто пользовалась его услужливой

готовностью помочь в разных житейских делах. Эх, если бы не его дурацкая любовь — получился отличный товарищ! Ну да ладно...

Сейчас Артур уехал на «длинные выходные» домой — куда-то на Украину, к родителям. Судя по тому, что он в Сети — не совсем в деревне его предки окопались. Будем надеяться, что это не так далеко от Киева.

«Ваше Пресветлое Величество! — отбарабанила Алина на клавиатуре. — Король былого и грядущего! Где изволите пребывать?»

Пару месяцев назад на экраны вышел новый голливудский сериал «Король Артур и рыцари Круглого стола», и тех пор Алина подразнивала бой-френда его знаменитым тезкой — чтобы держать в тонусе.

Артур тут же послушно откликнулся:

«Здравствуй, любимая. Я в Харькове, у мамы».

В Харькове? Хм. Там работает загадочная научная группа «Зорич», с которой в последнее время профессор Серебряков налаживает активные контакты. Надо будет как-нибудь побывать, навести мосты... Но это потом, потом...

«Отлично. Можем встретиться завтра в Киеве?»

«Конечно».

Хороший мальчик! Правильный мальчик!

«Буду скоростным в 10:29. Встречай на вокзале. Купи для нас билеты в Толстый Лес».

«Понял. До встречи!»

И смайлик в виде сердечка. И сразу еще три таких же. Провинциал! Чтобы натянуть поводок, Алина послала в ответ смайлик «целующие губки» и торопливо покинула чат.

* * *

Ничего-то он не понял — в этом Алина убедилась, едва увидела Артура. Тот догадался явиться на вокзал с букетом алых роз. Спасибо еще, что торт «Киевский» и шампанское не прихватил, ухажер хренов! Алина заметалась с розами туда-сюда: в урну пихнуть — Артур обидится, подарить кому-нибудь — человека хорошего напугаешь, и в конце концов сунула цветы незадачливому рыцарю — дескать, сам купил, сам и таскай.

На счастье Артура нужный электропоезд уходил через двадцать минут. Алина только и успела, что купить в привокзальном магазинчике полдюжины слоек с клубничным вареньем и кольцо любимой подкопченной колбаски — и покатили.

Ехать было долго. Маршрут был проложен окольными путями: сначала на запад в Коростень, затем — на север, до Овруча, и только потом «железка» поворачивала на восток — в сторону Зоны. Поезд неторопливо полз среди широких полей и густых лесов, которые пока не тронула вступающая в свои права осень. День был ясный и теплый, но на востоке у самого горизонта бродили темные грозовые тучи. Алина поехала, вспомнила об оставленном в Москве зонтике и от души понадеялась, что им удастся обернуться до дождя.

Поселок Толстый Лес сгорел еще в 1996 году во время лесных пожаров. Позже миротворцы построили здесь несколько бараков и ангаров; они же восстановили железнодорожную ветку. Еще позже генерал Роте решил организовать в Толстом Лесу накопитель для туристов, желающих полюбоваться на легендарный Четвертый энергоблок. С этой целью глава «Долга» вложил в восстановление разрушенного Дома культуры, который в процессе ремонта и реконструкции был превращен в гостиницу, где иностранцы, желающие посетить Зону цивилично и с относительным комфортом, проходили инструктаж у опытных проводников, получивших персональную лицензию. Тут же подтянулась и инфраструктура. В здании вокзала и в домах, окружающих площадь, в центре которой возвышался памятник Неизвестному Солдату, открылись кафе, бары, казино, бильярдные и боулинги, а рядом с памятником появились клумбочки и лотки торговцев сувенирами.

Едва Алина с Артуром вышли из вагона, их тут же атаковала галдящая и хватающая за рукав толпа доброхотов, сулящих «задешево показать все чудеса Зоны». Впрочем, стоило прогуливавшемуся по платформе милиционеру оглянуться и сделать шаг в направлении

прибывших, как толпа мгновенно рассосалась — очевидно, генерал Роте не желал, чтобы его туристам морочили голову всякие сомнительные личности, которые толком не нюхали Зоны, и сумел «уговорить» украинскую милицию исполнять свои прямые обязанности.

Алина наконец смогла осмотреться. Вот они и на месте. Вот памятник Неизвестному Солдату. Вот площадь. На ней толчется куча народу: туристы, торговцы, псевдосталкеры в защитных костюмах, от которых за версту пахло бутафорией. И что делать дальше? Где искать этого Флибусту? Алина прошла по площади из конца в конец в поисках вдохновения. Артур с дурацким букетом покорно семенил рядом — он был гораздо выше девушки, и ему волей-неволей приходилось сокращать шаг, чтобы не обгонять ее.

Алина приблизилась к гостинице и изучила расписание ближайших экскурсий в Зону. Обошла гостиницу и полюбовалась на плакат на четырех языках — русском, украинском, английском и немецком — висевший на будке охранника: «Пожалуйста, отключайте звуковую сигнализацию. Берегите сон ваших соседей, а мы будем беречь ваши авто». С неудовольствием отметила, что небо затягивают серые тучи и начинает накрапывать дождь. Вместе с погодой быстро портилось настроение. Алина уже подумывала о том, чтобы отыскать место потише, войти в Сеть и описать неведомому Флибусту, какой он подлый урод и обманщик. И тут Артур спас положение. Толкнул девушку под руку и со смехом сказал:

— Ты смотри, какая глупость!

Алина посмотрела. В ближайший лоток с сувенирами был воткнут огромный фальшивый кинжал с двуглавым орлом вместо рукоятки. Флибуста! Спасибо, Пресветлое Величество!

У лотка стояла черноволосая девица — вылитая цыганка, только без монистов и пестрой юбки, а в нормальных джинсах и кожаной куртке. Пол-лица девицы закрывали огромные темные очки. Поймав взгляд Алины, она сделала приглашающий жест:

— Интересуетесь, молодые люди? Вот рекомендую: талисманы из когтей снорка, резьба по кости бюреров, осколки легендарного Монолита... — Тут она разглядела букет в руках Артура и понимающе усмехнулась. — Могу также порекомендовать новый модный артефакт «Стрела амура». Для молодоженов — со скидкой. Обещаю, вы будете полностью удовлетворены.

— Спасибо, это очень интересно, — сказала Алина. — А нет ли у вас артефакта за двадцать семь ноль два?

Это был ее код, оставленный на сайте — день рождения матери, двадцать седьмое февраля.

Флибуста невозмутимо кивнула и достала откуда-то из-под прилавка матерчатый мешок. Алина заглянула внутрь, с позволения торговли нашла, вытащила и осмотрела кольцо. Да, то самое, искомое — лев, сердце и маленькие циферки: «1» и «0». Не двенадцать? Ну, конечно же! Кольцо с дюжиной может быть только одно. А владелец этого, значит, в иерархии строителей субпространств занимает десятое место. Еще лучше, чем двенадцатое!

У Алины даже перехватило дыхание. Тем не менее она с видимым спокойствием вернула кольцо в мешок к другим артефактам, опустила молнию на куртке и покопалась во внутреннем потайном кармане. Наконец извлекла плотный цилиндрик сто долларовых купюр, перехваченных резинкой для волос. Протянула деньги Флибусте и спросила:

— А не скажете, где вы его достали?

— А ва... ва... — ответила Флибуста.

Голова торговли неожиданно отделилась от тела и упала на стол с сувенирами. Алина, так и не успев понять, что происходит, непроизвольно отскочила, дернув за собой драгоценный мешок — в этот момент она больше всего боялась, что ее и приобретенные сокровища заляпает кровью. Обезглавленное тело Флибусты рухнуло наземь, и Алина увидела высокого мужчину в черном «долговском» костюме и с коротким мечом в руках.

— Повинна смерти! — спокойно сказал мужчина и снова занес меч.

Несколько лет своей бурной молодости Давид Роте провел в украинской спецтюрьме¹ и обзавелся там полезной привычкой просыпаться за десять секунд до того, как кто-то войдет в его камеру... тьфу, комнату. Вот и сейчас, стоило сапогам зашуршать в коридоре, как Роте уже сел на койке и включил свет. Федор Воробей, дежуривший в эту ночь на штабном телефоне, выглядел удивленным и испуганным.

— Господин генерал, извините за беспокойство!

— Слушаю.

— Звонит Никита Грач с поста на Свалке. Говорит, что должен передать послание для вас.

— Послание?

— Послание, господин генерал. И голос у него такой... Кажется, там что-то происходит...

— Хорошо. Сейчас буду.

Через пять минут Роте уже входил в штабную комнату, а Воробей протягивал ему трубку. Роте заметил, что дежурный бледен, а его рука дрожит.

— Слушаю, Никита, — сказал Роте в трубку. — Что у тебя стряслось?

— Он говорит, что вы должны уходить...

Связь была плохая, в трубке раздавались посторонние шорохи и шумы. Однако Никита говорил громко, и Роте по его звенящему, как струна, голосу понял, что подчиненный вот-вот сорвется.

— Спокойствие, майн юнге, — воззвал генерал. — Слышу тебя хорошо. Ты говоришь, что мы должны уходить? Продолжай.

— Это не я — он говорит! Говорит, что у вас остался час. Потом здесь будет орда мутантов... Не здесь, а там, у вас. Здесь она уже сейчас.

— Я понял. Через час здесь, у нас, будет орда мутантов. А кто этот «он», который так говорит?

— Стрелок. Он говорит, что он Стрелок.

— Хорошо. Все очень хорошо. Я тебя понял, Никита. К тебе пришел Стрелок и говорит, что мы должны уходить и что через час на Базе будет орда мутантов.

— Вы мне не верите? — Грач отчетливо всхлипнул. — Они здесь! Они уже здесь! Обезьяны с тыквами вместо голов! Ракопауки! Крокодилы! Серегу схарчили за так! Одни сапоги остались!

— Спокойно, Никита. Спокойно. Я тебе верю. Ты сам в опасности?

— Я... я не знаю... Он говорит, чтобы я заканчивал... Господин генерал, вытащите меня отсюда... пожалуйста...

— Спокойно, Никита. Я...

Связь оборвалась.

Сталкер, назвавшийся Стрелком, снял руку с рычага телефона.

— Ладно. Поговорили и будет. Наше дело — предупредить. А дальше пусть сами разбираются.

— Может, еще в «Свободу» позвоним? — запинаясь, предложил Никита.

— А что, у вас провод и туда протянут? — спросил Стрелок с усмешкой.

Никита в ужасе покачал головой.

— Ну и обойдется твоя «Свобода». Так. Теперь насчет тебя. Хочешь остаться в живых — можешь идти со мной.

— А... куда? — спросил Никита.

— И туда, и сюда. Я собираюсь зачистить Зону. Всю.

¹ Подробнее историю сталкера Давида Роте изложил немецкий писатель Бернд Френц в трех книгах из серии «S.T.A.L.K.E.R.»: «Зона смерти», «Ад», «Апокалипсис».

Никита посмотрел на изгрызенный и переломанный труп напарника, потом в заляпанное грязью окно бытовки — на рыскающих по Свалке отвратительных мутантов и покачал головой.

— Нет... я, пожалуй, здесь останусь... Буду своих ждать.

Стрелок усмехнулся:

— Ну жди, жди. Только учти: я уйду, и тебя некому защищать будет.

Никита судорожно вздохнул.

— Ничего... я сам... как-нибудь... Только... дайте мне пять минут... ладно?

Стрелок хмыкнул и глянул на старомодные часы на запястье.

— Ладно. Пошли твои пять минут. Действуй.

Никита заметался по бытовке, закинул на плечо два автомата, кинул в сидор две коробки патронов, четыре банки тушенки, выволок канистру с подсеребренной водой. Подумал немного — сунул за пояс топор, подхватил моток толстой веревки и бросился к вышке, тяжело переваливаясь на бегу.

Глава 4. Если представить, что может случиться...

1

— Все это никхуда не хадится, хаспада! — заявила профессор Райка, ознакомившись с планом оснащения экспедиции, который набросали Алекс и Боря. — Кхоличество рхабочьих и охранников нхудо увхеличить втхое. Еще нам нхужен дополнхтительный пхрицеп с высокхой хрузоподьемностью. И эксхаватор.

— Но зхачем? — в тон ей спросил Алекс, но тут же спохватился и поправился: — То есть зачем?

Райка поморщилась.

— «Норхд Рихвер» был хазработан пхрибор «Омеха», кхоторый будет проводить монхиторинг сейсмихческой ахтивности Четверхтого энерхоблока. Мы должны достахвить его к энерхоблоку, вырыть шахты и пхоместить пхрибор туда. Это — основная зхадача на дахном этхипе эксхпедиции.

— О'кей, это все не так сложно. Думаю, нам понадобится пара дней на доставку дополнительного оборудования, — подумав, ответил Алекс.

— Харашшо. Дхайте мне знать, кхогда все бухдет хатово, и «Омеху» достахвят в аэхропорт чххтерным рейсом. А похка отвехзите меня в хастинницу. Доствидхания, хапспада.

— До свидания, профессор, — вежливо попрощался Борис. — Софья Марковна вас проводит. Мы свяжемся с вами, как только ваши распоряжения будут выполнены.

* * *

— Уф! — выдохнул Алекс, когда дверь за двумя женщинами закрылась. — Что это было за чудо-юдо?

— Смотрите сюда, — Борис возился с ПДА. — Даю информацию в развертке.

Засветился виртуальный экран на стене. Алекс и Виктор увидели фотографию юной симпатичной девушки, в которой с некоторым усилием, но все еще можно было узнать профессора Райку. Фотографию сменил текст:

Ким Райка. Родилась 26 января 1993 года (г. Евле, Швеция). Гражданка Швеции. Родители — Марина Волханова и Свен-Оле Райка. Есть сведения, что Ким Райка унаследовала от матери выдающиеся пси-способности. После смерти отца (самоубийство) в 2011 году переехала в Украину, где находилась пять лет. Подробности ее пребывания на исторической родине неизвестны. После

возвращения в Швецию закончила университет г. Упсалы. Специальность: астробиолог. В настоящее время преподает в названном университете. Воспитывает сына.

— Кучее какое-то у тебя досье, — заметил скептически Алекс. — В Сети побольше нарыть можно... Что за гиперссылка на Волханову?

— Сейчас.

На экране появилась еще одна фотография — симпатичной кареглазой дивчины в медицинском халате. Подпись под фотографией гласила:

Марина Викторовна Волханова. Родилась 14 июля 1965 года (г. Киев, Украина). Известна как Великая Волханова. Обладала сильнейшими психическими способностями, специфика — дальновидение. Работала в Новосибирском Академгородке, позже — в Институте автоматизации и электрометрии (Отделение Восемь) под руководством профессора И. И. Добрынина. Способствовала обнаружению и уничтожению четырех глубоко законспирированных террористических групп. Предсказала и предотвратила покушение на российского президента. После закрытия Института автоматизации и электрометрии в 1992 году М. В. Волханова переехала в Швецию, где вышла замуж за инженера-нефтяника Свена-Оле Райка. В браке родилась дочь Ким Райка. М. В. Волханова была объявлена в международный розыск летом 2005 года по заявлению мужа. Ее местонахождение до сих пор не установлено.

— Стоп-стоп-стоп! — Виктор хлопнул себя по лбу. — Эту фамилию я уже слышал... Черт, а ведь эта самая Марина Волханова входила в О-Сознание. Роте говорил мне полгода назад... Что это достоверно установленный факт. А кроме того, Падла мне показывал страницы из дневника Волхановой, которыми ты, Алекс, пытался торговать в «Старентгенах»...

— Хм-м-м... — Алекс наклонил голову. — Падла? В «Старентгенах»?.. Не помню такого...

Плюмбум сообразил, что разговаривает не с Алексом Грозой, для которого недавние приключения в Зоне были бы свежи, а с Алексеем Румянцевым, смутно помнящим детали того, что с ним происходило двадцать лет назад. Нужно было освежить его воспоминания.

— Короче, — сказал Виктор, — в апреле крадущийся по прозвищу Бегемот-Падла показывал мне странички из дневника женщины, входившей в О-сознание. Там было что-то про ноосферу и наблюдателей... я уже не помню подробностей, но впечатление сохранилось: какие-то женские завывания по поводу дара для всего человечества и дьявола, который может нарушить планы. Но главное — Падла сказал, что дневником потрясал ты, Алекс. Видимо, с намерением подороже продать...

— Так! — встревожился Борис. — А почему я об этом ничего не знаю?

— Да не помню я, почему ты не знаешь. — Алекс смешно наморщил лоб, потом защелкал пальцами, заулыбался. — Ну да... Я ж тогда не в курсе был, что заказчик на архив О-Сознания — это мы сами и есть. Вот и решил проверить, насколько вещь ценная. Зашел в «Рентгены», потолковал со старожилами... Скотина этот Бегемот — никто ему не давал права листки фотографировать! Украдкой, небось... Папарацци!

— Так. — Борис осуждающе покачал головой. — Значит, решил подзаработать полегкому, цинично наплевав на компаньона?

— Да не хотел я заработать! Нам всего хватало тогда... Просто... ну надо же было выяснить, почему с этим архивом все так носятся.

— А подумать? Ты хотя бы понимаешь, что тем самым выдал Роте и всем прочим нашу тайну? Удивлялся еще, почему генерал на нас охоту объявил... Дундук слабоумный!

— Сам такой! — огрызнулся Алекс.

Эти двое сразу стали похожи на обиженных детей, даром что на каждом — деловой костюм и бейдж исполнительного директора крупнейшей транснациональной корпорации.

— Хватит! — Плюмбум примиряюще поднял ладонь. — Хватит обсуждать дела давно минувших дней. Вы еще вспомните, кто кому в горшок написал...

— Нет, — заявил Борис непреклонно. — Пусть он признает, что сделал глупость. И пусть признает, что если бы посоветовался со мной, глупости удалось бы избежать.

— То есть ты хотел бы изменить ход событий? — поинтересовался Плюмбум. — Хочешь взять и вычеркнуть свое прошлое?

— При чем тут мое прошлое?

— А ты сделай то, к чему призывает Алекса. Пошевели извилинами. Если бы Алекс не пошел в бар «Сто рентген» и не показал бы дневник ясновидящей из О-Сознания, то кто поверил бы вам в самый ответственный момент, когда земля горела? Страж Гоголь точно не поверил бы. И где было бы знатное соглашение с группировкой «Свобода»? В чьей заднице? И что сделали бы после этого со мной и Алексом фримены? И кем бы был ты сегодня?..

— Ничего бы не изменилось, — буркнул Боря. — У всякого следствия есть несколько причин.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Плюмбум.

— Все не так просто, как кажется, — вмешался Алекс. — Видишь ли, Виктор, время над собой издеваться не позволяет. За двадцать лет мы стали большими специалистами в этом вопросе. Несколько раз пытались поменять историю... Молодые были, дураки. Нам казалось, ничего страшного не будет, если события немножко подправить. С благими намерениями, конечно же. Только с благими! Но события упорно не хотели меняться. То одно мешало, то другое. Потом мы с Борей решили девчонок спасти... Инну и Ольку. — Алекс потупился и заметно помрачнел. — Ты, наверное, не знаешь, но у Грозы и Молнии девушки были, вполне приличные... Потом бандит по кличке Ирод девушек похитил... Кончилось дело плохо — не сумели Гроза и Молния их отбить... Вот мы с Борей посоветовались и решили подправить ситуацию. И ловко ведь все придумали — так, чтобы не допустить парадокса. Самим себе ничего сообщать не стали. Борис, правда, рвался в Зону наводить порядок, но я его уговорил, что лучше нанять группу серьезных профессионалов. Наняли, хорошо проинструктировали, снабдили оружием и выделенными линиями «Длани». Отрепетировали акцию на полигоне. И что ты думаешь?

— Что я думаю?

— Не получилось. Вертолет упал в километре от бандитского схрона. И ладно бы от аномалии какой — оказалось, просто из-за неисправности в двигателе. Хорошо хоть никто из наемников не разбился, пришлось их вытаскивать потом... Но это другая история... Понимаешь, что это значит?

Плюмбум покачал головой.

— Пока нет.

— Временное кольцо стабильно. По мелочи ничего изменить нельзя. Только если удалить само кольцо. Но как это сделать, мы не имеем представления. Так что даже если бы я не пошел тогда в «Сто рентген», утечка информации о том, что мы с Борей заполучили архив О-Сознания, все равно прошла бы — в другой форме, но неизбежно. Кстати, это внушает надежду на успех нашего нового дела.

— Какого нового дела?

— Вылазки в мир альтов. Даже если они шляются во времени туда-сюда, выкинуть тебя из временного потока не смогут — ты уже есть. И все, что ты сделаешь... будет сделано окончательно.

— Ничего не понял, — признался Плюмбум, — но звучит обнадеживающе.

Он заметил, что не слишком приятные совместные воспоминания примирили Алексея и Бориса — они уже и забыли причину короткой размолвки.

— В любом случае время не ждет! — подытожил Борис. — Что мы имеем на текущий момент?

— На текущий момент мы имеем Ким Райку, — заявил Алекс и тут же ухмыльнулся, сообразив, насколько двусмысленно прозвучала его фраза. — Точнее, она имеет нас.

— По взаимному согласию, заметь! — Борис не удержался от того, чтобы не развить тему. — И к всеобщему удовольствию.

— Ну, удовольствия я тут мало вижу, — сказал Плюмбум. — Но уже ясно, что экспедиция «Норд Ривер» идет в Зону не ради сейсмической активности. И не ради астробиологии. Если мать профессорши и впрямь состояла в О-Сознании, могут получиться самые интересные расклады.

— Состояла, состояла, не сомневайся, — подтвердил Алекс. — Я прочитал ее дневник. Довольно поганая история, между прочим. Альты использовали О-Сознание на полную катушку — фактически создали Зону их руками. Проект «Дар», слышал?

— Еще бы, — отозвался Виктор. — Так вдарили, что все мои ученые едва не легли. Да и я вместе с ними...

— Вот! Альты ведь дальше Предзонника выходить не могут — гниют изнутри, натурально. У нас имеются показания очевидца об одном таком инциденте. Ребята из «Зорича» считают, что это наш мир так действует на пришельцев. А почему именно так, объяснить не могут. Чего-то там с флуктуациями и законом больших чисел. В любом случае альтам нужны посредники. Вот они и подбросили первые артефакты, а когда транснационалы проявили интерес к необычным штучкам-дрючкам, навязали им проект «Дар» со всей ноосферной тяготиной...

— Это только одна из версий, — напомнил Борис.

— Да знаю я, — отмахнулся Алекс. — Но если бы альты могли обходиться без посредников, они давно схарчили бы нас и кости выплюнули.

— Что же получается? — раздумчиво спросил Плюмбум. — Альты создали О-Сознание, запустили аномальные процессы в Зоне, но облажались сначала со Стрелком, потом — с нами. При этом потеряли своих... Процесс явно уходит из-под их контроля. Что они могут предпринять в таком случае?

— Найти новых посредников, связанных... ой... — Алекс замолчал.

Троица переглянулась. Одна и та же мысль пришла в головы собеседников одновременно.

— «Норд Ривер», — нарушил молчание Борис. — Ким Райка, дочь Волхановой из О-Сознания... Именно сейчас... Таких совпадений не бывает!

— Сейсмоактивность, говорите? — Плюмбум поморщился, словно у него без предупреждения разболелись зубы. — Уж не готовят ли нам альты новый Большой Выброс?

2

Застыв в трансе, Алина смотрела на обоюдоострое лезвие занесенного над ней меча. Все произошло слишком быстро: только что она разговаривала с торговкой Флибустой — и вот уже Флибуста лежит на земле, а из шеи ее толчками вытекает темная кровь.

Артур опомнился первым — резко схватив девушку за руку, он потянул ее себе за спину, как будто исполнял па какого-то дикого танца, а потом, не сводя глаз с нападающего, стал потихоньку толкать Алину назад — по направлению к Неизвестному Солдату.

Нападавший тоже замер. Глаза его заметно округлились. Потом, все еще не опуская меча, он пробормотал:

— Артур?... Вы... здесь?... Я не знал!..

И тут в уши ударил страшный скрежет. С лязганьем и грохотом выезжали на площадь серо-зеленые БТРы, солдаты в камуфляже соскакивали с брони, почти сразу загремели мегафоны:

— Граждане туристы! Просим вас соблюдать спокойствие и организованно собраться в здании вокзала. Граждане туристы! Просим вас соблюдать спокойствие и организованно собраться в здании вокзала.

Алина с Артуром бросились под защиту ближайшей бронемашины. Сталкер с мечом их не преследовал — он так и застыл над лотком с сувенирами и обезглавленной Флибустой.

У машины молодых людей тут же задержали и проверили документы. Впрочем, солдаты не стали докапываться, не стали даже обыскивать их, чего Алина в тайне опасалась. Стоило лейтенанту, державшему карточки паспортов, увидеть злополучный букет роз, как он хмыкнул, подмигнул, а потом, посуровев, высказался в том смысле, что молодоженам в Зоне делать нечего, и предложил не задерживаясь пройти на вокзал.

— А что случилось? — спросил Артур.

— Ничего не случилось, — отрезал лейтенант. — У нас приказ эвакуировать всех из Предзонника. Не беспокойтесь, девушка, к утру будете дома...

Он хотел что-то еще добавить к сказанному, но кто-то крикнул:

— Господин лейтенант! Тут женщина безголовая лежит!

Лейтенант махнул рукой в сторону вокзала, вернул паспорта и заспешил на голос.

В зале ожидания народу набилось битком. Все кресла были плотно заняты, но Алине с Артуром удалось найти уютное местечко у стены, где можно было не только сидеть, но даже полулежать, свернувшись клубком. По залу ходили солдаты в полевой форме, касках и бронежилетах, раздавали бутылки с очищенной водой и обещали, что вот-вот придет поезд и все уедут в Киев. Люди гомонили, пытались связаться с родными по мобильникам, слышалась возмущенная английская и немецкая речь, но пока все было более-менее спокойно, никто не впадал в истерику.

По толпе, словно при игре в испорченный телефон, бродили слухи по поводу причин внезапной эвакуации. Преобладала версия, что случился новый выброс — такого давно в Зоне не наблюдалось, но любое затишье когда-нибудь заканчивается. Кто-то говорил, что аномальная активность тут ни при чем, а на Свалку выбросили тридцать тонн радиоактивных отходов, и теперь она горит — спасибо проклятому правительству. Еще в ходу были слухи, что в Зоне потерпел крушение вертолет с шишками из ООН, что наконец обрушилась старая крыша Саркофага и что началась гражданская война. Все волновались, все ждали поезда.

Алину очень беспокоил свирепый сталкер с мечом, оставшийся снаружи. Вдруг он войдет сюда и накинется!.. Но постепенно она успокоилась: все же вокруг толпа и вооруженные солдаты, вряд ли этот самурай полезет под пули. И, скорее всего, ему была нужна голова Флибусты, а не чья-то еще. Алина попыталась получить сведения из местной сталкерской сети и из «Длани», но ПДА вдруг ослеп и оглох, не находя точек входа. Похоже, военные отрубили связь.

За окнами стучал дождь, и скоро глаза у измотанных ожиданием людей сами собой начали слипаться. Пришел какой-то майор, объявил, что поезд будет утром. Солдаты притушили в зале свет, и туристы, ворча и переругиваясь, стали устраиваться на ночлег.

Алина проснулась среди ночи, и с минуту вспоминала, где она находится. Воспоминания никакой радости ей не доставили, как и лежащая на ее груди голова Артура. «А у него приятный одеколон, — подумала она, освобождаясь от непрошенных объятий. — Или это крем для бритья так пахнет? В любом случае — еще не повод».

Девушка украдкой огляделась вокруг. Вроде бы, ничего угрожающего. Открыла мешок с артефактами, достала кольцо и на всякий случай переложила свое маленькое сокровище в потайной карман куртки. Потом встала, потопталась на месте, разминая ноги и начала пробираться к выходу, стараясь не наступить на лежащих вповалку людей.

В вестибюле маялся солдатик-дежурный. Алина воспользовалась туалетом, потом, понимая, что сразу уснуть не удастся, подошла к солдатику, поинтересовалась новостями. Тот не стал изображать из себя высокого чина при исполнении и поддержал разговор. Алина спросила у него, что случилось в Зоне, но солдатик и сам толком не знал. Подняли посреди дня по тревоге и отправили. План «Карантин». А почему карантин и от кого карантин — не объяснили. Сам-то он из Евпатории, служит по контракту третий год. Раньше такого не было... А девушка откуда? О, москвичка! А зачем сюда приехала? Любопытно было? Ну так

ничего не потеряла — в Зоне делать нечего, тем более девушкам. Сплошные бандиты, уроды и гиблые места. К примеру, слышала про «карусель»? Это такая штука вроде торнадо, только маленькая и не двигается никуда. Зато попадешь в нее — она тебя поднимет над землей и крутит-крутит, пока на части не разорвет. А вот еще «жарка» есть...

«Эх, милый, — думала Алина, слушая дежурного, — знал бы ты, где я в этой Зоне бывала и что видела!»

Но болтать с солдатиком ей нравилось. И нравилось изображать из себя эту самую девочку-блондиночку, которая в жизни пороха не нюхала.

Тут приперся Артур, который, конечно же, испортил всю песню. Спросил прямо с порога:

— Алина, что-то случилось? Я волноваться начал...

Как будто ее должно тронуть, будет он волноваться или нет. Еще и мешок с собой притащил, и дурацкий букет, превратившийся в веник. Милый разговор с солдатиком был непоправимо испорчен, настрой ушел, и Алина решила идти досыпать, тем более что дежурный поклялся, что не позднее шести утра поезд на Киев будет.

Алина уже собиралась войти в зал ожидания, но резко остановилась, словно налетев на невидимое препятствие. Ей почудилось, что в противоположном дверном проеме она видит знакомый силуэт — того самого отморозка с мечом. Девушка дернула Артура за куртку, увлекая за собой, прижалась к стене. Потом осторожно выглянула из-за дверного косяка. Так и есть — идет через зал. Меча не видно, но защитный костюм тот самый — «долговский». Ищет ее? Скорее всего...

— Там этот псих, который едва не пришел нас на площади, — шепнула она Артуру. — Надо бежать...

— Зачем? — удивился он, тоже понизив голос. — Здесь же солдаты...

— Какой от них прок? Сонные все. Пока сообразят, что к чему. Пока разберутся. А этот разбираться не даст. Ты же видел: чик по горлу и все... Нет, бежать надо...

— Ну хорошо, — согласился Артур. — Только что с твоим другом делать?

— Нужно отвлечь. Только скорее.

— Как?

— Подожди, я сейчас!

Алина бросилась к солдатику с криком:

— Помогите! Пожалуйста! Там женщине! Плохо!

Примитивная уловка сработала — дежурный легко поверил девушке, с которой мило беседовал несколько минут назад, и, оставив свой пост, бросился в зал.

Молодые люди, уже не скрываясь, побежали к двери, распахнули ее и нырнули в темноту. Перебежали площадь, оскальзываясь в лужах, но быстро выдохлись и перешли на шаг. Дождь усилился, барабанил по асфальту, по плечам и непокрытой голове. Скоро стало ясно, что долго они так не выдержат — вымокнут до нитки, замерзнут. Добрались до автостоянки за гостиницей. Алина вспомнила, что владельцев машин здесь просят отключать сигнализацию, чтобы не тревожить сон соседей. Решение созрело мгновенно. Девушка подняла с асфальта камень и разбила стекло у ближайшей машины. Артур обернулся, очумело уставился на нее:

— Ты что делаешь?

— Залезай. Хотя бы от дождя спрячемся... И выброси наконец свой веник!

Алина забралась на заднее сиденье, Артур — на переднее. Оба скорчились, обхватив руками колени, пытаясь как-то согреться.

— Как ты думаешь, он нас будет искать? — спросила шепотом Алина.

— В темноте? Под таким дождем? Он ведь не псих.

— Как раз производит впечатление психа... Если бы мы могли ее завести...

— Машину? — Да.

— Подожди... Есть идея... В мешке зажигалки не было?

— Зачем тебе зажигалка? Ты ж не куришь...

Но Артур уже рылся в мешке Флибусты.

— Ага, есть!

Он вытащил какой-то предмет. Тут же зашуршал целлофаном, освобождая его от оболочки.

— Артефакт «зажигалка», — прокомментировал Артур свои действия. — Выглядит как рогулька. Она создает локальное, но очень сильное электрическое поле. И теоретически может замкнуть цепь зажигания. Говорят, ею пользуются угонщики. Всегда мечтал попробовать.

— Подожди! — остановила его Алина. — Слушай!

Молодые люди затихли.

Шлеп-шлеп-шлеп... Это шум дождя? Нет, это шаги, и они все ближе.

Шлеп-шлеп-шлеп... Еще ближе!

Шлеп-шлеп-шлеп... Он уже совсем рядом.

Шлеп-шлеп... Остановился.

Алина зажмурилась, вжалась в сиденье, стараясь занимать как можно меньше места. Впрочем, что толку? Отморозку достаточно заметить разбитое стекло или осколки на асфальте.

Шлеп-шлеп-шлеп... Уходит!

Девушка боялась дышать.

Шлеп-шлеп-шлеп... Шлеп-шлеп-шлеп... Шлеп-шлеп-шлеп... Все дальше и дальше.

Уф! Ушел...

Нет, стой!

Шлеп-шлеп-шлеп... Невидимый в темноте отморозок возвращался!

Нервы у Алины не выдержали.

— Артур, сделай что-нибудь!

Артур завожился, приставил артефакт к приборной доске рядом с гнездом зажигания и... уронил.

Черт!

Шаги звучали все громче.

Артур копался внизу под сиденьями, пытаясь найти ускользнувший артефакт. А отморозок был уже совсем близко! Перед внутренним взором Алины вновь ожила страшная картинка: отсеченная голова Флибусты падает на лоток с сувенирами, а ее тело, дергаясь, оседает, валится, кровь льется... Девушка едва сдержала рвущийся из груди крик.

Артур наконец выудил рогульку и сунул ее в гнездо зажигания вместо ключа. Потом что-то щелкнуло, салон на мгновение озарила голубоватая вспышка, а двигатель послушно затарахтел. Артур тут же включил фары, и в их свете Алина увидела бегущего к машине человека. Того самого — в «долговском» костюме и с мечом.

— Газуй! — взвизгнула она.

Артур схватился за руль, вдавил педаль газа, тут же резко свернул в сторону, уходя от столкновения с бегущим. В ту же секунду их преследователь прыгнул и оказался на багажнике машины.

— Сбрось его! — кричала Алина. — Сбрось немедленно!

Артур крутил рулем, машину бросало из стороны в сторону, а чертов сталкер лежал на багажнике как приклеенный. Наконец автомобиль капитально занесло, крутануло, и человек-паук вылетел со своего насеста подобно камню из рогатки.

— Чтоб тебя! — торжествующе сказала Алина.

Артур справился с управлением, снова газанул, и машина понеслась прочь из Толстого Леса...

3

— Объявляй тревогу, — приказал Давид Роте сотнику Ханкилдееву. — Красный код. Поднимай всех. Вызови сюда людей из мастерских. И пошли трех человек в БТРе на Свалку.

Если парню что-то померещилось с перепугу, назовем это учениями. Но сдастся мне — ему не померещилось.

Над Базой «Долга» гнусаво завывала сирена, и через минуту из старого промышленного здания, переоборудованного в казарму, начали выскакивать заспанные сталкеры. Генерал Роте мог быть доволен: все они были полностью экипированы и вооружены, построение и распределение обязанностей прошло быстро, по-деловому. Сталкеры разбились на взводы. Большая их часть заняла позиции для стрельбы по периметру Базы, другие волокли со склада мешки с песком, усилив баррикады.

Роте взглянул на ПДА и нахмурился. Сигнал «Длани» пропал — подобное случалось очень редко, только в короткие периоды гиперштормов. А значит, все серьезно. Раньше генерал допускал небольшую вероятность, что тревога ложная — парни просто перепились до «белой горячки». Но вырубить всепроникающую сеть «Длани» могли только военные. А это означало одно — миротворцы запустили план «Карантин», и будет большая бойня.

Генерал «Долга» взял рацию ближнего действия:

— Володя, врубай периметр.

— Слушаюсь, господин генерал.

Быстро и четко, никаких лишних вопросов. Заработали резервные дизель-генераторы. По колючей проволоке, пропущенной поверх бетонных ограждений лагеря, побежал ток. За закрытыми воротами возвышались баррикады из мешков с песком. На караульных вышках и в специально оборудованных гнездах, обращенных к периметру, обосновались пулеметчики. На крышах залегли опытные снайперы. За каких-то четверть часа База превратилась в неприступную крепость. Все-таки не зря Роте муштровал бойцов, постепенно сделав из полубандитской группировки маленькую, но настоящую армию. И недавняя война со «Свободой», получается, тоже была не зря. Архив О-Сознания потеряли, зато обрели превосходный боевой опыт, который ни за какие деньги и артефакты не купишь. Впрочем, насколько эта армия была боеспособна, «долговцам» и их главнокомандующему предстояло узнать очень скоро.

Час прошел в напряженном ожидании. Потом сталкеры расслабились, закурили, стали перебрасываться шутками. Давид Роте уже думал снизить уровень тревоги и съездить на Янтарь, на пункт прямой защищенной связи, но тут рация на поясе генерала ожила, и один из снайперов произнес срывающимся голосом:

— Господин генерал, вижу темное пятно к югу, на трассе. Похоже на облако, но оно очень быстро приближается.

Глава 5. Мы браво и плотно сомкнули ряды...

1

Автоколонна выехала из Борисполя ночью и на рассвете была уже в Чернигове. Объехав город по кольцевой, примерно через полчаса машины пересекли границу Украины и Белоруссии.

Красный шар солнца висел невысоко, с Днепра напал туман. Пограничники засыпали на ходу и ограничились самым поверхностным досмотром. Их внимание не привлекли ни трейлеры с зарешеченными окнами, ни мини-экскаватор «Hitachi» на транспортной платформе, ни крытый фургон, проседающий под тяжестью груза. Алексей Румянцев и Борис Витицкий хорошо знали свое дело и умели пользоваться своим влиянием — маршрут был проложен заранее, все участки проверены, появление посторонних лиц отслеживалось загодя. Ну и, понятное дело, на пропускном пограничном пункте не было никого лишнего, только «свои».

Далее путь автоколонны пролегал по Полесскому радиационно-экологическому заповеднику — по местности, принявшей на себя большую часть смертельно опасных осадков после взрыва реактора Четвертого энергоблока. До самого Большого Выброса 2006

года здесь была Зона отчуждения, которую активно заболачивали, задреняли и засаживали лесом, для того чтобы уменьшить исход радиации вместе с пылью. После Выброса на западной границе заповедника установили военный кордон, превратив леса в естественный буфер между Зоной и «населенкой». Правда, ходили слухи, что кордон не абсолютен, и, кроме медведя и рыси, в здешних лесах можно встретить хищников поприветливее. Но так ли это было или нет, ни одна из местных зверюг не потревожила путешественников — рев моторов, надрывавшихся в борьбе с заросшими грунтовыми дорогами, служил лучшей защитой от непрошенных гостей. Только ветер гудел в кронах сосен, звенел листвой осин, покачивал могучие ветви дубов.

Здесь движение колонны сильно замедлилось — дорогу то и дело перегораживали упавшие деревья и канавы, вырытые когда-то лесниками заповедника для того, чтобы затруднить передвижения браконьеров. Поэтому второй раз границу Белоруссии с Украиной машины пересекли далеко за полдень. Оставшееся расстояние до реки Припяти преодолели быстрее — здесь было хорошее шоссе.

Дальше снова пошла грунтовка. Дорога вилась вдоль берега мимо озер-стариц: Добруши, Некоры, Казенного, Прорвы, Старика, Кургана, пересекая брошенные поселки Кошовку, Староселье, Кривую гору. Здесь никто не жил с 1986 года, дома вросли в землю, их затянуло мхом и плющом, как средневековые развалины. Бывало, что дозиметры принимались пищать — особенно часто это случалось, когда за окнами мелькали насквозь прогнившие кресты очередного старого кладбища. Во время взрыва на ЧАЭС огромное количество изотопов, скопившихся за много лет в результате выгорания атомного топлива, было выброшено в воздух, рассеялось с ветром, а позже ушло в почву с дождями и грунтовыми водами. И даже теперь, сорок лет спустя, земля не забыла случившегося.

В одном из дворов они увидели белый обглоданный до чистоты костяк какого-то крупного животного.

— О, глянь, коровку кто-то бросил! — прокомментировал увиденное Серега Новиков — чернявый, беспокойный парень, который то и дело доставал из кармана пачку сигарет, совал сигарету в рот, потом виновато оглядывался на соседей по машине и снова прятал сигарету в пачку, а пачку в карман.

— А как тут не бросишь? — возразил высокий и белобрысый Миша Врач (он на самом деле был дипломированным врачом и легко согласился за дополнительную плату оказывать первую медицинскую помощь участникам экспедиции). — Когда людей отсюда вывозили, скотину брать с собой запрещали — здесь радиоактивное облако прошло, и все сильно фонило. Людей еще кое-как обрабатывали, обеззараживали, но коровами или собаками никто не занимался. Говорят, слепые псы в Зоне — это потомки тех еще чернобыльских собак.

— Ерунду городите, — отрезал Иван Тропник — спокойный и немногословный сибиряк. — Скотину тогда не бросали, ее забивали и хоронили. Так что если и была у хозяев корова — лежит сейчас где-то в скотомогильнике. А это лось или зубр из леса забежал, да и помер... от чего-то...

— Кстати, мужики, хотите анекдот? — снова заговорил Серега. — Старинный. Дед еще рассказывал. Встречаются, значит на небесах два покойника. «Привет, ты откуда?» — «Из Чернобыля». — «А отчего погиб?» — «От радиации. А ты откуда?» — «А я из Киева». — «А от чего погиб?» — «От информации». Не, ну смешно же, правда?..

И он с надеждой вглядывался в лица попутчиков.

Плюмбум хмуро посмотрел на часы — он недооценил состояние дорог в заповеднике, и теперь экспедиция серьезно отставала от графика. Придется ночевать в Зимовище — соваться на ночь глядя в Зону врагу не пожелаешь. Однако заговаривать раньше времени с профессором Райкой об изменении планов он не хотел. Тем более что она ехала с водителем в кабине тягача, и совещаться с ней было просто технически неудобно. До Зимовища доберемся — там видно будет. Судя по досье, для Райки это далеко не первая ходка в Зону, кое-что должна понимать.

Вот наконец впереди показалась железнодорожная насыпь, затем хорошо укрепленное здание внешнего блокпоста, досмотровая будка и шлагбаум. Плюмбум вытащил из кармана согласованное во всех возможных инстанциях разрешение, но выскочивший из будки миротворец замахал руками:

— Разворачивайтесь! Дорога закрыта! Все назад!

Водители заглушили моторы. Виктор совал миротворцам под нос бумаги, просил вызвать командира, но уперся в глухую стену. Парни были явно напуганы, не хотели ни документов, ни денег, а требовали только одного: гражданские лица должны немедленно покинуть Предзонник.

Плюмбум отошел к машинам и с наручного ПДА попытался позвонить Алексу или Боре, спросить, не знают ли те, что происходит, но с удивлением обнаружил, что мобильная связь не работает, местные точки входа в Сеть не отзываются, но — самое главное! — не отвечает «Длань». А это уже не лезло ни в какие ворота.

— Почхему стоим? — из кабины вылезла недовольная профессор Райка и подошла к нему. — Кхогда поедем?

— Кордон закрыт. Наш пропуск больше не действует, — коротко доложил Плюмбум. — Видимо, что-то произошло.

— Но мы дхолжны ехать.

Виктор вздохнул.

— Не думаю.

— Не нхудо думать! Нхудо ехать!

«Дура или издевается? — подумал Плюмбум. — А какая разница? Если издевается, значит дура и есть».

— Мадам, — терпеливо начал он. — Во-первых, эти ребята настроены серьезно. Во-вторых, накрылась вся система мониторинга и связи, и мы теперь не знаем, что творится в Зоне. А в-третьих, через час стемнеет. По этим трем причинам соваться сейчас в Зону считаю неразумным. Подождем до утра. Возможно, что-то и прояснится.

— Но это недхопустимо! Промедление недхопустимо!

— Мадам, речь идет о нашей безопасности...

— Те, кто хотел безопасности, дхолжны были остаться в Кхиеве.

Плюмбум с независимым видом пожал плечами.

— Тогда, мадам, боюсь, вам придется продолжать путь в одиночестве. В Зону наобум и без технической поддержки я не полезу. И никому не посоветую. А мне здесь доверяют больше, чем вам. Кроме того, здравый смысл на моей стороне. Верно, Иван? — обратился он к вставшему рядом Тропнику.

— Не хотелось бы спешить, — согласился тот. — Поспешишь — контролера насмешишь. Разобраться сначала надо.

Тут к каравану снова приблизился миротворец, одетый по полной экипировке: бронекастом «Берилл-7СН» с тактическим шлемом, боевая разгрузка «Жук», контейнеры военстала на поясе. Вид он имел насупленный, а в руках держал швейцарскую винтовку «СГИ-5к» — штатное оружие батальона ООН, охранявшего периметр Зоны.

— Ну что встали, мужики? Говорю вам, поворачивай оглобли. Сегодня не приемный день.

— Здравия желаю, господин капитан! — Тропник мгновенно перешел на уставную речь. — Прошу объяснить причины строгого запрета на въезд в Предзонник.

— Не обязан я объяснять! Вам сказано, что проезд закрыт? Так какого рожна еще надо?

— Ой, что это там?! — почти без акцента воскликнула Ким Райка, указывая рукой на северо-восток, где сверкали в лучах заходящего солнца окруженные болотами озера.

«Совсем свихнулась», — подумал Плюмбум; он ясно видел, что там ничего нет.

Но миротворец вдруг вытянулся в струнку, как охотничья собака, почуявшая дичь, а потом бросился к блокпосту, забежал в досмотровую будку, и скоро из громкоговорителей разнесся его отчаянный крик:

— Парни!!! Быстро!!! Держи его!!! Уйдет, мля!!!

Плюмбум и Тропник в изумлении переглянулись.

На посту тем временем творилось невообразимое: взревели двигатели, из казарм выбегали солдаты и офицеры. Кто-то прямо на бегу проверял оружие, кто-то поспешно садился в машины, кто-то запрыгнул на броню БТРа, кто-то бежал просто так, но все, как один, истошно голосили:

— Скорее!!!

— Уйдет!!!

— Врешь — не уйдешь!!!

— Живым брать!!!

Уже через три минуты вокруг опустело, только где-то за блокпостом громко и отчаянно лаяла позабытая собака. Все военные с гиканьем, подбадривая друг друга, укатили на север — в степь, в погоню за невидимой добычей.

Путешественники недоуменно переглядывались: казалось, что миротворцев накрыло поголовное безумие. Как будто мощный и очень древний контролер поработал. Но если это так, то почему его пси-влияние не коснулось участников экспедиции? И где эта тварь может прятаться?..

Плюмбум огляделся вокруг, тревожно втягивая ноздрями холодный воздух. Он, конечно, понимал, что контролер, справившийся с тремя взводами brutальных вояк, сумеет прихлопнуть его слабосильную команду за секунду, но по привычке не мог пустить ситуацию на самотек, пытаясь найти хоть какое-то решение.

— Заводи моторы! — закричала Ким Райка на чистом русском языке. — Двигай! У нас нет времени!

Тут Свинцов заметил, что женщина побледнела, а на ее высоком светлом лбу выступили капли пота.

Внезапно в памяти сталкера всплыла строчка из короткого досье, которое они обсуждали с Алексом и Борей: *«Есть сведения, что Ким Райка унаследовала от матери выдающиеся пси-способности»* — однако додумать мысль, что из этого следует, он не успел. Серега, сидевший за рулем, завел двигатель, и Плюмбуму с Тропником пришлось спешно лезть в машину. У обоих как-то разом пропало желание спорить с чокнутой шведской бабой.

Ким дождалась своего тягача и запрыгнула на подножку.

Автоколонна пересекла границу Предзонника. Почти сразу пошел дождь...

2

Примерно через двадцать километров автомобиль встал намертво, застряв в жирной грязи.

Алина и Артур слишком устали, чтобы предпринимать какие-нибудь действия прямо сейчас, и решили положиться на темноту и дождь — вряд ли кто-то будет их искать при такой погоде. Молодые люди откинули назад передние сиденья, стащили с них чехлы и у них получилась вполне комфортабельная кровать. Алине пришло в голову, что им стоит заняться любовью, чтобы согреться. Кажется, она даже высказала свою идею вслух, и, кажется, Артур согласился. В любом случае они уснули раньше, чем начали претворять свой хитроумный план в жизнь.

Проснулись на рассвете, выползли из машины в туман, позевывая и ежась. У обоих от непривычной нагрузки болели мышцы, но серьезных ссадин, ушибов и растяжений, к счастью, не обнаружилось. Собрали хворост, развели костер с помощью «вспышки». Позавтракали остатками колбасы и слоечек, купленных на вокзале в Киеве, распили на двоих найденную в машине банку «энергетика».

— Ну? Что будем делать дальше? — тихо спросил Артур.

В ответ Алина пожала плечами. Выглядел молодой физик неважно. Лицо опухло, на подбородке появилась щетина, кожа казалась бледной и мокрой, как у зомби. Сейчас он был неприятен Алине, но с другой стороны, она и сама смотрелась не лучше. Все-таки Зона — это... Зона, а не салон красоты.

Молодые люди помолчали. Тогда Артур проявил инициативу:

— Назад пойдем или прямо здесь, на Кордоне, сдадимся?

Алина вскинула голову.

— Нам нельзя сдаваться!

— Почему? — изумился Артур. — Скажем всю правду: приехали в Предзонник посмотреть, что тут и как, а потом начался бардак... И мужик этот с мечом... урод... Мы ж не виноваты, что все так сложилось неудачно...

— Теперь нельзя, — твердо сказала Алина. — Тогда нас вояки не обыскали — времени у них не было. А теперь обязательно обыщут и...

Она помедлила, соображая, говорить или нет, а потом все-таки решилась:

— Обязательно обыщут и отберут.

— Что? Артефакты? Так я тебе этого добра...

— Вот это отберут, — Алина расстегнула куртку, вытащила из потайного кармана и показала молодому физику кольцо.

Артур как-то разом посерьезнел — осторожно взял перстень, взвесил на ладони. Присмотрелся к нему внимательно и сказал:

— Это не то... Не то кольцо, что было у нас раньше.

— Разумеется, не то! То — осталось у Виктора. А это я купила у той бедняжки... у Флибусты, которой голову снесли.

— И зачем? Ты... собираешься его... попробовать? — Артура аж передернуло. — Ты забыла, что с Приваловым сделалось? И потом... нас чуть не убили эти обезьяны...

— Конечно же, не собираюсь! Метод профессора Тыка — не наш метод! Пусть им Серебряков пользуется. Я просто хочу изучить кольцо. Мне кажется, что это ключевой артефакт Зоны. Как и «Звезда Полынь».

— Да уж! — Артур поежился. — Если за него убивают, он однозначно важный.

— За него? Ты думаешь, тот парень с мечом — не маньяк?

— А ты сама подумай. Кольцо было у торговки, и он убил торговку. Кольцо попало к нам, и он начал гоняться за нами. Логично предположить, что ему нужно именно кольцо, и этот... псих... не остановится ни перед чем.

Алина хмыкнула, размышляя. А ведь Артур прав! Как она могла упустить этот момент? Ведь всего-то и надо сложить один, два и три, чтобы получить... Выходит, сталкер с мечом — строитель субпространств Зоны?.. Выходит, он даже не человек?.. Нет, как-то слишком просто. Не станет столь значительное существо гоняться за двумя молодыми дураками... Может быть, агент строителей? Наемник?.. Это больше похоже на истину...

Алине показалось, что она упускает какую-то важную деталь. Тот сталкер... наемник что-то произнес, когда убил несчастную Флибусту... Но вот что? «*Повинна смерти!*» Да, это он говорил... Но и что-то еще... Алина мучительно пыталась вспомнить, но ужас, который она в тот момент испытала, затмил восприятие. Спросить Артура?.. Будешь выглядеть полной идиоткой в его глазах. Сначала не смогла сделать элементарный логический вывод, теперь вот не можешь вспомнить, что говорил агрессивный сталкер... Блондинка из анекдотов! А с учетом того, что ты натуральная блондинка, насмешек не оберешься...

Придя к такому выводу, Алина решила состорожничать и не показывать спутнику, что чего-то не знает. Но надо было убедить его следовать общему плану.

— Тогда это значит, что я на верном пути! — заявила девушка.

— Но этот путь очень опасен, — возразил Артур. — Псих, кем бы он ни был, может догнать нас и изрубить, как торговку. Мне кажется, гораздо правильнее будет сделать где-нибудь здесь тайник, спрятать артефакты и выдвигаться к людям.

— Нет! Даже не пытайся меня уговаривать, Артур! Я всю жизнь этого ждала — прикоснуться к тайнам Зоны. А второй шанс вряд ли представится.

— Но стоит ли так рисковать? Ради чего? Чтобы тебя признали в лаборатории?

Алина вспыхнула.

— Да! И ради этого тоже! И не смей говорить, что признание — это ерунда. Для тебя может быть и ерунда, потому что тебе все легко достается, — она осеклась.

— Мне?! — изумился Артур.

— Да! Тебе! — Алина вскочила на ноги. — Не делай вид, что не понимаешь, о чем я! Вот что я больше всего ненавижу, так это ваше лицемерие!..

— Но... я действительно не понимаю... Аля...

— Конечно! Тебе легко не понимать! Тебе говорили со школьной парты: «Ничего у тебя не выйдет. Девочкам математика все равно не дается»? А еще данные приводили: у женщин вес мозга меньше, серого вещества меньше, у них гормоны, у них дети. Говорили тебе: «Не будь слишком умным, Артурчик, а то никто за тебя замуж не пойдет»? Бывало с тобой такое, что на лекции профессор говорит: «Повторяю еще раз для блондинок», а после лекции, когда подходишь спросить о чем-то, начинает гладить тебя по спине и по заднице? И удивляется: «Да зачем вам эта физика? Замуж выйдете — все забудете!» И на кафедре слышишь со всех сторон: «Женщина-ученый — это все равно что морская свинка. Она — не свинка и не морская, а женщина-ученый...» И подмигивали так, многозначительно. И что женщина у приборов — это обезьяна с гранатой... Думаешь, я не знаю, почему Серебряков меня держит? Потому что — квота! Дань либералам и феминисткам! И хоть я напололам разорвись от усердия, он все равно будет считать, что это только потому, что у меня мужика хорошего нет. Да в меня только один человек всегда верил, если хочешь знать. Папа! Даже мать периодически сходит с ума и начинает нести бред про биологические часы, которые тикают...

— Говорили, — тихо сказал Артур.

Алина осеклась.

— Что говорили?

— Что если буду умничать, не смогу денег на семью заработать и ни одна нормальная девушка со мной под венец не пойдет. Что если поеду в Москву, все равно там учиться не смогу — меня ограбят, выгонят из института, и я сопьюсь... И поступил я тоже по квоте — в год украинско-российской дружбы, когда абитуриентами обменивались. Мне в лучшем случае Киев улыбался, а там ребятам из-под Харькова ничего не светит в принципе...

Алина помолчала и сказала робко, словно извиняясь:

— Ну... ну тогда ты должен меня понять...

Артур вздохнул. Потом спросил, глядя в сторону:

— И что ты предлагаешь?

Алина улыбнулась.

— Есть одна идея. Надо пробиваться на Базу «Долга». Командующий там — генерал Давид Роте, немец. Мы с ним познакомились весной, когда проезжали через Янтарь на Свалку. Роте — мужик с тараканами, но человек порядочный. В смысле — надежный, ответственный и против совести не поперет. Если мы к нему попросимся, он нас и приютит, и защитит, и выбраться поможет. И обыскивать не будет.

Артур покачал головой.

— Уверена насчет последнего? Сам-то, может, обыскивать и не будет, но у него сотники есть...

Алина решительно встряхнула головой.

— Куда спрятать кольцо от сотников, я придумаю. А потрошить генерал нас точно не станет. Скажем ему полуправду: приехали за артефактами, хотели для лабораторной работы прикупить по дешевке, но влипли в историю... Свяжемся с Серебряковым, он за нас поручится...

Артур покивал, глядя в сторону.

— Можно попробовать, конечно, — согласился он, но без уверенности в голосе. — Только пока мы до него доберемся... Надежнее все же было бы...

— Нет! — отрезала Алина. — Хочешь сдаваться кордонным, иди сам, один. Я не пойду. Выберусь как-нибудь...

— Что ты, что ты, я... — молодой физик замялся.

Судя по виду, из него рвалась фраза в духе старых мелодрам: «Я ни за что тебя не брошу, любимая». Но Артур и сам сообразил, насколько пошло это будет выглядеть здесь —

в двух шагах от Зоны, где понятия верности, чести и достоинства отсутствуют по определению. А потому вместо выпренного заявления выдал:

— Ни за что не упущу шанса узнать, как у тебя получится с этим кольцом...

Алина снова хмыкнула, изображая сомнение. Но самом деле ей очень хотелось, чтобы Артур пошел с ней на Базу. О нравах, царящих внутри Периметра, она была наслышана. Генерал Роте — человек чести, но пока до него доберешься... А в Зоне, кроме генерала, хватает и более молодых, и более отмороженных, и более озабоченных. А для этих любая одинокая женщина — законная добыча...

— Любопытный, значит? — спросила Алина, прищулив правый глаз и улыбнувшись. — Ну ладно, так уж и быть, возьму с собой. Для начала надо хотя бы через Вал перебраться. Пошли на разведку — посмотрим, как там сейчас дела, и можно ли проскользнуть...

3

Давид Роте взбежал по решетчатой лестнице на крышу бывшего механического цеха и поднес к глазам полевой бинокль, снабженный механизмом автоматической подстройки.

Сначала генерал действительно увидел только темное пылевое облако, висевшее над старой дорогой и холмами. Но оно быстро приближалось, и вскоре Роте смог различить детали.

В авангарде странной армии бежали огромные красные пауки с массивными рачьими клешнями и скорпионьими хвостами. Насколько Давид помнил школьную биологию, паук просто не мог вырасти до таких размеров — его дыхательная система, состоящая из двух легочных мешков и множества мелких трубочек, просто не в состоянии извлечь из воздуха достаточно кислорода, чтобы обеспечить энергией массивное тело. Раков, кстати, это тоже касается... Но в Зоне может быть все что угодно. Может быть, у них портативный атомный реактор в заднице?..

Следом за пауками тяжело скакали монстры, больше всего напоминавшие земных носорогов, только на их мордах красовался не один рог, а по меньшей мере дюжина выступов — то ли рогов, то ли усов. Давид заметил, что «носороги» держатся на почтительном расстоянии друг от друга — так, чтобы не зацепиться рогами-усами и не повалиться по инерции на землю.

«Это уязвимое место, — подумал генерал. — И мы это используем».

По радиации он связался со своим ординарцем:

— Саня, раздай людям огнеметы. Хотя бы по одному на десяток.

— Есть, господин генерал! — донеслось из динамика.

Затем Роте взял мегафон:

— Камраден! Зона снова проверяет нас на прочность. Перед вами мутанты — тупые животные, которых легко обратить в панику. А мы — люди, помните об этом. И мы победим! Стрелять только по моей команде! Не прекращать огонь до полного уничтожения противника! Не отступать! Очистим Зону от мерзости! Защитим мир от нечисти! «Долг» всем покажет кузькину мать! Вперед!

— Ура!!! — донеслось с позиций.

Роте прислушался: кричали хорошо, дружно. Ребята выстоят. Не побегут. По крайней мере первую атаку отобьют точно. А второй мы постараемся не допустить...

Он снова взялся за бинокль. Первая волна пауков была совсем близко... Нет, недостаточно близко, это абберация. Пусть подойдут еще немного.

— Всем приготовиться! — скомандовал он. — Активирую поля на счет три! Раз, два, три!

И, выждав еще мгновение, генерал «Долга» нажатием специальной кнопки на радиации привел в действие закопанные у переднего края обороны заряды пластида. Все мгновенно утонуло в грохоте взрывов, вспышках и клубах пыли. Пауки отчаянно завизжали. К ногам Давида плюхнулась оторванная клешня — ее принесло взрывной волной.

Снизу донеслись нестройные крики: «Ура!»

Однако когда пылевое облако рассеялось, крики тут же стихли. Взрывами смяло только первую волну ракопауков. Остальные так и перли вперед, взбираясь по дымящейся горе трупов своих товарищей. Стало ясно, что схватка неизбежна.

— Огонь! — закричал Роте в мегафон. — Всем стрелять! Держать позиции!!!

И, подхватив автомат, сбежал вниз по лестнице, бросился к воротам.

Первые пауки уже достигли электрифицированного ограждения и теперь бились в конвульсиях, пораженные током. Но следующие отряды наступавших ни на секунду не замедлили своего движения. Они лезли на стены, громко клячая клешнями. Пули автоматов и пулеметов с сухим щелканьем отскакивали от их брони.

— Гранаты! — закричал Роте. — Бросайте гранаты!

Он сам сорвал с пояса старую добрую Ф-1 и швырнул ее прямо под брюхо нацелившегося на ворота ракопаука. Взрыв пробил в хитиновом панцире сквозную дыру, откуда фонтаном выплеснулись мерзкого вида внутренности. Тварь завертелась на месте, молотя клешнями и отчаянно визжа. Замолкла она только тогда, когда на нее наступил огромный носорог, вознамерившийся снести ворота.

Роте понял, что еще секунда, и оборона будет пробита. Не раздумывая, он выскочил прямо перед носорогом, поливая его автоматными очередями. Пули с трудом пробивали толстую серую кожу, оставляя лишь кровавые царапины, но зверь оказался неженкой. Он попятился в испуге, покачивая огромной рогатой головой. И вдруг из его круглого правого глаза брызнула кровь, он осел на задние ноги и начал заваливаться на бок, намертво перегораживая ворота. Монстра достал один из снайперов.

Не успел Роте перевести дух, как сзади послышались испуганные крики. Генерал бросился туда. Сразу трое носорогов снесли одну из обесточенных ракопауками стен и прорвали периметр. Теперь они ворвались внутрь, круша все на своем пути, а сталкеры разбегались от них с воплями ужаса.

— Огнеметы! — закричал Роте. — Огнеметчики, ко мне!

Сам преградил дорогу одному из бегущих «долговцев», отобрал у него огнемет, перекинул себе на плечо ремень ранца со смесью и уверенно направил струю пламени прямо в морду ближайшего чудовища. Уродливые наросты, свисавшие с морды на манер усов и покрытые тонкими волосками, мгновенно вспыхнули. В воздухе запахло паленой шерстью. Зверюга, обезумев от боли, встала на дыбы, столкнулась башкой с другими носорогом, и оба повалились наземь, снеся вагончик бытовки. Осколки камней и щебня брызнули в разные стороны.

Рядом с Давидом встали еще два огнеметчика. Действуя слаженно, они принялись отеснять третьего носорога за пределы периметра. Зверюга фыркала, как лошадь, и трясла головой. В панике она случайно зацепила рогом зазевавшегося сталкера, и тот повис на нем, отчаянно крича и дрыгая ногами. Его крики еще больше напугали монстра, он мотнул головой — сталкер взлетел, перевернулся, упал на груды мешков с песком и остался лежать неподвижно, как брошенная тряпичная кукла. Носорог попятился и ударился в бегство, давя своих соратников.

Однако в дыру валили новые монстры: ракопауки, носороги, а за ними — еще какие-то звери, похожие на огромных собак, но с длинными челюстями крокодилов. Верхом на «собаках» сидели гориллы с круглыми лысыми черепами вместо голов. Крокодилопсы одним движением челюстей откусывали руку или ногу. Обезьяны мохнатыми руками хватали людей, отрывали им головы, ломали позвоночники. Сталкеры отстреливались, но нападавших было слишком много, и бой стремительно превращался в бойню.

Давид отшвырнул огнемет с опустевшим ранцем и опрометью бросился в штабной корпус, где у него был пульт общей связи.

— Отступаем! — загремел его голос над Базой. — Всем отходить на север!

И тут же земля под ногами у «долговцев» мелко задрожала. Роте включил «оружие последней надежды» — инфразвуковой генератор. Длинные звуковые волны, распространяющиеся по земной коре, обычно являются предвестниками землетрясений,

поэтому люди и животные инстинктивно стремятся избегать мест, где они чувствуют подобные колебания. Роте не знал, подействует ли это на монстров Зоны, но, видимо, и у тех в печенках сидел страх перед Большим Выбросом, поэтому мутанты в панике повернули назад. Но с юга напирали новые полчища — две волны схлестнулись, давя и сокрушая друг друга, что дало «долговцам» возможность беспрепятственно отступить, бросив насиженное место.

Когда последний из уцелевших в бойне сталкеров покинул базу, Давид взглянул на часы — вся схватка заняла двадцать минут. У него заныло сердце. Шесть лет он строил здесь укрепрайон, собирал и обучал команду, налаживал связи с внешним миром, заключал сделки, договаривался с учеными и корпорациями. И вот теперь все потерял в одночасье — по нелепой прихоти Зоны...

Глаза заливала кровь. Роте ощупал лоб и нашел большую царапину — то ли срикошетила пуля, то ли задело отлетевшим осколком. Ерунда, заживет. Главное — с ним остались его люди. Многие уцелели. А значит, еще не все потеряно — отстроимся заново. Но победить в этой войне можно только одним способом — забыть старые распри и призвать всех жителей Зоны объединиться в борьбе с новой неведомой угрозой. Нечисть надо остановить!

Роте принял решение. Следует немедленно выйти на связь со «Свободой», призвать на подмогу свободных сталкеров. Вместе они смогут дать еще один бой, учтя прежние ошибки. Сегодня «Долг» проиграл битву, но война только начинается...

Глава 6. Как пули в обойме, как карты в колоде...

1

Дождь сопровождал автоколонну до самого Моста Смерти: то начинал поливать, как из пожарного брандспойта, то мелко сеялся, то принимался бить по ветровому стеклу тяжелыми каплями.

Перед Мостом Плюмбум остановил автоколонну и, напялив шлем, вышел наружу. «Длань» по-прежнему молчала, словно ее никогда не было. Радиосвязь время от времени пробивалась на длинной армейской волне, но там потоком шла матерная ругань на трех языках, сопровождаемая кодированными сообщениями, и понять что-либо было невозможно.

Плюмбум уже признал, что ходка в Зону будет по старинке — чуть ли не как в две тысячи седьмом. Впрочем, нет, все-таки полегче — сейчас у них имеются подробные карты, заложенные «Дланью» в индивидуальные ПДА членов экспедиции еще утром, есть детекторы аномалий, да и у ребят опыт работы в Зоне ого-го какой, если, конечно, сравнивать со сталкерами первого набора. Прорвемся!

В сущности, Свинцову было бы проще оторваться от экспедиции — ни слова не говоря, скрыться за пеленой дождя, уйти прямо к «воронке» и перепрыгнуть на другой уровень Зоны, оставив проблемы за спиной. Но его разбирало любопытство. Кто же все-таки такая эта Ким Райка? Что за «Омегу» она с собой притащила? Кого представляет «Норд Ривер»? Какое отношение ко всему этому имеют альты? Вопросы, вопросы... И ни одного ответа, только пустые догадки. Плюмбум был из числа осторожных сталкеров, а потому исповедовал простое правило среди прочих: не откладывая решение проблем на будущее, ведь будущего может и не быть. Оставив экспедицию «Норд Ривер» за спиной, он мог получить удар в спину, причем именно в тот момент, в который будет ждать меньше всего. Нужно хотя бы в общих чертах выяснить, что задумали шведы, а потом уже нырять в лабиринт субпространств, созданный альтами...

Плюмбум, прислушиваясь и принюхиваясь, осмотрелся. Вечерело, а низкие тучи, сеющие дождь, скрадывали остатки солнечного света, делая пейзаж вокруг сумрачно черно-белым. Как обычно, пахло ржавчиной и мертвечиной. Как обычно, на территории Зоны, если

смотреть из Предзонника, не было видно ни огонька. Как обычно, в душе поселилась неясная тревога — инстинкты подсказывали, что ни в коем случае нельзя идти за реку, там будет плохо и больно, там ждет гибель. В такие мгновения хотелось завывать подобно слепому псу на руинах Фермы, изливая в протяжном вое жалобу на безысходность существования, на единый конец для всех живых, на безжалостные законы мироздания, исказившие линии судеб так, что никуда тебе, брат сталкер, не деться — придется сегодня пойти за Периметр и сдохнуть.

Плюмбум плюнул себе под ноги и тихонько рыкнул, отгоняя наваждение. Сразу полегчало, и он приступил к работе.

Когда-то район Моста Смерти был закрыт сплошными аномалиями — пройти к Четвертому энергоблоку напрямик с востока казалось невозможным. Ученые даже поговаривали о том, что здесь действует не группа случайно образовавшихся аномалий, а целая архианомалия, эволюционирующая по своим законам. Ей даже дали условное название «Архианомалия Мост», однако позднее гипотеза не подтвердилась. После Года Стрелка, отключения Радара и войны за Четвертый энергоблок, Зона начала меняться — аномальные выбросы стали редкостью, а потом и совсем сошли на нет. Соответственно, и территория Зоны, расширявшаяся ранее очень быстро, остановилась и начала сжиматься, как шагреновая кожа. Захваченные ею участки на восточном берегу Припяти очистились, а Мост открылся для прохода. Конечно, он все равно оставался опасным местом: повышенный уровень радиации, речные мутанты, мобильные аномалии — но теперь опытный сталкер мог пройти здесь, как говорится, не замочив ног.

Излюбленными направлениями Плюмбума были юг и юго-запад, на восток он заходил редко — может быть, сказывались не самые приятные воспоминания, связанные с началом его сталкерской карьеры, когда он выводил группу ученых с Биологической станции у пруда-охладителя. А Мост Смерти не преодолевал вообще ни разу. Но в эти минуты ощущал уверенность, что справится даже без поддержки «Длани».

Плюмбум вспомнил, как напутствуя его Алекс Гроза, то бишь исполнительный директор Алексей Румянцев, говорил: «Науку оставим на следующий заход. Твоя задача, Виктор, высунуться, осмотреться и сразу — назад. Постарайся никому в мире альтов не попасться на глаза, ни с кем не вступай в контакт. Будешь нашим Гагариным, самое главное — понять, может ли человек жить и действовать в мире альтов. Запомни: это самое главное! И сто восемь минут там находиться не надо, достаточно пятнадцати...»

Гроза был прав — он, Виктор Свинцов, очень скоро мог стать Гагариным новой эры в истории человечества. И понимание этого не то чтобы окрыляло, но возбуждало, гнало кровь по венам, чуточку пьянило.

Плюмбум открыл один из контейнеров, висящих на поясе, и высыпал из него в ладонь несколько гаек. Молодежь нынче совсем не проवेशивает дорогу в Зоне, целиком полагаясь на «Длань» и детекторы аномалий, но Виктор давным-давно убедился, что если хочешь выжить на изменчивых аномальных территориях, не стоит доверять хитроумным приспособлениям — соединение «дедовских» методов с природным чутьем дает куда как более надежный результат.

Посмотрел на экран ПДА, сравнивая видимую местность с утренней картой, потом зашагал к мосту по лужам. Со стороны казалось, что при ходьбе он небрежно взмахивает рукой. На самом деле Плюмбум трижды бросил гайки, примеряясь к их весу, прикидывая усилие, целенаправленно создавая атмосферу ходки, в которую ему предстояло окунуться с головой.

Виктор остановился у парапета набережной. Осмотрел Мост из конца в конец, кинул взгляд в сторону Саркофага — тот был едва различим за пеленой дождя. Втянул холодный воздух ноздрями, потом ртом. Дал пройти послевкусие. Оценил направление падения дождевых капель. Потом швырнул одну из гаек вниз — в темную воду Припяти. Дождь всплеска. Полюбовался на мелкие многочисленные круги, выдававшие присутствие каких-то рыб. Потом быстро вернулся к автоколонне, стараясь идти чуть по-другому — иным шагом, обходя свои следы.

Сталкер Плюмбум коснулся Зоны, а она коснулась его. Но нельзя сказать, что теперь они превратились в единое целое — это было как подчеркнуто вежливое приветствие между двумя старыми приятелями, у которых всякое можно отыскать в прошлом: дружбу и вражду, любовь и ненависть. Но был и особенный момент — Виктор собирался поставить последнюю точку в истории аномальных территорий, а потому внутренне воспротивился тихому щемящему зову Зоны, который, дай ему волю, сумеет поглотить целиком, мешая выполнить задуманное.

Члены экспедиции «Норд Ривер» ждали его, с откровенным любопытством наблюдая за действиями сталкера-ветерана.

— Мост чист, — сообщил Плюмбум. — Пересекаем его и сразу останавливаемся. Уже темнеет. До утра за нами не погонятся, а с рассветом мы уйдем. Профессор Райка, сколько продлится эффект от вашего пси-воздействия?

Виктор попытался взять Ким на испуг, надеясь, что ее поразит догадка, которую он выдает за твердое знание. Но шведка и бровью не повела.

— Около часа. Поэтому нам лучше продвинуться вглубь хоть на пару километров.

— Нет, — отрезал Плюмбум. — В темноте мы по Зоне передвигаться не будем. Не в этот раз. Если бы была жива «Длань», можно было бы рискнуть. Но теперь и детекторам аномалий доверять не стоит. Считайте, что мы вернулись в нулевые. И действовать будем по опыту нулевых.

— Но послушайте, я могу...

— Нет, — повторил Плюмбум. — Думаю, вы действительно можете многое. Но в Зоне происходит что-то странное, неординарное. Глупо переть напролом, не разобравшись в ситуации. Иван, ты как?

— Дело говоришь, начальник, — согласился Тропник. — Поспешать надо медленно.

— Хорошо, — сказал Плюмбум. — Другие предложения есть? Возражения? Нет? Как видите, профессор, вы в меньшинстве.

— Но я плачу вам всем деньги! — Райка таки вспомнила этот последний убийственный аргумент.

Виктор усмехнулся.

— Извините, профессор, но вы... как маленькая. Кому на том свете нужны ваши деньги?

Когда автоколонна пересекла мост над широко разлившейся Припятью, дождь прекратился. Плюмбум решил, что это хороший знак. Значит, Зона не сумела разгадать его замысел.

Благодаря общению с учеными Виктор относился к суевериям крадущихся снисходительно, но никогда ими не пренебрегал — потому что не раз видел, в каких муках погибали умники, плюющие на местные правила. Здесь лучше перестраховаться, а боязнь выглядеть смешным присуща только юнцам, которые не нюхали «жарки».

Как и планировалось, сразу за мостом Плюмбум остановил колонну и приказал расположить машины в круг на манер переселенцев Дикого Запада. Это тоже было ноу-хау, импровизация — Виктор впервые за двадцать лет в Зоне вел такую большую колонну к Четвертому энергоблоку и положился на соображения самого общего плана: если откуда-нибудь вывалится толпа мутантов или сталкеров-отморозков, так будет проще держать оборону, используя трейлеры в качестве прикрытия. По настоянию шведки, фургон с «Омегой» поставили в центр круга.

— Организуем караул, — сказал Плюмбум. — Народу у нас хватает, поэтому будем дежурить по двое и меняться каждый час. Иван, распиши последовательность дежурств, всем свободным от караула спать. Если хотите поужинать, воспользуйтесь сухими пайками и термосами. Костров не разводим. Подъем в половине пятого утра. В пять выдвинемся в пункт назначения.

Первая ночь в Зоне после долгой отлучки — всегда особенная. Плюмбум выбрал для себя в соседи Тропника и двух его спутников. Но хитрый проводник так расписал дежурства,

чтобы в четырехместном трейлере всегда спали только трое человек. Виктор думал, что придется покрутиться пару часов, вдыхая аромат чужих носков и размышляя о жизни. Но ничего подобного не произошло — вырубился он мгновенно, едва коснулся головой скатанной в валик куртки. И увидел сон, который можно было бы назвать вещим, если бы он не был таким беспорядочным. Но уж зловещим его можно было назвать без всякого преувеличения.

Плюмбуму снилось, будто бы он снова вернулся в места, где прошло его детство — в маленький провинциальный городок, построенный при огромном режимном заводе, занимающемся механической переработкой сланцев с целью извлечения из них урановых минералов. Точнее, он крался по территории заводского «могильника» — своей первой Зоны, где вместе с друзьями-одноклассниками постигал сладость риска и выживания. Однако на этот раз Виктор был взрослым и сопровождали его друзья из взрослой жизни: Лара, Саша Пыхало-Привалов, Болек, Лелек, Шурик-С-Цитатой, а еще Артур — студент-физик из ФИАН, безнадежно влюбленный в Алину. Будто бы Плюмбум вел их показывать те белые пушистые шары — страшноватых монстриков своей «детской Зоны». Друзья идти не хотели, говорили, что скууучно, тянули: «Да-а-а ну-у-у!», что идти далеко, что скоро стемнеет, что холодно, но главное — скууучно... А Плюмбум все уговаривал: «Ну подождите... Немного уже осталось... Вот тут уже рядом... Вы только увидите и сразу все поймете...»

«А что они поймут-то?» — спрашивал он себя. И сам же отвечал: «Поймут, почему я такой».

Он раздвинул кусты и увидел, что в гнезде на этот раз лежат не пушистые шары, а отрубленные головы: его собственная, голова Ким Райки, головы Ивана Тропника, Миши Врача, Сереги Новикова, Давида Роте и... Алины!

«Повинна смерти!» — воскликнул Артур грубым басом и ударил по голове Алины железным прутом, так что она лопнула, как перезревшая слива.

Плюмбум неистово закричал, схватил Артура за плечи, и оба повалились в темную, пахнущую ржавчиной речную воду.

— Виктор, просыпайтесь! Ну скорее же!

В глаза ударил свет фонарика. Виктор заслонился рукой, потом услышал:

— Ой, извините!

Световой зайчик запрыгал по стенам. В полумраке Свинцов увидел склонившуюся над ним Ким.

«Я кричал во сне, — подумал он. — Нет, стой, я не мог кричать так громко, чтобы разбудить ее в соседнем трейлере. Да и мужики проснулись бы первыми. Наверняка она услышала мои мысли, и они ее разбудили. Значит, Ким — еще и телепат? Сюрприз, господа!»

— Простите, — прошептал Плюмбум. — Это больше не повторится.

Ким удивилась:

— О чем вы? Вставайте и поднимайте своих друзей! Я что-то слышала!

— Это был просто кошмар... кошмарный сон...

— О чем вы? — повторила Ким. — Я говорю о кустах вокруг лагеря. Там кто-то есть...

И с каждой минутой их становится все больше и больше...

— Сейчас посмотрим, кто там такой, — отозвался Тропник.

Он тоже проснулся, спрыгнул с верхней полки на пол и принялся облачаться в защитный костюм.

— Миша! — он толкнул своего компаньона, спавшего снизу. — Поднимайся, тревога!

Тот заворочался, сел, слепо таращась на окружающих. Но почти сразу сообразил, что дело пахнет жареным, и потянулся за сапогами.

Через две минуты все четверо вывалились из трейлера. Снаружи было мокро и тихо, даже воя собак не слышно. В просвете между облаками сияла огромная оранжевая Луна. В Зоне и наш естественный спутник выглядел немного непривычно: если долго всматриваться, то раньше или позже можно увидеть маленькие серебристые треугольнички на лунной

поверхности — словно базы селенитов. Ученые так и не смогли придумать внятного объяснения этому феномену. В другое время Плюмбум не упустил бы случая полюбоваться на Луну в надежде разглядеть загадочные «базы», сильно волновавшие его душу и будившие воображение, но сейчас было не до этого.

Двое часовых — Серега Новиков и профессиональный охранник Леня Молчун — удивленно уставились на подходившие начальство.

— Что тут у вас? — спросил Тропник.

— Да ничего, — Серега зевнул. — Все спокойно, даже птичка не чирикнула.

— Берегись! — вдруг крикнул Миша.

Из кустов вылетел увесистый камень и ударился о землю в двух шагах от Виктора, выбив фонтан жидкой грязи.

Плюмбум отшатнулся, сразу все понял и пожалел, что не захватил с собой старого друга Лелека, который знал многие секреты мутантов.

— Они там... и там... и там... — взволнованно заговорила Ким, тыча пальцем в разные стороны. — Маленькие... они повсюду!

Ответом ей был град камней, кирпичей, обломков цемента, обрезков железной арматуры. Он сыпался на землю, на машины, на прицепы. Путешественники быстро спрятались за трейлером, выставили оружие. Но куда стрелять было непонятно — нападающие умело пользовались сумраком и складками местности.

— Это бюеры... — проворчал Тропник. — Принесла нелегкая! Я думал, они к АЭС никогда не поднимаются... Здесь же задница, извиняюсь...

— Бюеры? — удивилась Ким. — Слышала о таких, но никогда не встречала.

— Мерзкие твари... Людоеды... Осторожнее, дамочка! — Тропник дернул ее за руку. — Зашибут!

И в самом деле прямо в голову Ким летел кирпич. Она инстинктивно закрылась руками, и в ту же секунду кирпич притормозил в воздухе и упал к ее ногам.

— Круто! — оценил Серега, он давно уже ничему не удивлялся. — А обратно зашвырнуть можешь?

Ким покачала головой.

— Нет... Слишком трудно.

Тут вмешался Плюмбум:

— У вас превосходные пси-способности, профессор. Лучше, чем у многих контролеров. Если вы справились с тремя взводами миротворцев, неужели вам будет тяжело отвести от нас кучку вшивых бюеров?

Ким в задумчивости потерла лоб.

— Скорей всего, не выйдет. Миротворцы — обычные люди, и они не ожидали психотронного удара от своих. А эти существа... бюеры... они в этом живут. Моя иллюзия для них будет просто иллюзией... Но, пожалуй, отвлечь их... запутать... я смогу.

— Как? — спросил Виктор.

— Спрячусь в укрытии и буду транслировать им громко: «Я здесь! Я здесь! Я здесь!» Если делать это с достаточной силой, можно перекрыть другие ментальные сигналы, достучаться... Тогда они потеряют всех остальных и сосредоточатся на мне... Надеюсь, что сосредоточатся, — поправилась Ким.

Виктор огляделся: все члены экспедиции уже вылезли из трейлеров без толку метались в круге машин, представляя собой отличные мишени для мутантов-телекинетиков.

— Так! — сказал Плюмбум. — Вы, профессор, забирайтесь в свой трейлер, закройте внутри и начинайте... э-э-э... сигнализировать, достучиваться. Остальным надо рассредоточиться за машинами и стрелять. Плевать, что ни в кого не попадут, главное — держать уродцев в напряжении. Леня, Олег, Сева, — подозвал он трех охранников. — Пойдете со мной. Возьмите приборы ночного видения. Иван, останешься здесь за главного. И чтобы никто, кроме нас, из круга ни ногой. Бюеры с одиночкой справятся на раз. Уташат в свои подвалы и с костями съедят. Все понятно?

— Так, ребятки, ну-ка быстро в укрытия и стрелять! — зачастил Иван, принимая командование. — Гриша, сюда! Паша, сюда! Давайте... давайте... пошевеливайтесь. Отставить панику!

Виктор махнул своей группе из троих охранников и под прикрытием трейлеров отошел в сторону, нырнул под грузовик со стройматериалами. Позади сначала вразнобой, потом все решительнее и четче заговорили автоматы.

Выбравшись из-под грузовика, Виктор быстро перебежал открытое пространство и нырнул в ближайший подлесок. Здесь наверняка фонило, как в жерле развороченного реактора, но выбирать не приходилось. За ним последовали трое стрелков. На краю леса Виктор остановился и глянул назад. В зыбком лунном свете было хорошо виден лагерь и град камней, безостановочно летящий на машины. Виктор поежился — вспомнил, как полгода назад бюреры чуть не покончили с его отрядом. Правда, тогда их настигли на открытом месте и спрятаться было негде... Спасибо Лелеку, который придумал необычную уловку. Но его здесь нет, и вся надежда на шведку с выдающимися пси-способностями. Плюмбум присмотрелся — камни в большинстве своем ложились вокруг трейлера Ким. Кажется, баба не обманула. Работает!

Но и бюреры что-то сообразили. Внезапно трейлер Ким покачнулся и стал заваливаться на бок. Накренился примерно на сорок градусов и застыл в такой позиции. Сталкер догадался, что там сейчас идет нешуточная борьба — пси-силы Ким противостояли телекинетическому удару бюреров — кто кого перетянет. Млин, если сейчас эту чокнутую профессоршу опрокинут, нам мало не покажется. Не то чтобы Виктор испытывал к Райке хоть малейшую симпатию, но она была шишкой из «Норд Ривер», а следовательно, знала все об «Омеге» и готовящемся эксперименте. Кроме того, если ее грохнут в Зоне, у Алекса с Борей будут большие неприятности...

«Ну давай же, Иван! — мысленно просил Виктор. — Не стой столбом, сделай что-нибудь!»

Но Тропник и сам понимал, что надо предпринять какие-то действия — покинув укрытия, к трейлеру побежали люди. Вот они подставили плечи, навалились, и трейлер прочно встал на колеса.

Виктор облегченно выдохнул. Он сдвинул переводчик-предохранитель на ударно-спусковом механизме автомата в положение для стрельбы одиночными, махнул рукой своим бойцам и побежал в сумраке редкого леса, стараясь как можно бесшумнее перемещаться от дерева к дереву в том направлении, откуда летели камни. Сначала ничего не было видно. Потом сталкер вдруг заметил маленькую скорчившуюся фигурку, которая на секунду отделилась от ствола в десяти шагах впереди него. Он выстрелил на ходу, почти не целясь, и по короткому отчаянному визгу понял, что попал. Раненому ответил многоголосый вопль, после чего все снова стихло.

Плюмбум быстро поменял позицию и замер, прислушиваясь и приглядываясь. Но проклятые бюреры как сквозь землю провалились. Ни звука, ни темного пятнышка, ни дуновения ветерка. Даже прибор ночного видения не помогал. Твари, казалось, были холоднокровными — их тела почти не излучали тепла и не выделялись на фоне холодной земли и деревьев. Плюмбум невольно вспомнил виденный в детстве фильм «Хищник», где бравый спецназовец вывалился в грязи, чтобы обмануть злобного пришельца, способного видеть в инфракрасном диапазоне. Может, и бюреры догадались? Хитрые твари! Совсем как люди... Впрочем, яйцеголовые говорят, что бюреры когда-то на самом деле были людьми — то ли сталкерами-одиночками, то ли самоселами, вернувшимися в заброшенные деревни... А еще говорят, что О-Сознание прибрало их к рукам и переделало в ходе какого-то жесткого эксперимента... Когда-то Плюмбум не верил в О-Сознание, считая его существование легендой. Но теперь-то все доказательства налицо... Значит, все — правда, а бюреры — люди, человеки... Стой, а это еще что?!

Виктор едва не пропустил молодую голодную «жарку» — подлая аномалия притаилась в ложбинке между поваленными деревьями, и тупой охранник Сева, обгоняя Плюмбума, пер прямо на нее. Сталкер подскочил к нему, схватил за плечи:

— Стой, урод, сгоришь, — зашептал он.

Сева чуть не заорал от ужаса, но Плюмбум ловко зажал ему рот свободной ладонью.

Так и есть. Урод зачем-то сдвинул окуляр прибора ночного видения на лоб. Ну что за люди? Как с ними будешь работать?!

— Тише! — прошипел Плюмбум на ухо Севе. — Заткнись и смотри.

И надвинул раздолбаю окуляр на глаз.

Сева сглотнул, уставившись на голубоватый прозрачный столб, парящий над землей в нескольких шагах от них. Жаль, что приборы ночного видения позволяют разглядеть только «жарку», «электру» и «комету», а то можно было бы совсем от детекторов аномалий отказаться.

Плюмбум чуть слышно хмыкнул, заставил Севу отступить, потом подобрал с земли корягу поувесистее и бросил прямо в «жарку». Бросок оказался удачным — коряга угодила в самый центр аномалии. В небо взметнулся столб огня, высотой не меньше десяти метров.

Лес вокруг жарки мгновенно осветился, и стрелки увидели дюжину испуганных большеголовых карликов, одетых в лохмотья и, как предполагал Виктор, вымазанных жидкой грязью с ног до головы. Оказывается, они были совсем близко — вероятно, готовились напасть, но теперь в ужасе удирали от огня и людей. Плюмбум отработанным движением щелкнул рычажком переводчика-предохранителя и принялся очередями палить вслед убегающему врагу. Тут же заговорили и автоматы его боевой команды.

«Жарка» полыхала около минуты. Но этого хватило для того, чтобы разогнать бюреров. Затем пламя ушло в землю, оставив лишь угольно-черную проплешину. Убедившись, что аномалия насытилась и больше не активна, Плюмбум привычно подобрал обнаружившейся в ней артефакт. Это были «капли» — черный завиток с глянцевой, покрытой трещинами поверхностью. Находка невысокой ценности, но Виктор решил прихватить «сувенир» — не пропадать же добру. И тут, словно по заказу, взошло солнце, заливая лес золотым светом.

— Ну что ж, — сказал Плюмбум, закидывая автомат за плечо. — Ночь прошла продуктивно. Двинулись дальше.

2

Для начала Артур и Алина обыскали похищенный автомобиль на предмет, что может пригодиться в дальней дороге. Обнаружить удалось немного: сумка из искусственной кожи с молниями, автомобильная аптечка, инфракрасный прицел и мешок с болтами — малый сталкерский набор для детсадовцев. Но они и были детсадовцами — по этому поводу Алина не испытывала ни малейших сомнений. И ей, и Артуру довелось только однажды побывать внутри Периметра, и все время они находились под опекой старших и более опытных товарищей. Кое-какой опыт в ходе многочисленных приключений, коими так богата Зона, молодые люди, конечно же, получили, но, положив руку на сердце, следовало признать: к самостоятельному рейду, даже по знакомым местам, ни один из них не готов.

Впрочем, выбора, по мнению Алины, все равно не было. Оставалось стиснуть зубы и идти, а там, глядишь, втянемся. По крайней мере девушка была рада, что отправится в это опасное путешествие не одна. Но старалась не показывать своей радости — нельзя давать мужикам повод чувствовать себя выше и умнее.

Ташиться по раскисшей дороге, утопая в жирной украинской грязи, не хотелось. Поэтому молодые люди старались идти по обочине, выбирая более или менее подсохшие места, и скоро увидели узкую, но хорошо утопанную тропинку, уходящую через лес на юго-восток — примерно в том направлении, в каком им было нужно.

Теперь идти стало гораздо легче, и парочка быстро продвигалась вперед. Здесь, в Предзоннике за пределами Периметра, не попадалось ни аномалий, ни мутантов, а потому первая часть путешествия больше всего напоминала прогулку. После дождя над лесными

проплешинами поднимался пар; усталая хвоей земля пружинила под ногами; пахло влажной листвой и грибами, а иногда путешественники входили в облако сладковатого смолистого запаха вереска.

Артур на ходу озирался, хмурился, потирал кончик носа.

— Боишься? — подначила его Алина, хотя сама понимала, что с этим вопросом выглядит законченной стервой.

— Нет, — ответил молодой физик. — Дежа вю. Мне кажется, я здесь бывал...

— Такое случается, не беспокойся...

— Сам знаю, что случается, но... — Он вдруг импульсивно хлопнул себя по лбу и приостановился. — Ну конечно же! Мы же десантировались с запада, когда летели тебя... э-э-э... вас с Серебряковым выручать. Я тогда впервые на парашюте прыгнул, представляешь?

— В самом деле? — Алина тоже приостановилась. — Вы прыгали с парашютами? А зачем?

— Хм... в Борисполе нас пытались задержать какие-то хмыри. Мы улетели, и нам пришлось высаживаться здесь.

— Прямо в этом месте?

— Нет, южнее... Но тут места в принципе похожие. Вот поэтому и дежа вю.

— А почему я об этом слышу в первый раз?

Артур смутился.

— Ну... ты не спрашивала... А мне как-то неудобно было...

Некоторое время они шли молча, потом молодой физик сказал:

— Кстати, а ведь именно здесь мы встретили мужика, у которого Свинцов забрал то первое кольцо.

— Да?!

— Ага. Мы с Виктором вместе приземлились, а потом на нас напали бандиты, взяли в плен. И возглавлял их мужик в мощной броне... Потом сталкеры Алекс и Боря нас освободили, а мужика пришлось убить... У него и было это кольцо...

— Выходит, вас подстерегал строитель субпространств? — вырвалось у ошеломленной Алины.

— Хм, да... Наверное, этот мужик был связан с субпространствами Зоны... Это логично... Но почему ты называешь его строителем?

Тут пришло время смущаться Алине. Девушка и так уже поняла, что сболтнула лишнего, приоткрыв Артуру свои истинные намерения. Впрочем, он тугодум, авось не догадается, что она задумала. Но кое-что ему необходимо знать — ради их совместного выживания.

— Кольцо может управлять субпространствами. Если ваш убитый мужик носил кольцо, значит он из числа строителей.

Артур улыбнулся.

— Алина, но если ты пользуешься компьютером, это ведь не означает, что ты его построила?

Девушка мысленно выругалась. Ну конечно! Это тоже мог быть агент из субпространств. Как и псих с мечом... И что же получается?... А тогда получается, что псих с мечом охотится за кольцом не из прихоти и не по приказу... Получается, что это его кольцо?... Возможно... Он явился сюда с каким-то заданием, посеял кольцо, несчастная Флибуста потырила артефакт и пыталась продать, и теперь психу нужно завладеть им, чтобы... чтобы вернуться назад! Вот так поворот! Если это так, то он не отстанет, будет идти до конца, пока не доберется до своей «прелести». И если это так, нам нужно как можно скорее добраться до Давида Роте и просить его защиты.

Артур истолковал молчание Алины по-своему.

— Ну извини, — сказал он. — Твоя гипотеза тоже имеет право на существование. Наоборот, если пользоваться принципом Оккама, то она приоритетнее моей. Мы знаем, что существуют субпространства Зоны. Мы знаем, что они имеют искусственное происхождение. Мы знаем, что в Зоне можно встретить людей, которые свободно

путешествуют по субпространствам. Следовательно, мы можем предположить, что эти люди и являются строителями субпространств. А то, что есть еще какие-то пользователи — дополнительное допущение, которое нуждается в дополнительном же обосновании.

— Ладно, не зуди, — отрезала Алина. — Извиняю.

Артур замолчал, посопел обиженно, но потом, как это с ним случалось неоднократно, продолжил разговор, просто изменив тему на более «интимную»:

— Алина, я вот что давно спросить хочу... Это мне важно, чтобы разобраться...

Виктор — ведь твой отец?

— Ха! — Алина не удержалась от смешка. — Кто тебе сказал такую глупость?

— Э-э-э... твоя мама... Лариса Михайловна.

— Слушай ее больше, — съязвила Алина. — Мама — довольно хитрая женщина. У них с дядей Витей был роман по молодости, но к тому времени она меня уже носила.

— Зачем же она тогда?.. — Артур осекся, не закончив фразу.

— Вы, мужики, существа примитивные, даже смешно на вас смотреть. Выгодно ей дяде Вите голову морочить, вот она и рассказывает байки.

— Хм... а кто тогда твой папа? Александр Пыхало?

— Он именно что папа. Он меня растил, воспитывал. А отец... биологический отец — Михаил Шагаев.

— Профессор Шагаев? Болек?!

Алина искоса посмотрела на молодого физика.

— Ты знаешь его прозвище?

— Ага, слышал как-то и запомнил. Но подожди... Если Лариса Михайловна скрывает, как ты установила, что Шагаев — твой биологический отец?

— Очень просто. Я в детстве болезненная была. То одно подхватывала, то другое... Желтуха, ветрянка, гайморит. Так мама тут же за телефон садилась и начинала наяривать Елизавете Павловне — матери Шагаева, чтобы выяснить, не болел ли он тем же в детстве, как тяжело болел и прочее. Так я и поняла, кто мой истинный отец.

— Логично. — Артур потер кончик носа. — И как же ты теперь?

— А что я теперь? — Алина удивилась. — Все нормально. Александр — папа, и этим все сказано. Шагаев — биологический отец. А Свинцов пусть мучается.

— Ты его так не любишь? Он же целую экспедицию организовал, чтобы тебя спасти. Меня подключил...

— Заметь, я его об этом не просила! А что касается любви, дураком не надо быть, вот и все.

Редколесье закончилось, и тропинка вывела молодых людей к подножию высокого лысого холма. Алина остановилась, осмотрелась.

— Лезем наверх! — решительно сказала она. — Зря здесь люди не ходят. Наверняка обзор хороший.

Так и оказалось. С вершины холма были отлично видны искусственный Вал, ограждающий Зону с запада, и ближайший блокпост миротворцев, преграждающий дорогу на Янтарь. Голубоватая тонкая дымка, напозавшая из Зоны, придавала пейзажу некоторый романтический флер.

— Солнышком Зона встречает... — мечтательно сказал Артур.

— Ты Зоны не бойся, ты людей бойся, — посоветовала девушка. — Вот там за Валом сплошняком минные поля. И это самая большая проблема. Если их пройдем, считай, полдела сделано.

— Давай сначала через Вал переберемся, — предложил Артур. — А там... Есть у меня одна мысль, и я ее думать буду.

Вал был гигантской свалкой высотой в среднем десять метров, насыпанной вдоль Периметра Зоны с его наружной стороны. Вал начали возводить около шести лет назад — это была очередная попытка если не приручить Зону, то по крайней мере поставить ей границу. В качестве материала использовали всевозможный мусор, накопившийся в Предзоннике, а рабочей силы — самоселов, неудачливых сталкеров, местных «бичей», всю

ту мелкую шелупонь, которая не ленилась махать лопатами и которая сразу сообразила, как на этом деле можно «навариться». Сначала, конечно, все шло по стандартной схеме: завышенные сметы, неоправданные сверхурочные, мертвые души и прочие способы сравнительно безболезненного способа изъятия денег из раздутого бюджета. Но куда важнее для местных оказалась возможность легально работать рядом с Периметром. Под прикрытием копошения множества людей и машин проще простого среди бела дня пройти в Зону и обратно, таща на себе мешки с хабаром. То есть все время строительства Вал выполнял функцию, совершенно противоположную той, ради которой возводился, по факту став открытыми воротами в Зону. Сейчас положение изменилось — как ни затягивали строители сдачу объекта, а с запада Вал все же удалось возвести, и теперь он находился под круглосуточным надзором миротворцев и украинских пограничников. И Алина пока не знала, как это препятствие на пути к генералу Роте преодолеть.

Девушка постаралась припомнить все, что видела и слышала полгода назад. Тогда они попали в Зону без всяких затруднений. Серебряков выправил для экспедиции Физического института официальное разрешение, и бронированный вездеход «Емеля» проехал до Свалки чуть ли не по ковровой дорожке. Насколько Алине было известно, блокпост, который они сейчас видели к юго-востоку от холма, был здесь единственным. К блокпосту с двух сторон сходилась Вал. За Валом до Периметра тянулись сплошные минные поля, а там уже начинались радиоактивные пятна и скопления аномалии, охранявшие запретные территории лучше любых ограждений. Всякий, кто поднимался на гребень Вала, сразу становился заметен для автоматизированных всепогодных систем наблюдения, установленных на Периметре, что позволяло миротворцам, несущим караульную службу на блокпосте, вовремя среагировать и обезвредить нелегала. Считалось, что при таком раскладе и мышь внутрь Периметра не проскользнет. Однако на «черном рынке» постоянно появлялись контрабандные артефакты. Откуда они брались, если мышь не проскользнет? Где добыла кольцо и набор артефактов несчастная Флибуста? Уж явно не в ближайшем поселке. И явно торговка не поперлась бы с этим мешком через блокпост миротворцев...

Алина, конечно, слышала, что «окно» в Зону можно купить. Многие надежные тайные проходы через Вал к Периметру и далее заложили сами сталкеры, работавшие чернорабочими на стройке. Какие-то организовывали нечистые на руку офицеры из украинских погранвойск. Но где купить «окно»? У кого? Вряд ли такую информацию продадут постороннему. Да и хватит ли денег на карточке, чтобы оплатить покупку? Это ведь все не шутки, не компьютерная игра по мотивам телесериала «Машина желаний»...

Можно, конечно, пошарить по Сети, а лучше связаться с папой — вдруг он что-нибудь посоветует или взломает какой-нибудь тайный сталкерский сервер... Алина взглянула на ПДА и чертыхнулась — «Длань» так и не ожила. Нет «Длани» — нет связи.

Что же происходит в этой проклятой Зоне? Почему перекрыли Периметр и эвакуируют туристов?.. Стоп! Алина возбужденно облизала пересохшие губы. А ведь это нам на руку! Если по ту сторону Вала стало жарко — оттуда побегут, причем далеко не все побегут через блокпосты. Значит, капля внимания плюс капля везения, и — прорвемся!

— Ладно! — Алина повернулась к спутнику. — Сделаем так. Пойдем сейчас вдоль Вала. Если я хоть что-то понимаю в русских людях, в каждом заборе должна быть дырка. И не одна. Главное — ее не пропустить. Так что смотри в оба!

— Есть, товарищ командир! — откликнулся повеселевший Артур.

3

На территории, которую контролировала «Свобода», тоже кипел бой, и людям Давида Роте пришлось броситься в него прямо с марша.

Чудовищ здесь было не в пример меньше, но зато и никакой организованной обороны «свободовцы» не держали — рассеялись по многочисленным руинам армейских складов и палили кто во что горазд.

Генерал и его маленькая армия быстро закрепились в одном из пустующих зданий. Обнаруженный там «свободовец» чуть не обезумел от счастья, когда увидел, какое подкрепление к нему подвалило. Счастья, правда, быстро поубавилось, когда Роте взял парня в оборот и начал выяснять, где сейчас Совет координаторов.

— А я почему знаю? — хныкал парень. — Тут свою бы голову на плечах удержать... Второй день сидим, отстреливаемся... Света белого не видим.

— Второй день? — не поверил Роте.

— Ну да, вчера, во второй половине, мужик прибежал, зеленый весь, трясется. «Монстры! — кричит, — Монстры наступают!» Пока его отпаивали да расспрашивали, они и навалились. Половину ребят сразу на месте положили. Те, кто подальше от ворот был, те ушли, залегли в ухоронки и стали отстреливаться. Так и сидим. Твари больше на рожон не прут, но из домов нас не выпускают. Ждут, видно, когда патроны кончатся. А координаторов я уже давно не видел, вот как крест свят!

— Понятно.

Свободовец явно не врал — да и с чего бы? Тем более что действительность его слова всецело подтверждала. Роте потер подбородок. Расклад получался интересный. Прямо-таки занимательный. Если на базу «Долга» пришельцы бросили значительные силы, то в случае со «Свободой» предпочли окопную войну с постепенным изматыванием противника. Из этого следовали два вывода — один другого краше. Во-первых, пришельцы уважали «Долг» — знали, что с кондачка к нему не подступишься, измором не возьмешь, благо у «Долга» есть связь с внешним миром, а потому навалились всем скопом. Во-вторых, получалось, что пришельцы — не тупые прожорливые твари вроде слепых собак или кабанов. Точнее сказать, не только тупые прожорливые твари. За ними стоял разум — кто-то, хорошо знающий возможности группировок Зоны; кто-то, имеющий понятие о тактике и стратегии; кто-то, очень похожий на самое опасное животное планеты Земля — на человека. И генерал Роте понял, что ему до смерти хочется узнать, где сейчас находятся монстры, уцелевшие в боине при Базе «Долга».

— Где у вас аппаратная? — спросил он у «свободовца».

Тот удивленно распахнул глаза.

— Чего?

— Комната, откуда вы по громкой связи свои призывы дурацкие вещаете. Вступайте, мол, в «Свободу» и увидите небо в алмазах. Ферштейн?

— Фер... что?

Генерал глубоко вздохнул.

— Откуда у вас вещание идет? Понимаешь, солдат?

Парень радостно закивал и показал на большой сборнощитовой барак в глубине территории, до которого от здания, захваченного «долговцами», было метров триста.

— Там у нас полевой штаб.

— Хорошо. Сиди здесь и не высывайся. Володя, — окликнул Роте своего главного инженера, — пойдешь со мной. Саня, Женя, Гарик, Эрнст, Игорь, вы тоже с нами. Остальные обеспечивают прикрытие. Ханкилдеев, останешься здесь за старшего. Главное, смотри, чтобы никто не высывался без команды. Головой отвечаешь.

— Есть, господин генерал, — ответил сотник Ханкилдеев.

Подобравшись к выходу из здания, «долговцы» выстроились «свиньей», закрывая главного инженера, который в отличие от остальных не был профессиональным бойцом, и взяли автоматы наизготовку.

— Ну, с Богом! Пошли! — скомандовал Роте.

Едва отряд оказался на открытом пространстве, чудовища сразу бросились к нему. Ближайший крокодилопес подскочил с фланга, лязгая челюстями, и тут же заскулил, отброшенный прицельным огнем. На помощь ему, угрожающе по-змеиному шипя, выдвинулась парочка здоровенных ракопауков. Еще вдалеке они разделились, заходя с двух противоположных сторон. Пули с визгом отскакивали от брони тварей.

— Получай, скотина!

Игорь вытянул из разгрузки гранату, дернул за чеку и швырнул под брюхо ближайшему ракопауку. Грянул взрыв, взметнулись в воздух кровавые ошметки. К сожалению, страшная гибель одной твари не остановила второго ракопаука. Он подкатился под ноги к людям, изловчился и цапнул Роте за сапог. Тот, громко по-русски матерясь, свалился на землю, закусил губу от боли, выхватил штык-нож и, резко перегнувшись, ударил ракопаука в один из восьми черных маленьких глаз. Острые вошло в плоть, но широкое лезвие остановил хитиновый нарост. Тем не менее ракопаук выпустил сапог и завертелся на месте, отчаянно щелкая клешнями. «Долговцы» добили его выстрелами в упор. Володя и Женья подхватили генерала под руки и потащили к штабному барaku. Остальные прикрывали их отход.

Они были метрах в двадцати от дверей, когда темная тень заслонила солнце. Огромная обезьяна — вылитый Кинг-Конг, но с голым, похожим на тыкву, черепом вместо головы — перегородила дорогу. Увидев, что командир в беде, «долговцы», засевшие на старом складе, повыскакивали из укрытий, пытаясь отвлечь зверюгу на себя. Автоматные очереди хлестали по могучему телу Кинг-Конга, черная кровь текла не землю из десятков ран, но зверюга, не обращая внимания на эту «помеху», занесла огромную лапу, намереваясь расплющить замерших перед ней людей.

И вдруг невиданный монстр пошатнулся, сделал шаг вперед и повалился навзничь подобно кегле, сбитой при игре в боулинг. Володя и Женья едва успели отскочить и оттащить хромающего Роте.

— Пошла, залетная! — в распахнутых дверях штабного барака появился координатор Гоголь; он торжествующе вскинул снайперскую винтовку. — Добро пожаловать на территорию «Свободы»!

Глава 7. Падайте лицами вниз, ниц...

1

К счастью, никто из членов научной экспедиции «Норд Ривер» не пострадал. Отделались царапинами, ссадинами и синяками, которые Миша мгновенно излечил с помощью полевого медицинского комплекса на основе артефакта «светляк». Машинам повезло куда меньше — на многих были выбиты боковые стекла, а мост трейлера, в котором пряталась Ким, оказался непоправимо поврежден телекинетическим воздействием бюреров.

Плюмбуму было досадно, что придется бросить машину здесь. Но он понимал, что еще легко отделался, и не ворчал на мироздание. А кроме того, его поджидал еще один приятный сюрприз: «Длань» заработала! А вместе с ней появилась связь — ПДА попискивал, требуя внимания: Борис Витицкий вызывал экспедицию.

Плюмбум отошел в сторону от спутников и ткнул пальцем в экранчик, поднеся миникомпьютер близко к губам.

— Привет, Боря. Что там у вас? Почему мы сутки сидели без связи?

— Мы сами еще не знаем толком, — ответил Борис. — Вояки говорят, что введен план «Карантин», и отказываются даже обсуждать подробности. Информация из Зоны практически не поступает. Алекс сейчас работает над этим, слушает их переговоры и пытается взломать линию доступа к оперативным данным, но пока без толку. Обновить карты мы не можем. Уж извини.

— Ничего. Не в первый раз. Хаживал я в Зону, знаешь ли, и без вашей «Длани». Днем так вообще никаких проблем.

— Будь осторожен. Как у вас дела?

— Все живы и здоровы. Ночью бюреры в гости приходили, но мы справились. Потеряли жилой трейлер. Думаю, бросить его. Время дороже.

— Поддерживаю... Слушай, Виктор... Раз такие непонятки, есть предложение забить на сейсмографию.

Умненький Борис использовал слово-заменитель, чтобы никто из посторонних слушателей не догадался о его интересе к истинному назначению «Омеги».

— В смысле?

— Твоя цель важнее. Алекс тут нашел контакт, пока слабенький, вилами на воде, но есть шанс, что скоро мы эту тему пробьем своими силами. И сразу тебя проинформируем, не беспокойся. Так что действуй по первоначальному плану.

Плюмбума смутило заявление Бориса, но он понял, что лучше не спорить. В конце концов ему ли привыкать к изменению планов?

— Понятно, — медленно произнес Виктор. — Хорошо. Возвращаемся к первоначальному плану.

— Ну вот и отлично. Будь на связи.

— О'кей.

Плюмбум спрятал ПДА в герметизируемый нагрудный карман и скомандовал:

— Так, быстро собираемся и выдвигаемся. До Саркофага здесь пять километров, так что все важные дела отложите до прибытия на место.

— Стой, командир, — подал голос Серега Новиков. — Объясни-ка нам, с кем ты сейчас говорил.

— Это еще с какой стати? — искренне изумился Плюмбум.

— А с такой, что это и нас касается. Выходит, мы сутки были без связи с центром, и «Длань» до сих пор не работает!

— Работает твоя «Длань»! И связь уже есть. И вояки с минуты на минуту здесь будут, если шевелиться не начнешь.

— Нет, стой, начальник, мы так не договаривались. Что вояки говорили? Про карантин какой-то... Что еще за карантин?

Плюмбум заметил, что охранники и рабочие остановились и наблюдают издали за разговором. Он сгреб Серегу за куртку, напрягся, приподнял и хорошенько тряхнул.

— Кончай болтать, — горячо зашептал Виктор, глядя прямо в глаза ошалевшему Новикову. — Хочешь, дожидайся вояк, они тебе все растолкуют. А не хочешь, чтобы тебя посадили и выпотрошили на допросах, иди с нами и не вякай.

Серега, как и следовало ожидать, сразу сник и забормотал извинения:

— Ну, начальник, я же не всерьез... Просто любопытно было.

— От любопытства кошка сдохла.

Плюмбум отпустил Новикова и пошел разыскивать Ким. Залезать так глубоко во взаимоотношения внутри группы ему не хотелось. Людей собирали с бору по сосенке и для того, чтобы сколотить из них работоспособную команду, требовалось время. Потенциал у них был хороший — в этом Виктор убедился вчера. Но он им не коуч-тренер, а временный попутчик. У него здесь свои цели, свои интересы и свои дороги. И все они сходятся не к Четвертому энергоблоку, а к Затону.

Честно говоря, происходящее ему, как и Сереге, не нравилось. Правда, пока ясности по многим вопросам нет, а значит паниковать рано. В Зоне каждый день случается что-то из ряда вон выходящее, на то она и Зона. Правда, карантин, на памяти Виктора еще не объявляли, но кто знает, какая вожжа военным попала под хвост на этот раз? В любом случае пора отрываться от экспедиции и двигать к «воронке».

* * *

Ким Райка уже закончила выносить свои вещи из поврежденного трейлера и теперь осматривала вмятины на фургоне с «Омегой». Выглядела шведка так, словно всю предыдущую ночь мешала водку с коньячным спиртом: лицо бледно-желтое, черные круги под глазами, смешные косички растрепались. Плюмбум даже почувствовал легкий укол совести: не годится бросать слабую женщину в трудной ситуации. И тут же одернул себя: «Нечего размякать! Райка — не слабая женщина! Да она слона на скаку остановит!» Однако начал он все-таки вежливо, с подчеркнутой дипломатичностью.

— Доброе утро, профессор. Как вы себя чувствуете?
— Спхасибо! — отозвалась Ким, снова переходя на свой дикий говор с акцентом. — Вхсе кхарашо!
— Тогда я хотел бы попрощаться с вами.
— Как тхак?
Плюмбум коротко изложил свои соображения: все идет неплохо, группа справляется, а у него есть свои дела, и он должен спешить.
— Ну кхарашо, — сказала Ким равнодушно. — Спхасибо вам за кхампанию и удачи.
Плюмбум, как ни странно, ощутил укол обиды. Он думал, что шведская профессорша будет больше сожалеть о потере такого полезного члена коллектива. Поэтому буркнул:
— Ладно, тогда прощайте.
И отошел в сторону, не дожидаясь ответа.
На самом деле он решил, что будет разумнее отколоться на марше, по ходу движения — просто свернуть на дорогу к Затону и затеряться в Зоне. И вопросов будет меньше, и разговоров.

Наконец караван снова двинулся в путь. Процессию на этот раз возглавил Миша Врач, который, на взгляд Плюмбума, справлялся с обязанностями проводника очень неплохо.

Уже совсем рассвело, но солнце затянули перистые облака, бледный шар то выскакивал из них, то прятался. Шоссейная дорога, по которой они ехали, была старой и разбитой — вся в колдобинах и ухабах, сквозь щели прорастала трава, а кое-где — и молодые деревца. Поэтому машины продвигались медленно, и большинство участников экспедиции предпочли идти пешком, послушно следуя указаниям Врача.

«Длань» показывала, что путь чист — то есть вчера утром он был чист. Но, похоже, с тех пор ничего не изменилось: Плюмбум не замечал никаких признаков аномалий, не обозначенных на карте ПДА, хотя смотрел во все глаза. Редкий лес по краям дороги просматривался насквозь и тоже, вроде бы, не таил в себе никаких опасных неожиданностей. Так что можно было покинуть группу со спокойной душой.

Примерно через полчаса Плюмбум заметил тропу, отходящую в нужном направлении, и потихоньку начал отставать от автоколонны, прижимаясь к обочине и пропуская машины вперед. Наконец, оказавшись позади последнего грузовика с прицепом-генератором, Виктор облегченно вздохнул: передвижение «толпой» закончилось, начинается «автономка».

Одиночная ходка — дело очень рискованное: можно нарваться на стаю мутантов, и тогда ничто не спасет. Но свои плюсы в ней тоже есть — рассчитываешь только на себя, а от себя всегда знаешь, чего ждать.

Плюмбум проверил, как закреплена разгрузка, пощелкал предохранителем автомата, выдернул штык-нож, вернул его в ножны, попрыгал на месте, сверился с картой ПДА, включил детектор аномалий на максимальный радиус действия и шагнул на тропу.

И тут же услышал за спиной:

— Эй, друг, куда собрался?

Сталкер оглянулся и увидел, что в грудь ему темным зрачком смотрит ствол винтовки.

2

Счастливый случай не заставил себя ждать. Алина и Артур спустились с холма и одолели не больше километра, когда заметили трех человек, выбиравшихся из-за сваленных в кучу с внешней стороны Вала обломков арматуры.

Молодые люди сошли с тропы и спрятались за кустами. Впрочем, сталкеры не обратили на них никакого внимания — громко пыхтя и распространяя вокруг себя сильное зловоние, троица пробежала мимо, направляясь на северо-запад. Один заметно прихрамывал и начал отставать. Тогда возглавлявший троицу обернулся и крикнул:

— Поднажми, Бегемот! Скоро здесь архаровцы будут.

Алина и Артур, распластавшиеся за кустами, переглянулись. Дождавшись, когда от спешащих сталкеров простынет след, молодые люди, ни слова не говоря друг другу, быстро спустились к приметной куче и обнаружили за ней вход в тоннель. Собственно тоннелем служила широченная газовая труба, пронзающая Вал насквозь. Убегающие от загадочных «архаровцев» сталкеры даже не удосужились замаскировать вход в свое «окно» — наверное, у них были причины для такой спешки.

Алина, вспомнив местные традиции, открыла молнию на сумке, найденной в похищенном автомобиле, вытащила болт и швырнула его в трубу. Прислушалась к гулкому эху. Потом кивнула с видом бывалого крадущегося и спросила:

— Ну что, лезем?

Артур покачал головой.

— Подожди. Помнишь, я говорил тебе, что у меня есть идея насчет минных полей?

— Да. И... ты расскажешь?

— Угу. Знаешь, какая у меня тема дипломной работы?

— Что-то вспоминаю... «Создание габаритно-весовых макетов артефактов для лабораторных работ»?

— А вот и нет! Моделированием артефактов я на практике занимался. Детская игра. У меня диплом посильнее будет. «Оптимизация приобретенных характеристик комбинированных артефактных комплексов малой мощности».

— Ха-ха, — сказала Алина со скепсисом. — Это ж тема для целого института!

— Ну... — замялся Артур. — Я же не открытие какое-то новое делаю, а обобщаю накопленный материал. И только по одной группе артефактов.

— Ясно. И что из этого следует?

— Я уже два года занимаюсь тем, что складываю артефакты малой мощности так и этак, а потом смотрю, к чему эти комбинации можно приспособить.

— Вроде «LEGO»?

— Ну да, что-то вроде того. А ты когда-нибудь играла с «LEGO»?

— У тебя есть с собой что-то подходящее? — Алина проигнорировала бестактный вопрос.

— К сожалению, нет. Я же не думал, что мы здесь окажемся. Зато у тебя есть артефакты той бедной торговки. Давай посмотрим их — может, мне удастся сложить миноискатель...

— Учти, мины, скорее всего, не металлические, а пластиковые.

— Учел, учел. Доставай. Что там у нас?

Алина высыпала на входе в трубу артефакты из мешка Флибусты. Артур склонился над ними, зашуршал упаковочной оберткой.

— Так... Что мы тут имеем?... «Кровь камня» — это хорошо, но не по делу... Две «медузы» — тоже в сторону... Ого! «Морской еж» — отлично! Но не сейчас... Жаль, «вспышку» извели... Ага, есть еще одна. Ладно... Интересно, а «зажигалки» еще есть? Есть! Алин, у нас, по-моему, еще одна банка «энергетика» осталась? Хлопнем на дорожку?

— Фронтные сто грамм?

— Да нет, просто банка нужна.

— Зачем?

— Вы, девушки, наверняка начальную военную подготовку не проходили?

— А это так ценно? Мне, знаешь, и пейнтбольного клуба хватает.

— Иногда ценно. Вот ты, например, и знать не знаешь, что есть такая замечательная вещь — микроволновый миноискатель. Который в отличие от металлодетектора обнаруживает любые аномалии в почве. Хм, правда на аномалии Зоны его действие не распространяется... Значит так, перво-наперво нам нужен источник микроволнового излучения. Это «вспышка». Дальше нужна металлическая емкость, которая создаст направленный пучок излучения. Банка подойдет идеально.

— Тебе оставить? — Алина уже открыла банку и отхлебнула «энергетику».

— Да, если не сложно. Пить чертовски хочется.

— Держи!

Артур в три глотка опорожнил банку, вырвал крышку, затолкал «вспышку» внутрь.

— Теперь нужен индикатор. Тут подойдет «зажигалка». Она будет замерять диэлектрическую проницаемость грунта и находящейся в нем мины. В зависимости от проводимости грунта электрическое поле «зажигалки» будет то усиливаться, то ослабляться. Соответственно, будет меняться температура «зажигалки». Теперь бы только как-то прикрутить ее к корпусу.

— В аптечке должен быть пластырь.

— Точно! Давай сюда. Вот так, теперь все в порядке. Ой, блин!

Он вскрикнул и уронил банку.

— Что? Артур, что случилось? Больно? — встревожилась Алина.

— Да, блин, жжется! Трубу почуяла — сразу нагрелась. Одно хорошо, работает.

— Да уж. Только давай-ка пока ее разберем.

Алина рукавами подхватила банку и вытрясла «вспышку» на траву.

— Пока понесем отдельно, потом соединим. Давай руку обработаю.

— Да ладно...

— Вот именно что ладно. Это же одна минута.

Девушка достала из аптечки противоожоговую мазь, смазала пальцы Артура. При этом мрачно подумала, что в Зоне им сильно пригодился бы полевой медицинский комплекс, но такое удовольствие было по карману только хорошо оснащенным экспедициям с бюджетом выше среднего.

— Ну что? Готово? Пошли?

— Пошли!

И, согнувшись, они нырнули в трубу.

— Вниз по кроличьей норе... — пробормотала Алина, вылезая на свет.

В Зоне осень была полновластной хозяйкой. Перед ними простиралась холмистая равнина, покрытая желтой пожухшей травой. Отдельные деревья, росшие на холмах, давно лишились листьев. Даже небо здесь было другим — низким и свинцово-серым. Плотная пелена облаков, едва пропускавшая тусклый свет солнца, казалось, спустилась до самой земли. Облака ползли медленно, задевая за ветви деревьев.

Вал и Зону разделяла полоса сплошной грязи шириной около полукилометра. Под грязью прятались противопехотные мины в пластиковых корпусах.

Алина зябко передернула плечами.

— Все страньше и страньше, — тихо произнесла она, сама не понимая, что хочет этим сказать.

— Что? — спросил Артур.

— Да так, ерунда. Я правильно твой миноискатель собираю? — девушка вставила «вспышку» в банку с прикрученной к ней «зажигалкой».

— Правильно, только отдай ее мне.

Алина хмыкнула, но устройство отдала.

— Что ж, — сказал молодой физик, — посмотрим, на что годится академическая наука. — Наклонившись к земле, он повел банкой впереди себя. — Вроде, все спокойно. Можно идти.

И Артур шагнул в грязь.

Алина последовала за ним. Очевидно, сила сигналов была небольшой — Артуру приходилось часто нагибаться, чтобы держать «артефактный комплекс» у самой земли. Иногда он останавливался, менял направление, потом снова сворачивал, возвращаясь на старый путь.

Алина заскучала, начала озиаться и увидела в грязи глубокие отпечатки подошв — очевидно, их оставила троица стalkerов, убегавшая от «архаровцев».

«Ну мы и дураки, — подумала девушка. — Академики! Всего-то и надо было идти по чужим следам».

Поскольку Артур, сам того не замечая, придерживался того же пути, что и прошедшие здесь сталкеры, Алина не стала говорить ему о своих наблюдениях. Потому что признайся она в своей ошибке, то выглядела бы не умнее этого кретина с артефактами.

Молодые люди продвигались медленно, но верно и уже прошли почти полдороги без всяких эксцессов. Только Артур явно стал уставать от ходьбы согбенным. То и дело он останавливался, хватался за поясницу и с усилием потягивался, пытаясь поставить на место позвонки. Но когда Алина предложила ему поменяться местами, наотрез отказался:

— Не нужно это. Я пойду первым. Лучше за окрестностями следи.

Алина фыркнула — тоже мне пионер нашелся! Но, непроизвольно выполняя его просьбу, оглянувшись и с трудом сдержала крик. После чего шлепнулась в грязь, ухватив и потащив за собой Артура.

— Ты чего? — Физик попытался освободиться. — Что случилось?

— Тихо ты, — зашипела Алина. — Обернись, только головы не поднимай.

— Как ты это себе представляешь? — раздраженным шепотом поинтересовался Артур.

Но стоило физику обернуться, как и он, тихо ойкнув, попытался вдавиться всем телом в грязь. На вершине Вала стоял печально знакомый им «псих» в «долговском» комбинезоне и с коротким мечом в ножнах на поясе.

3

— В затылок уложил, — хвастался координатор Гоголь, поглаживая цевье своей винтовки. — Прямо в подзатылочную ямку. Вот так-то, господа! Богатая охота нынче.

— Молодец, камрад, — пробурчал сквозь зубы Давид Роте. — Гуте арбайт!

Нога болела дико, хоть Женя про прозвищу Спец уже ввел анестетик. Потом Женя начал разрезать сапог, но особенно трудиться ему тут не пришлось — клешни ракапаука и так сделали всю работу. Спец только перекусил чудом уцелевшие нити, и сапог сам упал с ноги.

— Придется потерпеть, командир, — предупредил он.

Роте стиснул челюсти. Женя полил рану перекисью водорода и осторожно удалил лоскутки покровосанного носка.

— Ну что там? — выдавил из себя Роте.

Женя поморщился.

— Вся стопа в кашу. Но будем надеяться на лучшее.

Он достал из сумки «ломоть мяса» — стандартизованный артефакт в виде тонкого листка, который был известен своей способностью к стимуляции регенеративных процессов в живых тканях. Надрезал защитную оболочку и аккуратно приладил артефакт к ноге Давида. Ломоть тут же принялся растворяться, всасываясь в поврежденные ткани. Боль понемногу проходила, скоро осталось только слабое покалывание. Когда ломоть полностью растворился, кровотечение прекратилось, и страшные раны начали затягиваться. Давид почувствовал, что его клонит в сон — верный признак, что артефакт успешно мобилизовал силы организма на борьбу с повреждением. Однако Роте усилием воли отогнал сонливость — не то место и не то время.

— Что делать будем, координатор? — обратился он к Гоголю.

Тот пожал плечами.

— А что тут сделаешь, господин генерал? Отстреливаться и уходить. Других вариантов не существует.

— И далеко ты намереваешься уйти?

— Туда, где эти твари не достанут, понятное дело.

— Боюсь, они попытаются достать нас везде, где бы мы не прятались.

И Давид коротко пересказал Гоголю свой разговор по телефону с Никитой, которого послал приглядывать за Ковшом на Свалке, а также те выводы, к которым пришел сам, наблюдая за тактикой чудовищ.

— По-моему, они действуют целенаправленно, — так закончил генерал свой рассказ. — Их цель — выдавить нас из Зоны. Может быть, навсегда. Никита сказал, что за ними стоит Стрелок.

— Стрелок? — вскинулся Гоголь. — Вот так номер! Но Стрелок давно сгинул, погиб...

— Может быть, это кто-то другой, называющий себя Стрелком. Сам знаешь, претендующих на это знаменитое прозвище всегда было предостаточно. Но кто бы это ни был, он, похоже, существо упорное и целеустремленное...

— Ну что ж, тогда мы уйдем из Зоны, а вы можете оставаться, — равнодушно проронил Гоголь. — База «Свободы» в вашем полном распоряжении, господа.

Роте ожидал чего-то подобного, и все же не сумел сдержать гнев.

— Сдашься, координатор? Как только встретил серьезного противника, сразу хвост поджал? Понятное дело, это тебе не пьянствовать по неделе с друзьями-отморозками. Тут смелость нужна — мужчиной надо быть, а не пижоном...

— Мудрый похож на воду... — невозмутимо отозвался Гоголь. — Вода может течь, а может крушить. Она отступает, когда приходит срок, и возвращается, когда приходит срок. Она аморфна и неуловима. Стань водой, друг мой.

— Это отрывок из трактата «Мудрец и стакан»? — ехидно поинтересовался Женья Спец.

— Вообще-то это говорил Брюс Ли! — снисходительно сказал координатор.

— Не знаю никакого Брюса Ли, а «Долг» отсюда не уйдет, — твердо заявил Давид и добавил с видимым равнодушием: — Значит, я могу считать, что вы сдаете свою территорию без боя?

И понял, что попал в точку — Гоголя аж передернуло.

— Ну зачем же нам воевать? — осторожно спросил координатор. — Мудрые говорят: «Враг моего врага — мой друг».

— Отлично, — поспешил согласиться Давид. — Так вот, друг Гоголь, мое предложение такое. Сейчас собираем всех людей и отступаем на север, к Припяти. Там закрепляемся, организуем оборону, связываемся с внешним миром, просим военсталов подсобить людьми и техникой. Там же планируем следующий этап. Нашествие началось со Свалки. Значит, нам нужно провести рейд до Свалки. На севере мы формируем боевую группу для осуществления этой задачи — понадобятся опытные крадущиеся, боевики, новая техника. Может быть, сумеем остановить напасть прямо там, на Свалке. Если не сумеем, то по крайней мере узнаем, что это и откуда. Пойдет?

Гоголь пожал плечами.

— Думаешь остановить силу силой, генерал?

— Думаю попробовать, — твердо сказал Роте. — Так ты с нами? Или так и будешь в вольного охотника играть, пока до тебя твари не доберутся?

— С вами, с вами... — пробурчал Гоголь.

Было видно, что перспектива совместного путешествия с бывшими заклятыми врагами его не радует, но деваться некуда. В этом смысле Гоголь был реалистом.

— Ну а раз с нами, так давай мегафон. Женья, помоги-ка мне встать.

— Рановато еще, командир, — отозвался Женья Спец.

— Главное, чтобы поздно не было, — отрезал Роте.

С помощью Жени он приподнялся и попробовал наступить на раненую ногу. Та мгновенно отозвалась — стрельнула болью, но, стиснув зубы, генерал «Долга» все же смог на нее опереться. И то хлеб.

— Ребята, поищите в зданиях какую-нибудь арматуру, которая сойдет за костыль, — распорядился он.

— А лучше поищите брезент, который сойдет за носилки, — поправил Женья. — Мы быстрее вас дотащим, командир, чем вы доковыляете.

Роте не стал возражать — Женья, как обычно, говорил по делу.

Генерал взял у Гоголя мегафон и, опираясь на плечо своего спутника, подошел к окну штабного барака, распахнул его и прокричал:

— Граждане фримены! Кто хочет жить, присоединяйтесь к нам. Мы в штабе с координатором Гоголем. Даю полчаса на сборы, так что поторопитесь...

Глава 8. Пред королем падайте ниц...

1

— Ты чего, Иван? — осторожно спросил Плюмбум. — Белены объелся?

Иван Тропник опустил винтовку так, что теперь целил в колено сталкера.

— Команду в походе никто не бросает, — строго ответил он. — Закон такой.

— Да какой закон?! — Плюмбум все никак не мог поверить, что проводник всерьез решился его задержать. — Я с вами идти не подряжался. Составил компанию по просьбе друзей. Чем мог, тем помог, а теперь мне пора по своим делам... Мы же это еще в Киеве обговорили. Забыл?

— В Киеве не говорили, что в Зоне чрезвычайный режим введут, — буркнул Тропник.

— Так кто ж знал? — Плюмбум картинно развел руками. — Вояки погорячились, а они нам не докладывают.

— Это уже неважно, — Иван набычился. — Главное, что мы сейчас на карантине, и пока его не снимут, обратной дороги нам нет. А ты знаешь, когда его снимут?

— Ну не будут же век держать!

— Так и есть, не знаешь. А почему его ввели, тоже не знаешь?

— Да глупость какая-нибудь... — Плюмбум продолжал косить под дурачка, хотя вопрос был более чем серьезный.

— Может, и глупость, — согласился Тропник. — Только в Зоне любая глупость в гроб уложить может, сам знаешь. А ребята и без того на нервах — дошло до них наконец, что вчера могли всей толпой на ужин уродцам достаться... Так что сейчас у нас каждый опытный боец на счету.

Плюмбум решил, что сейчас тот самый момент, когда можно — нет, нужно! — перейти в наступление. Пока хотя бы на словах.

— Нервничает как раз твой подручный, — сказал он с усмешкой. — Что ж ты такого нервного в Зону взял? Здесь все-таки Зона, а не два газона... и даже не три бизона... Нечего здесь нервным делать.

— С Серегой и впрямь оплошка вышла, — признал Тропник. — Он, дурачок, женился, а я этого и не знал. Теперь только и мыслей у него в голове, что его молодая женка подельывает, пока он в Зоне кувыркается, да что она будет делать, если он здесь костями ляжет. А тут еще ему кто-то из доброхотов наплел, что Зона, мол, женатиков не любит, ревнует вроде. А Серега возьми и поверь!

— Да уж, не повезло парню!

Плюмбум осторожно придвинулся к противнику, готовясь взять его на болевой прием и отобрать оружие. Но опытный Тропник тут же просек его маневр.

— А ну-ка не балуй! — он выразительно взмахнул винтовкой. — А то моргнуть не успеешь, колено прострелю.

— И на кой я тебе буду нужен с простреленным коленом? — поинтересовался Плюмбум.

— Будем с собой возить типа штурмана.

— Ну тогда стреляй. Потому что как ты меня еще удержишь? Свяжешь по рукам и ногам? Или в наручники закуешь?

— Это правда, я и не подумал... — Тропник усмехнулся. — А знаешь что? Кинь-ка сюда свой ПДА. Уйти ты и без него, конечно, сможешь, но только сдастся мне, не захочешь.

Плюмбум чертыхнулся под нос. Этот зануда придумал ловко, даром что деревенщина. Уходить на Затон без «Длани» и без связи с Алексом и Борей просто глупо. Разумеется, в

мире альтов связи не будет, но ведь Виктор собирался вернуться, и при возвращении ему понадобится поддержка...

— Ну давай, не тяни резину, — поторопил его Тропник. — Нам еще ребят догонять.

Плюмбум со вздохом полез в карман, достал ПДА, бросил проводнику. Тот поймал, не глядя, спрятал за пазуху.

— Двигаем, нас там, верно, уже хватились. Скажем: ты отлить ходил, а я тебя прикрывал.

— Пошли, юморист хренов.

«А может, это и к лучшему? — рассуждал Плюмбум, шагая по выщербленному асфальту впереди Тропника. — И в конце концов с карантинном еще ничего не понятно. Да и куда торопиться, в самом деле? Гагарин, понятно, американцев обгонял, а у меня конкурентов нет. Альты пусть еще немного подождут — двадцать лет ждали, пара дней ничего не решает. Черт, но как досадно, что компьютер пришлось отдать. Но вернет, старая сволочь, жила рваная. Вернет, никуда не денется».

Саркофаг, накрывающий Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС, был виден издали. Массивное темное здание с высокой трубой казалось почему-то блестящим, словно бетонные стены Саркофага залили жидкой ртутью.

Подойдя ближе, люди невольно понизили голос, а потом разговоры и вовсе смолкли. Остановившись на выбранной заранее площадке в полутора километрах от Саркофага, все, не сговариваясь, полезли за дозиметрами, однако фон здесь не превышал нормы — большая редкость в этих местах. Плюмбум лишний раз убедился, что Алекс с Борей крепко знают свое дело.

Члены экспедиции «Норд Ривер» поудивлялись, порадовались и принялись за работу: расставили машины в круг, окопали периметр, сделали дренажные канавки на случай дождя, развернули дизель-генератор, установили прожекторы и полевую кухню. Но, обустроявая свою научно-исследовательскую базу, путешественники то и дело тайком бросали быстрый взгляд через плечо на возвышавшуюся за ними темную громаду. Плюмбуму казалось, что Саркофаг усмехается: видел я, мол, многих до вас, увижу многих и после вас, а уйдете вы отсюда или останетесь навсегда — это как уж повезет.

Саркофаг и впрямь многое повидал бы, имей он глаза. Весенней ночью 1986 года в огне пожара возникла Зона. Едва родившись, чудовищный младенец тут же принялся пожирать людей: погибли два оператора из смены, дежурившей на энергоблоке; потом невидимое пламя радиации добралось до инженеров в пультовой, до пожарных, прибывших по сигналу тревоги, до врачей, лечивших обожженных и облученных пожарных; затем тлеющий ползучий огонь стал расползаться, поражая все, что встречал на своем пути — землю, воду, плоть людей и животных.

Сооружение Саркофага над бушующим реактором началось еще летом того же 1986 года. Под основание реактора залили плиту-теплообменник, отсекая радиоактивную воду из бассейна-барботера от грунтовых вод. Вертолетчики, ежесекундно рискуя свалиться прямо в адское пекло разрушенного энергоблока, засыпали активную зону песком. Каждый вылет был хождением по лезвию бритвы — опустившись слишком низко, пилоты рисковали нахватать лишнего рентгена, броски с большой высоты были неточными, и, главное, от каждого упавшего мешка в небо поднимался столб радиоактивной пыли.

В Леливе были развернуты бетонные заводы, над реактором возводили скелет из металлоконструкций с помощью высотных кранов, затем его начали заливать бетоном — понадобилось триста тысяч кубометров. Сверху сооружение накрыли «Мамонтом» — массивной металлической рамой весом в полтора тонны. К ноябрю строительство Саркофага завершилось, а активность в реакторе начала спадать.

В последующие годы плененное чудовище ни на миг не оставалось в одиночестве. В Саркофаге постоянно находились люди — следили за уровнем радиации, за состоянием конструкций. По соседству, на Третьем энергоблоке, шла штатная работа — Чернобыльская

электростанция продолжала производить энергию, хотя и в гораздо меньших количествах, чем раньше.

Что стало с этими людьми — инженерами, операторами, дозиметристами, рабочими — после Первого Большого Выброса в апреле 2006 году? Никто не знал. Одни говорили, что они стали бюрерами, зомби и даже кровососами, другие — что превратились в призраков Зоны и теперь без конца перекликаются тихими голосами в темных закоулках Саркофага.

Шесть лет на станции никто не бывал. Путь к Четвертому энергоблоку преграждали поля аномалий, но главное — психотронные генераторы, установленные на Радаре и своим излучением сводившие людей с ума. Плюмбум хорошо помнил времена, когда о территориях севернее Армейских складов ходили только смутные легенды. Одно было несомненно — там происходит нечто совсем уж запредельное. И хотя идти к Саркофагу было и страшно, и смертельно опасно, сталкеров туда тянуло словно магнитом. И не удивительно, ведь легенды обещали, что если преодолеть все преграды, то в конце пути ждет Монолит (Золотой Шар, Машина Желаний, Сфера, Генератор Чудес — нужно подчеркнуть и добавить соли по вкусу), который исполнит самые сокровенные мечты: даст богатство, власть, вечную молодость, суперспособности. А что может быть притягательнее для отребья, ошивающегося в Зоне?.. Потом молчаливый сталкер по прозвищу Стрелок, которое ему дали за феноменальную меткость и профессиональное владение всеми видами огнестрельного оружия, сумел как-то пробраться на территорию Радара и отключил психотронные генераторы. Информация об этом распространилась мгновенно — на север Зоны рванули все: группировки, банды, одиночки — началась знаменитая война за Припять. А потом случилось еще что-то — старожилы утверждали, что Стрелок дошел до самого Монолита, и тот исполнил его желание. Дальше версии разнились, ведь никто не знал, чего попросил Стрелок. Возможно, он стал одним из Хозяев Зоны — его видели то тут, то там, как Семяцкого или Болотного Доктора; иногда он вмешивался в конфликты, выступая за одну из сторон; время от времени спасал попавших в безнадёжную ситуацию. Но, говорят, и убивал — обычно без объяснения причин. Со Стрелком была связана и легенда об О-Сознании — группе экстрасенсов, использовавших свои пси-способности для управления Зоной. От покушений их охраняла группировка «Монолит» — опытные и беспощадные бойцы, поклявшиеся в верности О-Сознанию. И действительно, «монолитовцев» Плюмбум встречал неоднократно — после года Стрелка они разбрелись кто куда, примкнув к группировкам или пустившись в «свободное плавание». И даже беседовал с некоторыми из них, интересовался подробностями жизни на Саркофаге, но внятных ответов не получил — «монолитовцы» плохо что помнили о том времени, когда служили О-Сознанию, исчерпывающее описание своего тогдашнего состояния дал Вася Орех, вступивший позднее в «Долг»: «Жужжание такое в башке и щелчки, как будто метроном. Вроде, и хочешь мысль подумать, а она ускользает, рассыпается...» И вот, вроде бы, получалось, что Стрелок каким-то чудесным образом «монолитовцев» от влияния О-Сознания освободил. Может, это было его желание? Вряд ли, хотя и такая версия рассматривалась...

Так или иначе, но с тех пор места, непосредственно прилегающие к Четвертому энергоблоку, считались сравнительно безопасными. Если здесь и были какие-то артефакты О-Сознания, то их растащили на продажу еще в двенадцатом-тринадцатом годах. Затем аномальная активность сильно спала, и новые артефакты почти не рождались. А из-за высокого радиационного фона Саркофаг обходили стороной даже мутанты. Другое дело — Второй и Третий энергоблоки, которые, по слухам, все еще таили несметные богатства и через которые можно было пройти в пространственные карманы типа Оазиса или Пляжа. Казалось, тема Четвертого энергоблока закрыта раз и навсегда, однако все еще находились мрачные пророки, которые утверждали, что Саркофаг заскучал и проголодался, давно не пробовав свежей крови. Если когда-нибудь их пророчества сбудутся, Плюмбум не удивится. Зона гораздо на сюрпризы и очень не любит, когда кто-то пренебрегает ее жестокими чудесами.

Виктор как раз закончил рекогносцировку местности, определив конфигурацию стационарных аномалий, и возвращался в лагерь, когда от «жамбуза» потянуло запахом жареного лука и подкопченной колбасы. Рот мгновенно наполнился слюной, сталкер сглотнул и понял, что чертовски голоден. Надо бы держаться поближе к кухне.

Подойдя, Плюмбум обнаружил Толика Узбека — штатного кухмейстера экспедиции — сидящим в сторонке, посреди компании четверых бездельников, покуривающих и сладко приноживающихся. Пар, валивший от котла, застилал фигуру повара, колдовавшего над варевом. Зрелище было настолько неожиданным, что Плюмбум не стал устраивать разборку Толе, явно уваливающему от своих прямых обязанностей, и только спросил:

— Это кто там так... наяривает?

— Да шведка... — фыркнул Толя. — Вот чумовая баба! Вы бы, господин Свинцов, сходили, спросили, скоро ли жратва готова будет, а то я прямо боюсь. Зашибет еще ненароком половником.

И действительно, приблизившись, Плюмбум увидел покрасневшую и потную Ким.

— Аха, гхосподин Свинцов! — радостно воскликнула она. — Вы у нахс альфа-схамец, вхам и перхвая порхция!

И прежде чем Плюмбум успел что-то сказать, шведка подхватила пластмассовую миску с раскладного столика, плюхнула в нее половник ароматного варева из котла, добавила что-то с шипящего противня и протянула ему.

— Скажите всем, вхсе гхатово! — повелела она. — Пхерерыв на обед!

Впрочем, созывать мужиков не пришлось — они сами потянулись на запах.

Виктор отошел с сторону и заглянул в миску. И не поверил глазам. Симпатичная горка жареной картошки с колбасой, плававшей в озерце томатного соуса, была увенчана желтым глазком яичницы. Картошка, колбаса, томатная паста — это понятно, он сам их заказывал. Но яичница? На Клондайке не бывает свежих яиц, они тухнут еще в Аризоне, — уверял Джек Лондон. Так же и Плюмбум с уверенностью мог сказать, что в Зоне не бывает целых яиц, они бьются еще на Кордоне. А вот поди ж ты... И ни разу не тухлое, а очень даже свежее...

«Люблю женщин, которые умеют готовить, — подумал Виктор, уплетая „профессорский“ обед. — Как она сказала? Альфа-самец? Сразу видно, знает толк в мужиках...»

Он подождал, пока толпа у кухни рассосется, и вернулся к Ким.

— Спасибо. Давно так вкусно не ел. Но откуда яйца?

Профессор улыбнулась:

— А, эхто схюрприз. Мне был нухджен авхтофургон с хорошей ахмортизацией, я и вхозила в них яйца, чтобы прхверить. А пхотом рхшила прихватить немного с собой.

— Сюрприз удался!

— Отхлично. А тхеперь — за дело! Похлагаю, с лахгерем мы закончили?

— В общем и целом да.

— Тхогда начхинайте рахгхружать эксхаватор. И пхришлите сюда эхтого Толю. Пхусть моет пхосуду.

«И когда это я к тебе в креативные менеджеры нанимался?» — подумал Плюмбум.

Но возмущаться не стал. Сытый желудок не располагал к спорам. На что, скорее всего, и был расчет. Нет, стервы все же эти бабы, даже те, которые готовить умеют...

Пока спускали с транспортной платформы малютку «Hitachi», пока экскаваторщик Лева разбирался с управлением и пробовал грунт «на зубок», профессорша успела исчезнуть. Только что вот вроде стояла рядом со всеми, а через секунду — ушла по-английски, не прощаясь. Плюмбум завертел головой и увидел доцента Мышкина — того самого консультанта из ФИАН, которого пригласили сопровождать экспедицию. Был этот Мышкин маленьким неприметным молчуном, всю дорогу сидел над своим унибуком, попыхивал электронной сигаретой и не обменялся с попутчиками даже парой слов. Вот и сейчас он

стоял в стороне, выпускал из уголка рта никотиновый пар и на лице его читалось что-то вроде: «Печально я гляжу на наше поколение...»

Плюмбум попытался вспомнить, как доцента зовут, хотел уже заглянуть в ПДА, где в числе прочего хранились досье на всех участников экспедиции, но потом досадливо поморщился. Проклятый Тропник! По рукам связал!.. И по ногам.

— Господин Мышкин, — обратился Виктор к ученому. — Вы не видели, куда пошла профессор Райка?

— Э-э-э... мнэээ... — протянул Мышкин. — Кажется, она направлялась туда, — он указал на Саркофаг.

— Вы уверены? — удивился Плюмбум.

— Во всяком случае она была в костюме высшей защиты.

— Очень интересно. Спасибо.

И Плюмбум поспешил в трейлер-лабораторию. Один из комбинезонов «Сева» действительно пропал. Виктор без смущения переоделся во второй, привычно проверил систему герметизации, работу клапанов, давление в баллоне с воздушной смесью и заряд аккумуляторов. После чего отправился разыскивать Ким. Не то чтобы он за нее опасался. Скорее, опасался ее. В конце концов он не пес, чью верность можно купить миской жратвы. Плюмбум ни минуты не сомневался, что Ким преследует собственные интересы, которые, вполне возможно, идут вразрез с интересами «Норд Ривер» и уж точно противоречат его интересам. А следовательно, за ней нужен глаз да глаз.

Спускаясь по лесенке из трейлера, Виктор еще раз помянул Тропника недобрым словом. Перед выходом стоило бы связаться с Алексом и Борей, посоветоваться или по крайней мере предупредить, что отправляется в незапланированную ходку на Четвертый энергоблок. Но... что толку сожалеть о том, чего нельзя изменить? Придется работать в автономном режиме...

Вблизи Саркофаг по-настоящему впечатлял. Он возвышался над головой — темный, блестящий, пугающий. Попискивал детектор аномалий, учуявший молодую «электрику» справа от входа в пристройку. Заходилась дозиметр — здесь было по-настоящему «грязно». Дверной проем пристройки отпугивал беспросветно глухой тьмой, сама стальная дверь валялась рядом, поросшая стелющейся разновидностью «жгучего пуха». Плюмбум сбросил с плеча автомат, взял его наизготовку и, включив нашлемный фонарь, поспешно шагнул в проем — снаружи слишком разыгрывалось воображение, а опасности внутри если и есть, то они реальны, и с ними всегда можно разобраться.

Плюмбум долго плутал по пыльным коридорам и переходам, не встретив ни одной души. Зато луж «киселя», излучающего ядовито-зеленый свет, было здесь хоть отбавляй. Эхо шагов гулко отдавалось во тьме под потолком, а когда сталкер останавливался, ему казалось, что он слышит приглушенные голоса. Впрочем, скорее всего, это ветер гудел в вентиляционных трубах.

Наконец Виктор оказался в просторном помещении, заваленном всевозможным металлическим хламом. Вдоль стен стояли ржавеющие стеллажи и шкафы. Поискав глазами, Плюмбум увидел массивную черную дверь. Отсюда начинался пусть в самое сердце Саркофага — к реактору.

Сталкер присел на корточки, чтобы осветить пол, и различил в слежавшейся пыли овальные следы. Похоже, он угадал верное направление — недавно здесь прошел человек в комбинезоне «Сева». И кто это может быть, если не Ким Райка?

От двери вниз, в глубину Саркофага, вела металлическая лестница со сплошными настилами. Спускаться по ним было удобно, но однажды Плюмбум чуть не оступился на гильзе от сигнальной ракетницы, и с того момента старательно светил себе под ноги.

Наконец сталкер вышел к Развалу — так называли атомщики остатки блочного щита управления. Плюмбум здесь ни разу не бывал, но, разумеется, видел фильмы и читал описания. Действительность не обманула его ожиданий: здесь не осталось ничего целого, только гигантские обломки, осколки, обрывки. Со стен на пол протекли и застыли наплывы

из оксида урана и расплавленного графита, похожие на чудовищные слоновьи ноги. Часть их осыпалась и покрыла пол черной пылью, при приближении к которой дозиметр забарабанил, как сумасшедший, и Плюмбум порадовался, что не только надел и загерметизировал «Севу», но и повесил на пояс защищающего от радиации «морского ежа» из набора стандартизованных артефактов, выписанного со склада Гульфика.

Здесь, как нигде в другом месте Зоны, остро ощущалась ничтожность человека, несоизмеримость его тем силам, которые он по неосторожности вызвал из бездны.

Плюмбум поморщился. Он не любил ни сентиментальности, ни высокопарности, даже если они были к месту и ко времени, как сейчас. Гораздо больше его беспокоило, что в этом хаосе практически невозможно было найти следы шведки.

И тут, когда Виктор совсем уже собрался повернуть назад, он снова услышал звуки. Точнее, звук — словно кто-то заунывно и надрывно тянул одну ноту. Плюмбум снял автомат с предохранителя и пошел на этот странный зов, осторожно обходя скопления черной радиоактивной пыли.

За Развалом снова обнаружилась лестница, ведущая наверх и через пару пролетов заканчивавшаяся площадкой, на которую выходила еще одна дверь. Поднявшись по лестнице, Плюмбум попал в новый коридор, в конце которого брезжил свет. Виктор, передвигаясь на полусогнутых и стараясь ступать как можно тише, преодолел коридор и остановился на входе в большой зал.

Все пространство зала было залито светом — как ни странно, но люминесцентные лампы на потолке горели так, как будто здесь ничего не случилось. Это показалось Плюмбуму самым пугающим из всего, что он встретил сегодня на Четвертом энергоблоке.

Здесь, как и на Развале, царил хаос, но на этот раз хаос совсем иного рода. Вдоль стен стояли семь массивных сооружений — то ли ванн, то ли саркофагов, из которых тянулись трубки и провода к развороченным и прошитым пулями пультам в углу. В другом углу примостился обычный письменный стол. Одна из его ножек подломилась — то ли от старости, то ли выбитая ударом, и лежавшие на нем бумаги, пресс-папье, скоросшиватель, часы-будильник и старомодный телефонный аппарат свалились на пол.

В дальнем конце комнаты у одного из саркофагов стояла на коленях Ким, похожая в комбинезоне «Сева» на инопланетянина. Она сняла шлем и прижималась щекой к покрытому пылью саркофагу, так что тонкие светлые косички свешивались с его крышки, словно инопланетные щупальца. Ее тело вздрагивало, но Плюмбум понял, что она плачет, только когда разобрал тихие слова:

— Мама... мама...

В пору было рассмеяться — могучая шведская валькирия, суровая бабища рыдает и зовет маму, как сопливая девчонка. Вот только Плюмбуму смеяться совсем не хотелось. Он осторожно отошел от двери и тихо-тихо отправился в обратный путь.

Когда-то Плюмбум считал рассказы о группе О-Сознание, управлявшей Зоной, всего лишь байками, какими принято запугивать молодых крадущихся, и подтрунивал над Давидом Роте, который словно помешался на этой теме, полагая, что сумрачная германская душа генерала тоскует по всяким Лорелеям и сокровищам Нибелунгов. Потом его мнение изменилось — Алекс и Боря нашли архив О-Сознания, и это было лучшим доказательством существования засекреченной группы экстрасенсов. А сегодня Ким невольно привела его — Плюмбум понял это сразу — в ту самую комнату, откуда О-Сознание шесть лет управляло Зоной. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: Ким пришла сюда, чтобы попрощаться с матерью — Мариной Волхановой.

Уже выходя из Саркофага, Виктор вспомнил, как во время тяжелого разговора весной Роте сказал: «Я был знаком с дочерью Волхановой. Очень близко знаком». Интересно, знает ли он, что Ким снова в Зоне? И если да, то захочет ли встретиться?..

Система защиты Периметра сработала, как часы. Со стороны блокпоста тут же заухала пушка Гатлинга, и над валом засвистели пули. Псих с мечом оглянулся и мгновенно сиганул с гребня Вала вниз, словно горный баран с обрыва. Приземлился где-то на середине склона, но на ногах не удержался, а покатился прямо на минное поле.

Досматривать финал этого триллера Алина не стала — вскочила на ноги, схватила Артура за руку и побежала к холмам, стараясь попадать след в след прошедшей здесь группы. Она все время ждала, что за спиной хлопнет взрыв, но его все не было. Вместо этого она слышала как шлепают по грязи сапоги, и ее сердце пропустило удар — преследователь их нагонял.

Внезапно Артур схватил девушку за плечо и заставил остановиться так резко, что та едва не полетела в грязь. Алина увидела, что псих с мечом уже шагах в пятидесяти от них.

— Ты что?! — потянула она Артура. — Что встал?! Идем же!

— Оставайся на месте, — сказал молодой физик тихо. — Верь мне, пожалуйста. Вот держи.

Он сунул ей что-то в руки. Алина глянула: это был самодельный миноискатель и еще один артефакт — слепившиеся в единый конгломерат стебельки мха, листики, веточки, причудливо изогнутые гравитацией — кажется, это «медуза».

— Зачем? Что ты придумал?

Но Артур, не слушая ее, шагнул навстречу преследователю. И тут Алина заметила, что позади, слева от цепочки следов, оставленной сталкерами, и на полпути между двумя мужчинами словно крутится крохотный смерчик. Он не доставал до земли и, наверное, не был бы замечен при обычных обстоятельствах, но сегодня мимо него проползли аж две команды, брызги грязи попали в поле действия аномалии, и та проявилась. Это же «карусель», сообразила Алина. И Артур слишком близко подошел к ней.

— Артур, осторожно! — воскликнула она.

И неожиданно эхом отозвался их преследователь:

— Стой, Артур!

Но молодой физик уже достал из сумки горсть болтов и с силой запустил их в самый центр аномалии.

Раздался громкий хлопок, оголодавшая «карусель» заработала. Взметнулась вода и грязь, мгновенно закрыв Артура. Гигантская воронка раскручивалась, расширяясь, затягивая в себя все больше массы. Внезапный порыв ветра ударил Алину в спину — она отвернулась и упала на землю, не позволяя себе думать о том, что случилось с Артуром. Ни один человек, которому довелось покататься на этой чертовой «карусели», еще не выбрался оттуда живым.

Поэтому когда кто-то тронул ее за плечо, девушка завопила, как оглашенная. Но это был Артур — живой и здоровый. Он возвышался над ней, пригнувшись и широко расставив ноги, словно борясь с ураганным ветром.

— А вот теперь бежим! — сказал он.

«Бежим» было легче сказать, чем сделать. Раскручивающаяся «карусель» ощутимо тянула их назад, и идти было трудно, словно молодые люди тащили по грязи тяжелый воз. Кроме того, приходилось держать ухо востро — минные поля и другие аномалии никто не отменял. Так что добравшись до твердой земли, оглянувшись назад и не обнаружив никого, они просто без сил повалились на траву.

— Нет, ты точно чокнутый, — сказала Алина. — Прямо в аномалию полез. Смело, но глупо.

— Никаких глупостей, — улыбнулся чумазый от грязи Артур. — Точный расчет. Артефакт «медуза» увеличивает сопротивляемость к воздействию центростремительных гравитационных аномалий вроде «воронки» или «карусели». У нас «медузы» были, у того... э-э-э... дурака — нет.

— Откуда ты это знал, что у него нет «медузы»?

— Я предположил. И, как видишь, не ошибся.

— Предположил, говоришь? — Алина с посмотрела на своего спутника с недоверием. — А он предположил, что тебя зовут Артуром?

— А? Алин? Что? Чего?

— Он кричал тебе: «Стой, Артур!», прежде чем ты бросил болты в «карусель» и началась свистопляска, — девушка пристально глядела на своего спутника, как будто видела его впервые. — Откуда он вообще знает, как тебя зовут?

— Так ты думаешь, мы знакомы? — У Артура вытянулось лицо. — Алин, ты что? Не сходи с ума. Я же... я понятия не имею, кто это такой, вот тебе честное слово... Думаешь, я тебя обманываю? Думаешь, я на это способен?

— Не знаю я, что думать, — устало отозвалась Алина. — Думаю, что есть хочу. Пошли скорее к Роте — может, как раз к обеду успеем.

3

Носилки соорудить не пришлось. Координатор Гоголь в знак мирных намерений предложил раненому генералу свой транспорт — выдавший виды открытый внедорожник, что придало отступлению объединенных армий «Долга» и «Свободы» некий оттенок мрачной торжественности.

Когда они выехали на дорогу, ведущую к Припяти, Гоголь обернулся к восседавшему сзади Роте и предложил:

— Господин генерал, не пора ли нам обсудить церемонию заключения перемирия?

Давид находился в расстроенных чувствах — прорыв с территории Армейских складов стоил жизни еще двум «долговцам», а потому ответил коротко:

— Кончай ерунду пороть, Николай Васильевич. Какие еще церемонии, чернильная ты душа? Твои люди переходят под мое начало, а я постараюсь пристроить их к делу, так чтобы они не путались под ногами и не нарывались на ссоры с моими парнями.

— Позволю себе напомнить, что меня зовут Александром Сергеевичем, — сказал Гоголь обиженно. — Кроме того, формулировка «переходят под мое начало» выглядит неприемлемой. Мне представляется, что необходимо разделить обязанности к взаимному удовольствию сторон.

— От раздела толку не будет, — хмуро ответил Роте. — Любая армия дееспособна только под единоначалием. Можешь поверить двадцати поколениям моих предков-офицеров.

— Это которым? — Гоголь не смог сдержать ехидную улыбку. — Которых русские варвары гнали до самого Берлина?

— Может, и гнали, — сказал Давид равнодушно. — Только ты у нас никак не Сталин, Николай Васильевич. Как это у вас, у русских, говорится? «Тарас Бульба был вольным казаком, потому что нигде не работал»?

— Меня зовут Александр Сергеевич! — возразил Гоголь строго, однако почел за лучшее оставить пассаж про Тараса Бульбу без комментариев.

— Ладно, ладно, Александр Сергеевич, солнце вы нашей поэзии, хватит препираться. Припять близко...

Внедорожник, обогнавший колонны отступающих сталкеров, и в самом деле уже въезжал в город.

Припять приветствовала их так же, как уже двадцать лет приветствовала незваных гостей — скрипом распахнутых дверей, шуршанием листвы в скверах, подвыванием ветра в трубах и потрескиванием электрических зарядов на огромном колесе обозрения, превратившемся в одну гигантскую архианомалию.

Припять была построена в 70-х годах прошлого века и стала девятым с стране «атомградом» — городом, где жили люди, работавшие на атомной станции. Для этих городов была разработана специальная «треугольная» застройка — уникальная для того времени. Она представляла собой сочетание жилых домов стандартной и повышенной этажности, что позволяло оставлять между домами большие пространства, засаженные

деревьями, и превращало Припять в «город-сад». Ее улицы и проспекты пересекались под точно рассчитанными углами, благодаря этой сетке Припять и другие атомграды должны были стать городами, в которых исключены автомобильные пробки.

По последней проведенной до эвакуации переписи, численность населения Припяти составляла сорок семь тысяч пятьсот человек двадцати пяти национальностей. В ночь взрыва несколько горожан рыбачили на пруде-охладителе и удивлялись странному зареву над Четвертым энергоблоком. На следующий день было жарко, и многие жители города загорали на крышах домов и удивлялись, какой стал «прилипчивый» загар — кожа сразу темнеет. Они еще не знали, что это — «атомный» загар и самый явный признак поражения радиацией.

Эвакуация города началась 27 апреля 1986 года — через два дня после взрыва реактора. Городской совет народных депутатов сообщил, что «в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в городе Припяти складывается неблагоприятная радиационная обстановка». Горожан просили при покидании жилья не забыть закрыть окна, выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны. Многие горожане полагали, что отлучка будет только на выходные, и оставили дома теплую одежду, ценные вещи, значимые реликвии. Они уезжали, не зная, что уже никогда не вернутся домой... 3 июня 1986 года было принято решение о бессрочной консервации Припяти.

Той же осенью началось строительство нового города для работников оставшихся трех блоков ЧАЭС. Его назвали Славутичем — по древнему имени Днепра. В 2000 году, после окончательного закрытия ЧАЭС, жители начали покидать и Славутич.

Аномальные выбросы, ставшие регулярными после апреля 1986 года и трансформировавшие Зону отчуждения, по-разному обошлись с атомградами. Славутич был просто стерт с лица Земли. Припять неведомая сила разделила на две части: одну утащила на юг, вторую на запад. Долгие годы доступ в город закрывали психотронные генераторы Радара. Немногие решались идти и через вторую часть Припяти, получившую название Лиманск — там сохранялась сумасшедшая аномальная активность. После того как Стрелок отключил психотронные генераторы на Радаре, а группировка «Монолит» была разгромлена, началась затяжная война за новые территории, за новые артефакты, за власть. Сталкеры стреляли на улицах города в мутантов и друг в друга. Использовалась тяжелая техника: бронетранспортеры, танки, оборудованные пулеметами бульдозеры. Горели на земле сбитые вертолеты. Выбраться из той мясорубки удалось немногим. Выжившие прочесали Припять с юга на север и с запада на восток, выдоили ее, как корову, многократно изнасиловали, как портовую шлюху, и бросили. Теперь сюда время от времени заходили вольные сталкеры в поисках свежих артефактов, но предпочитали не задерживаться. Пустые дома, брошенные машины, сгоревшая боевая техника, проржавевшие грибочки на детских площадках навевали меланхолию и мысли о бренности всего сущего. К тому же дома начали оседать, перекрытия проваливались, любая стена любого дома могла рухнуть в один момент без всякого аномального вмешательства — Припять с течением времени превращалась в сплошные руины, как после ковровой бомбардировки.

И вот теперь отряды «Долга» и «Свободы» вступали в многострадальный город. Прежде всего Роте направил сотню «долговцев» во главе с Ханкилдеевым на зачистку — необходимо было освободить Припять от обитающих здесь псевдособак и плотей. Заодно он хотел поднять дух своих бойцов, и это ему удалось в полной мере. Парни устроили веселую охоту на застигнутых врасплох тварей — «долговцев» радовало, что они наконец столкнулись с «нормальными» мутантами, которых пули убивают с первого раза.

Вторая, заметно поредевшая сотня занялась строительством баррикад и устройством огневых точек в наиболее сохранившихся зданиях. Давид не сомневался, что твари Стрелка не оставят их в покое. Кто бы ни скрывался под этим псевдонимом сейчас, когда-то он был человеком, а значит и рассуждать будет по-человечески, пользуясь проверенной тактикой.

«Что бы я сделал на его месте? — размышлял Роте. — Порадовался бы, что мои враги собрались в одном месте и как следует обложил бы их. Обошел бы с юга, с запада и севера. Возможно, напал бы с реки. Ночью».

Штаб разместили в Дворце культуры «Энергетик». Пока бойцы разворачивали узел связи и обустраивали склад боеприпасов, Роте решил посидеть в одиночестве и хотя бы в общих чертах спланировать дальнейший ход операции. Морщась от боли в ноге, генерал поднялся на второй этаж здания и кабинет почище — шкафы с документацией здесь были свалены в угол и сгнили до остова, но начальственный стол и кресло сохранились неплохо. По следам было видно, что сталкеры заходили сюда и пользовались кабинетом, чтобы переждать ночь. Хорошо хоть не нагадил никто.

Роте с облегчением уселся в кресло, раскрыл свою полевую сумку, достал и разложил на столе старую карту. Он, конечно, мог воспользоваться электронными картами «Длани», загружаемыми на личный ПДА, но маленький экран не позволял охватить взглядом территорию Зоны целиком, чем затруднял анализ, поэтому генерал предпочитал планировать операции как это делали его деды и прадеды, регулярно завоевывавшие Европу.

«Итак, сейчас самое главное — выставить посты с хорошей связью вокруг города и вдоль реки, — думал он. — И, пока еще солнце не зашло, послать отряд на трансформаторную подстанцию у Затона. Там архианомалия „Железный лес“, но она хорошо изучена, парни ее знают — обойдут. Пусть займут позицию на крыше подстанции, оттуда должен быть хороший обзор на проходы со стороны Лиманска. Кого пошлем?.. Варана, то бишь сотника Ханкилдеева. Это логично. Он „Свободу“ терпеть не может, особенно Гоголя, поэтому нечего ему здесь крутиться, напряжение лишнее создавать. Фрименов же пошлю город патрулировать. С этим они, надеюсь, справятся. А пока нужно хоть немного передохнуть. Силы нам еще пригодятся. Ночь будет решающей...»

Глава 9. Слякоть иль грязь — все равно!

1

Вернуться незамеченным Плюмбуму не удалось.

Едва он приблизился к лагерю, как увидел Тропника, идущему навстречу.

— Что случилось? — спросил Виктор поспешно, пытаясь предотвратить неизбежные расспросы: где, мол, был, что делал в костюме высшей защиты.

— Да как сказать... — Тропник усмехнулся. — В общем, пляши, сталкер, тебе письмо.

И протянул Плюмбуму его ПДА. Виктор вырвал компьютер из рук проводника и увидел мигающий сигнал вызова — от Алекса и Бори. Он поспешно отвернулся от Тропника и ткнул пальцем в экран.

— Привет, Виктор! — послышался из динамика голос Алекса. — Ты что не отвечал так долго?

— Я... да ничего... я спал, — быстро нашелся Виктор.

— Отдыхаем, значит? Понятно... Может, какие-то проблемы?

— А? Да нет! Были кое-какие трудности, но сейчас снова все хорошо.

Алекс недоверчиво хмыкнул, но выяснять подробности не стал.

— Рад за вас. А теперь слушай сюда. Мы потихоньку поднимаем «Длань», хотя военные глушат наши каналы по-взрослому. Но дело даже не в этом... За те два дня, пока «Длань» лежит, нам, само собой, насыпалась куча вызовов. И Боря по наитию решил просеять адреса с помощью своего дрессированного искина — на предмет поиска старых знакомых...

— И? — Плюмбум еще не понимал, куда Алекс клонит, но предчувствие у него появилось очень нехорошее.

— В общем за последние двое суток было четырнадцать вызовов с ПДА Алины Пыхало. И это не считая технических запросов системы.

— Запросы на «Длань»?! — Плюмбум не мог поверить услышанному. — Где? Где она была?

— Вчера в Предзоннике, в Толстом Лесу, сегодня утром — с западной стороны Внешнего Вала. По последним данным, находится где-то в районе Янтаря.

— Млять, — прошептал Плюмбум.

— Ты подожди, не паникуй, — Алекс заговорил быстро, сглатывая слова. — Это же только ее ПДА, а не она сама. Девушка могла приехать в Толстый Лес по своим интересам, там ее на вокзале облапошили, похитили компьютер. А сама она, может, уже и в Киев вернулась — сегодня утром из Толстого Леса как раз электричка пришла с эвакуированными.

— Млин, Боря, не морочь мне голову допущениями. Можете с ней связаться?

— Работаем над этим.

— Хорошо. А пока позвоните домой и на мобильный московский номер — я ей специально телефон-клипсу подарил, как раз на тот случай, если ПДА вдруг вытащат. Только она его постоянно дома забывает, растяпа... Сейчас сброшу номера...

— О'кей, будем искать. А ты не психуй, Виктор. ПДА в движении, посему кто бы его ни нес, он жив и здоров. Разберемся.

— Ладно. Еще новости есть?

— Пока нет. Но оставайся на связи, не пропадай. Напоминаю, что мы ждем от тебя контрольного звонка перед стартом.

— Будет тебе звонок, — буркнул Плюмбум.

Виктор прервал связь и сам набрал номер Алины. Однако клипса молчала — то ли спутниковая связь в Зоне еще не восстановилась, то ли дочь-разгильдяйка все-таки оставила запасной телефон дома. Плюмбум чертыхнулся. Ладно, не будем пороть горячку. Ноги ему еще не выдернули, а значит, Алину он найдет так или иначе... Виктор и сам не заметил, как принял версию Бори за главную, выбросив из головы любые другие опасные.

— Эй, друг, отдай машинку, — сказал вкрадчиво Тропник. — Покалякал и будет. Помнишь наш уговор?

— Иди ты, Ваня, на... художника учиться, — бросил ему Плюмбум, для придания весомости своим словам наводя ствол автомата на растерявшегося Тропника. — Мне минуту назад сказали, что моя дочка в Зону попала, а это значит, что мне плевать на уговоры. Попробуешь меня остановить, я тебе яйца оторву и на Саркофаг заброшу, так и знай.

Тропник в ужасе затряс головой — у Свинцова в свое время слава была соответствующая, и Иван был достаточно стар, чтобы успеть наслушаться баек про жесткого сталкера Плюмбума.

— Не... друг, ты так не серчай, — зачастил он. — Неужто я не понимаю? Дочка, все дела... Я не каменный изверг какой...

Но Виктор уже не слушал его испуганное тарыхтение — сталкер быстро шагал к лагерю, откуда почему-то доносились крики.

* * *

«Еще того не легче! — подумал Плюмбум, остановившись в аккурат за экскаватором „Hitachi“, именно там, где его было не видно, а он видел все. — Ну что у меня за жизнь такая... интересная?»

Ученые и рабочие испуганно жались к трейлерам. А у дороги, прямо перед ними, стояли трое людей с автоматами и в черных «долговских» комбинезонах «ПС-5М». Один из них — рослый, но сутулый — показался Плюмбуму знакомым. Виделись, вроде, но буквально пару раз, и сейчас Виктор никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах. А поэтому предпочел из-за экскаватора не высовываться.

— Кто у вас главный? — сурово спросил рослый пришелец. — Выходи, не бойся, не трону.

Все молчали, никто из членов экспедиции не подался вперед.

— Да выходи ты, сукин ты сын! — не выдержал рослый. — Не трать мое и свое время. Говорю тебе, не трону. А будешь в прятки играть, рассердиться могу. Некогда мне с вами возиться — зачищу всех к чертовой матери!

Вперед шагнул доцент Мышкин.

— Я заместитель начальника экспедиции, — сказал он громко и четко. — Мы сотрудники ФИАН — Физического института Академии Наук. И находимся здесь с разрешения правительства Украины и командования Международных сил сдерживания ЗАЯ. У нас есть все соответствующие документы.

«Ай да доцент! — возликовал мысленно Плюмбум. — Наш человек, академиком будешь!»

Рослому полужнакомцу ответ ученого тоже понравился.

— Ну вот, давно бы так-то. А то стесняется, как девственница, — сказал он добродушно, и двое его спутников ответили смешками.

— Итак, — продолжал полужнакомец, посерьезнев. — Что здесь делает ваша группа?

В этот момент Плюмбум наконец узнал рослого. Перед доцентом стоял Алмас Ханкилдеев — сотник Давида Роте. Вот те на! Откуда здесь патруль «Долга»? Обычно они не ходят к Саркофагу — лишние рентгены никому не нужны. Хотя, если вдуматься, вся идеология этого сталкерского клана зиждется на концепции радикальной изоляции Зоны от внешнего мира, а следовательно, любая попытка ученых раскопать нечто новое и принести в мир опасные артефакты, должна вызвать как минимум пристальное внимание со стороны «Долга», а то и сопротивление. Кто-то настучал Роте о планах «Норд Ривер», и тот решил взять экспедицию под свой контроль? А может, все еще проще — генерал прослышал, что Ким Райка вернулась в Зону, и хочет встретиться со старой подругой?..

— Мы исследуем сейсмическую активность горных пород, находящихся под Четвертым энергоблоком, — спокойно объяснил Мышкин. — Вы должны понимать, если здесь произойдут сдвиги коры и землетрясения...

— Дело доброе, я не спорю, — перебил доцента сотник. — Только вы, господа, выбрали для этого не самое подходящее время. В Зоне сейчас серьезная заваруха — начинается новая война. Поэтому предлагаю вам гостеприимство «Долга». Приглашаю отправиться с нами в Припять, где «Долг» обеспечит вам защиту.

— Это очень любезно с вашей стороны... — начал Мышкин.

— Отказа я не приму, — веско сказал Ханкилдеев.

Плюмбум услышал, как за спиной пыхтит Тропник.

— Тише, Ваня, — осадил Виктор его. — Если не хочешь к «Долгу» в гости, сиди тихо.

— Что я, чокнутый, что ли? — шепотом ответил Тропник. — Все же знают: в «Долг» придешь, из «Долга» уйдешь — все равно в долгу останешься.

2

Перед Алиной и Артуром расстилалось широкое озеро. Если бы не его темная даже в полдень вода, картину открывшуюся перед молодыми людьми можно было бы назвать красивой и умиротворяющей. Берег обрамляли густые камыши, в стороне от берега цвели огромные, размером с человеческую голову, желтые кувшинки.

— Есть в графском парке черный пруд... Там лилии цветуют, — дурачась пропел Артур.

— Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка теееменная была, — подхватила Алина. — Одна возлюбяемая пара... едва копыыыта унесла...

— Ну ты прямо Ахматова, — одобрил Артур творчество подруги. — Анна Андреевна. Алина сморщила нос.

— Не люблю ее, жеманная больно была. Это, надо думать, знаменитое озеро Янтарь?

— Ты просто завидуешь ее таланту и успеху. — Физик усмехнулся. — Конечно, Янтарь, что же еще?

— Я его почему-то по-другому представляла. Гнилая лужа, руины и скелеты по берегам, снорки в камышах, зомби...

— Это только в первые годы так было. С тех пор «Долг» здесь порядок навел. Обрати внимание. Видишь столбы с указателями? Так «долговцы» места стационарных аномалий помечают. Вон там «трамплин», вон там «карусель», еще один «трамплин»... С такими указателями здесь гулять можно, как по Арбату.

— Раз это Янтарь, тогда нам надо обходить его с юга. Там выйдем на дорогу и двинемся на север — к Мастерским «Долга». Те места я получше знаю... Так, давай посмотрим, что у нас на карте...

— А что, «Длань» заработала? — оживился Артур.

— Нет, просто я вывела старую карту. Она, конечно, уже не актуальна, но для наших целей сойдет. Так-так... на дорогу лучше сегодня не соваться. Жаль. Там молодые аномалии проявились, а вокруг сплошные «карусели» — намазано им, что ли?.. Без детекторов не пройдем — нечего и пробовать. А вот тут есть тропка, прямо по берегу озера — она, вроде, чистая. И это логично — на границе земли и воды ни одна приличная аномалия не удержится. Сколько тут? Пять километров. За час доберемся.

— В Зоне о времени не загадывают, — наставительно сказал Артур.

— Да ну тебя, не каркай. Тоже мне — яманал выискался! — Алина снова взглянула на экран ПДА. — Смотри-ка, сигнал пробивается! Ай, черт, опять пропало...

— Я думаю, это какая-то местная флюктуация, — предположил Артур. — Военные наверняка отрубили связь всерьез и надолго. Я бы на их месте именно так и поступил.

Алина с досадой толкнула его кулаком в плечо.

— Шагай уже, флюктуация!

Кто хоть раз в жизни ходил по болоту, тот знает, как это непросто. А тут еще и обувь. Разумеется, отправляясь из Киева в Толстый Лес, молодые люди не предполагали, что окажутся в Зоне, а поэтому поехали в ботиночках, которые мгновенно набрали воды и теперь хлюпали при продвижении вперед. Алина подумала, что если они не доберутся до Мастерских в ближайшие часы, не получат возможность согреться и выпить чего-нибудь крепкого для профилактики, завтра следует ожидать сильного насморка, кашля и высокой температуры.

Грязная одежда медленно высыхала на теле, покрываясь плотной коркой, с озера отчетливо несло гнилью, а комары и мошкара здесь были ничуть не добрее, чем по ту сторону Вала. Энтузиазм иссякал на глазах, и чтобы не заистерить на ровном месте, Алина тихонько запела, а Артур сразу подхватил:

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев — смелых бойцов.
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев — смелых бойцов.

Идти стало чуть легче — четкий ритм и бодрый мотив прибавляли сил.

Средь нас был юный барабанщик,
В атаках он шел впереди
С веселым другом — барабаном,
С огнем большевистским в груди.
С веселым другом — барабаном,
С огнем большевистским в груди!

— Ты откуда эту песню знаешь? — любопытствовала Алина.

- В школе учил. А ты?
- И я тоже. Урок такой был специальный: «Россия в мире».
- А у нас «Моя страна — Украина».
- Ясно. Ну, запевай.

Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но пулей вражеской сраженный,
Допеть до конца не успел.
Но пулей вражеской сраженный,
Допеть до конца не успел.
С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал
И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал.
И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан...

- Замолчи! — вдруг одернула спутника Алина, резко останавливаясь.
 - А что случилось?
 - Слушай! Камыши шуршат. А если там снарк? Или наш псих с мечом?
- Артур испуганно затих.

В стороне от заболоченной тропы действительно шуршали камыши да так, как будто по ним ломился медведь. Алина успела подумать, что это не похоже на их чрезмерно настойчивого преследователя — тот обычно двигался легко, даже с каким-то изяществом. Но если там снарк, все будет еще хуже. Девушка помнила, что эту агрессивную уродливую тварь, которая так и не научилась маскироваться под человека, остановить было очень трудно даже с помощью крупнокалиберного пулемета. Лишившись конечностей, прошитая насквозь, она все равно продолжала ползти к стрелку. Снарк числился среди опаснейших мутантов Зоны, и что могли ему противопоставить двое вымотанных людей без оружия?

Алина решила, что лучшей тактикой в данном случае будет ускориться, невзирая на последствия. Она схватила Артура за рукав и потянула его прочь с тропы.

— Что?.. — вскинулся физик.

— Молчи, пригнись, — зашептала девушка. — Иди за мной...

Теперь времени на то, чтобы выбирать путь, не было — молодые люди просто пошли по жиже, проваливаясь в нее порой по колено. Но все равно двигались слишком медленно — камышовый увалень также шел без пути, без дороги, пренебрегая всеми правилами безопасности, и явно их нагонял.

Наконец Алина остановилась.

— Нет, — сказала она. — Это бесполезно. Останемся здесь. Или он пройдет мимо, или встретим его лицом к лицу.

И снова Артур не нашел, что ей возразить.

— Достань «морского ежа», — посоветовал он. — Он при броске распадается на множество осколков, его можно использовать как гранату.

— Хорошо, — девушка вытащила «ежа», взвесила его на ладони и коротко выдохнула: — Ты готов?

— Готов.

Ждать пришлось недолго. Через полминуты они смогли различить между стеблями нечто темное и массивное, приближающееся к ним с громким треском. Вот камыши раздвинулись — из них вынырнул человек в камуфляжной форме с автоматом на груди. Он шагал тяжело, переваливаясь с ноги на ногу, будто был изрядно пьян. Его руки болтались, как плети, при каждом шаге. Капюшон камуфляжной куртки давно свалился на спину, и путешественники смогли рассмотреть лицо странного гостя — пустые, лишенные

выражения глаза, приоткрытый рот, полный гнилых зубов, струйку слюны, стекающую по подбородку. Перед молодыми людьми предстал зомби — один из древнейших обитателей Зоны. Эти бедолаги когда-то были людьми, но в них не осталось ничего человеческого после того, как психотронные генераторы Радара «выжгли» им мозги, оставив лишь одну программу — разрушение и каннибализм. В двенадцатом году, когда Стрелок отключил Радар, зомби стали большой редкостью, но их все равно иногда можно было встретить в самых неожиданных местах, поскольку в Зоне естественным путем сформировались новые «выжигатели мозгов» — стационарные архианомалии типа «рубца». Хотя три из них были давно и точно локализованы, сталкеры периодически все же попадали под психотронный удар, и на аномальных территориях появлялся очередной монстр.

Увидев молодых людей, зомби остановился и с кривой улыбкой мертвеца вскинул автомат. Алина и Артур бросились врассыпную, как зайцы. Однако вслед им раздался только сухой щелчок — автомат был давно разряжен.

Артур не пробежал и пяти метров, как его нога соскользнула с кочки, и он по грудь провалился в густую и чавкающую болотную жижу. К счастью, физик успел раскинуть руки и застыл, тем самым избежав быстрого погружения. Но судя по пузырям, которые поднимались снизу, лопаясь у самого носа, и по той ощутимой силе, которая тянула Артура вниз, долго это продолжаться не могло.

Алина между тем времени не теряла. Отскочив в сторону, она прицелилась как следует, и когда зомби все с той же дурацкой улыбкой на лице бросился за ней, швырнула «морского ежа» ему под ноги. «Еж», как и предсказал Артур, разлетелся на множество мелких осколков, одновременно пронзивших тело зомби в десятке мест. Живой человек тут же завыл бы от боли, но зомби только покачнулся, припал на одно колено и, восстановив равновесие, неуклюже поднялся на ноги и снова двинулся к девушке.

— Млять! — закричала Алина. — Смотри куда прешь, бацег!

В глазах у девушки потемнело, она побежала прямо на зомби, в шаг от него подпрыгнула и ударила пятками по коленям чудовища. Тот грузно рухнул на спину, но сразу зашевелился. И тогда Алина, сумевшая удержаться на ногах, выхватила автомат из покрытых мерзкой слизью рук и ударила зомби плечевым упором по голове. И колотила до тех пор, пока не пробила давно прогнивший череп и не воткнула свое оружие в мозг. Оттуда ударила такая волна зловония, что Алина невольно отшатнулась, выпустив импровизированное орудие. Зомби дернулся несколько раз и затих.

Отдышавшись, девушка огляделась и, увидев в каком отчаянном положении находится Артур, бросилась к нему, упала на землю, протянула руки.

— Ничего! Ничего! Не бойся! Я тебя сейчас вытащу...

— Автомат возьми, — посоветовал Артур и провалился в трясину по горло.

— Да, конечно, да...

Алина вернулась к зомби, выдернула плечевой упор из головы мертвеца и побежала назад. Подала автомат — Артур тут же ухватился за него. Затем девушка осторожно потянула, напряглась, привстала на колени и с восторгом почувствовала, что трясина отпускает.

— Ну вот! — зашептала она. — Вот видишь, у нас все получается...

Лицо Артура посерело и вмиг осунулось.

— Алина! — простонал он. — Там что-то есть... что-то живое... это оно толкает меня...

— Что ты говоришь?

— Что-то скользкое... большое... как будто плавает...

— Не бойся! Я тяну!

Девушка снова напрягла все мышцы, но внезапно Артур вскрикнул, и его резко дернуло вниз, словно трясина не хотела отдавать свою жертву. Но Алина не ослабила хватку.

— Врешь, тварь, не возьмешь! — прохрипела она сквозь стиснутые зубы. — Не получишь ты его!

— А-а-а! — заорал Артур, тараща глаза.

Этот последний крик обреченного придавал девушке сил, она дернула еще раз и вытащила приятеля из лап болота. Левая штанина Артура была разорвана, из его голени хлестала кровь. Следом за физиком из ямы высунулся молодой Припять-крокодил и уставился на Алину, словно собираясь загипнотизировать ее. Но девушка, поднатужившись, подхватила Артура и потащила его туда, где среди камышей виднелся просвет. К счастью, крокодил не мог их преследовать: у него в отличие от «нормальных собратьев» вместо лап были лишь рудиментарные отростки.

Алина и Артур, топая и ломая камыши не хуже зомби, вывалились на дорогу.

— Давай «кровь камня», — простонал физик.

Самое удивительное, что за всей этой суматохой Алина умудрилась не потерять сумку — какой-то частью сознания девушка постоянно следила за ней. Лечебный артефакт был сейчас как нельзя кстати. Алина быстро расстегнула молнию, достала «кровь камня», освободила его от упаковки и приложила артефакт к ране. Тот с шипением запузырился, всосался и через минуту следы от зубов крокодила уже затянулись молодой кожей.

— Уф! — Алина рукавом вытерла грязь со лба. — Ну как? Жить будешь?

— Разве могу я пропустить такое шоу! — подбородок у Артура дорожал, зуб не попадал на зуб, и улыбка получилась уродливой, почти как у зомби. — Это было... круто!

Помолчав немного, молодой физик добавил:

— Ты была крута.

Алина усмехнулась.

— Да неужели?

Но Артур остался серьезным:

— Неужели нет. Ты вообще крута. Разве ты этого не знаешь?

— Ну... — Алина опустила глаза. — Немного догадываюсь.

— Это хорошо. Никогда не забывай об этом.

Он неловко обнял девушку за плечи, притянул к себе. Она ответила на его поцелуй. Потом оба смутились, словно поняли, что нарушили какое-то негласное соглашение, и разжали объятия.

— Попробуй идти, — попросила Алина. — Нам до Мастерских осталось всего ничего. Хорошо бы успеть до темноты.

3

Невероятно, но юному сталкеру и в самом деле удалось уснуть.

Внизу, под вышкой, возились монстры, каких еще не видела Зона, а Никита Грач спал, как младенец, обняв моток веревки вместо подушки. Взбравшись на вышку, он первым делом обрубил топором и свалил лестницу, так что теперь мутантам, если бы они захотели добраться до него, пришлось бы либо забираться по гладким столбам на высоту пяти метров, либо строить внизу пирамиду из тел. Ни того, ни другого уроды делать не стали — у них нашлись задачи поважнее, чем гимнастические упражнения на караульной вышке. На это Никита и рассчитывал. Он помолился за то, чтобы «долговцы» успешно отбили атаку и приехали сюда за ним, а потом и сам не заметил, как уснул.

Ночью он несколько раз просыпался, прислушивался к звукам, доносившимся снизу, но, не услышав ничего подозрительного, снова засыпал. Когда Грач в очередной раз открыл глаза, бледное солнце стояло уже высоко. Внизу, насколько хватало глаз, было пусто. Ни следа монстров, но и ни следа спасательной экспедиции. После ночи на досках спина болела, и Никита с наслаждением потянулся.

— У меня есть для тебя две новости, — сказал он самому себе. — Хорошая и плохая. Хорошая — все бяки-буки ушли. Плохая — выбираться, похоже, придется самому. Впрочем, торопиться тебе тоже некуда.

Сталкер выпил воды, съел банку тушенки. Еще раз внимательно осмотрел окрестности. И, не заметив ровным счетом ничего подозрительного, закрепил веревку и начал спускаться.

Глава 10. Но плохо за часами наблюдали счастливые...

1

— Что тут происходит?

Виктор едва не подпрыгнул на месте от неожиданности. Они с Тропником все еще отсиживались за экскаватором, дожидаясь, когда Ханкилдеев с «долговцами» отконвоируют членов экспедиции «Норд Ривер» на достаточное расстояние, и совсем забыли о Ким. Впрочем, сегодня многие в Зоне стали забывчивы. Плюмбум ожидал, что сотник обыщет лагерь и уже приготовился к длительным переговорам, даже придумал, чем сможет выкупить свою свободу у Роте — но Ханкилдеев пренебрег всеми элементарными предосторожностями и просто погнал ученых в Припять. Похоже, он спешил и считал, что патрулирование местности важнее обыска лагеря ученых. А это в свою очередь наводило на мысль, что «долговцы» в кои-то веки столкнулись с сильным врагом и теперь всерьез озабочены, опасаясь нового нападения.

Но кто этот враг?.. И не с ним ли связаны падение «Длани» и введение военными плана «Карантин»? Вопрос оставался открытым.

— Что происходит, Виктор? — Ким так разволновалась, что вновь утратила акцент. — Где наши люди?

Глаза шведки покраснели, на ее лице все еще были грязные разводы от слез, но выглядела она такой рассерженной и решительной, что Плюмбум не рискнул предложить ей носовой платок.

Тропник тихонько отодвинулся. Было ясно, что перспектива объясняться со свирепой профессоршей его совсем не привлекает.

— Их взял в плен патруль, — объяснил Плюмбум. — Полагаю, это были «долговцы».

— «Долговцы»? Абсурд! Это не их зона интересов.

— Полагаю, им лучше знать, где их зона интересов. Со слов патруля я понял, что на аномальных территориях начинается новая война. Что подозрительно совпадает с введением карантина военными. Похоже, грядет большой передел. Можно сказать, «долговцы» сделали нам одолжение, обеспечив защиту членам экспедиции.

— Но мы еще не закончили работу здесь!

— Сожалею, но очевидно, что закончили. Сейсмическая активность подождет. Насколько я понял, «Долг» обосновался в Припяти. Советую вам присоединиться к ним.

— Но это... это невозможно...

— Думаю, если вы хорошо взвесите свои шансы, то вы поймете, что это самый лучший выход.

— А вы?

— У меня, как я уже вам докладывал, срочные дела на юге. Могу немного проводить вас. Но дальше вы пойдете с Тропником, а я — своей дорогой.

— Но оборудование? Мы так и бросим его здесь?

— Есть более интересные предложения?

«Иди ты к своему немцу, крошка, — подумал Плюмбум. — Он будет рад. И слезки вытрет, и молодость вспомнить поможет. А мне тобой больше недосуг заниматься».

Кажется, его внушение достигло сознания Ким. А может, ее собственный здравый смысл подсказал верное решение.

— Ну хорошо, — сказала она. — Сейчас я иду в Припять. Но мы должны будем сюда вернуться.

«Это уж как вам будет угодно, дамочка, — ответил ей Плюмбум мысленно. — Но только без меня».

Идти по дороге все же было гораздо легче, чем по болоту, а поля аномалий, которых прежде опасалась Алина, после встречи с зомби и Припять-крокодилом казались сущей ерундой. Тем более что Артур продемонстрировал класс — прихрамывая, шел чуть впереди и периодически разбрасывал болты, выявляя одну молодую «карусель» за другой. И впрямь сталкер-яманал! А местоположение старых аномалий было помечено «долговцами», заботливо расставившими указатели и предупреждающие знаки.

Не прошло часа, как молодые люди заметили впереди здания Мастерских. Они ускорили шаг, вдохновленные увиденным — ведь еще совсем немного, и они будут если не среди друзей, то по крайней мере среди людей, которые накормят и защитят. И Артур, и Алина уже донельзя устали от своего «автономного плаванья», даром что оно проходило относительно благополучно. Оба прекрасно понимали, что пока им по большому счету везло, и что это везение не будет длиться вечно.

Однако чем ближе они подходили, тем сильнее росла их неуверенность. День уже подходил к концу, но солнце еще светило, и рядом с Мастерскими должны были находиться люди. Однако не было никого. Над зданиями висела гнетущая тишина, и территория казалась совершенно необитаемой.

Наконец Алина и Артур приблизились к импровизированному блокпосту — к стенке из мешков с песком, за которыми был установлен танковый двухствольный пулемет. На блокпосту было пусто, и это внушало тревогу. Притихшие молодые люди, крадучись, вошли на территорию Мастерских. Подойдя к одному из ближайших кирпичных домиков, над крышей которого возвышался большой бак, они осторожно заглянули в окно, потом в приоткрытую дверь.

— Есть кто-нибудь? — осторожно спросила Алина.

Ответа не последовало.

— Заходим? — спросила девушка у Артура.

Тот пожал плечами.

— А что остается?

Молодые люди зашли в дом. Им открылась странная картина: на накрытом клеенкой столе в центре комнаты расположились тарелки, чайник, стаканы, лежал окорок в пластиковой упаковке, рядом с ним — нож и нетронутая буханка хлеба. В стороне, на табурете, была разложена деревянная шахматная доска с незаконченной партией.

Артур притронулся к чайнику.

— Холодный, — сказал он с зачарованным видом.

Стулья были отодвинуты от стола. Покрывало на одной из кроватей, стоящих вдоль стен, смято. На вешалках не было одежды, на полу — обуви. Словом все выглядело так, словно люди собрались перекусить, но потом внезапно встали и покинули помещение.

Артур щелкнул переключателем, но лампочка, висевшая над столом, не засветилась.

— Похоже, перегорела, — предположил молодой человек. — Хотя... она же светодиодная. Наверное, пробки вылетели.

Алина бросилась к столу, вскрыла упаковку окорока, понюхала:

— Свежий! Налетай!

— Подожди ты! Сначала нужно тут все осмотреть. Люди не могли уйти просто так.

— Ты осматривай, если хочешь. А я умираю от голода.

И она, отрезав лежавшим тут же ножом огромный сочный кусок мяса, аппетитно зачавкала. Артур колебался ровно секунду, прежде чем присоединиться к ней.

Утолив голод, молодые люди принялись осматривать помещение. Нигде им не удалось найти ни намека на то, куда делись «долговцы», еще недавно жившие здесь. На газовой плитке стояла сковородка с жареной картошкой — приготовлена, судя по виду, совсем недавно. Кладовая была забита ящиками с провизией, упаковками с чаем, растворимым кофе, галетами. В другой кладовой обнаружился душ, только вода из крана шла холодная — очевидно, электронагреватель вырубился вместе со светом. В шкафу лежало чистое

постельное белье, полотенца, рубахи, штаны. В кухонном шкафчике Алина нашла свечи и спички. Артур зажег свечу, открыл крышку на распределительном щите и осмотрел пробки.

— Странно, все в порядке. Все-таки тока нет.

Алина нахмурилась.

— Насколько я помню, у Роте была собственная электростанция на железнодорожной платформе. И вспомогательные дизель-генераторы. Если ток вырубился, значит, что-то случилось на самой Базе «Долга»... Ладно, мы можем переночевать и здесь — забаррикадируем дверь, опустим жалюзи. Будем сидеть тихо. А с утра пойдем на Базу — узнаем, что там стряслось. — Она набрала в чайник воды из-под крана, включила плитку. — Поможешь мне вымыться?

У Артура, несмотря на тревожность ситуации, мгновенно пересохло в горле.

— Помогу тебе... что? — еле выговорил он, сглотнув комок.

— Воду на волосы польешь. Иначе не промыть будет, там такая корка налипла. А потом я тебе...

— А... конечно, конечно.

Они зашли в душевую. Алина скинула грязную одежду, оставшись в трусиках и майке, взяла кусок мыла, залезла с коленями на стул, свесила голову над душевым поддоном.

— Ну... давай!

Артур налил в кастрюлю горячей и холодной воды, потрогал пальцем, размешал.

— Лью.

У корней ее волосы были светлее, чем у кончиков, и от этого у Артура сжималось сердце. Алина безжалостно терла голову куском хозяйственного мыла, взбила на волосах крепкую пену.

— Теперь смывай.

Молодой физик поливал ее голову нежно и осторожно, и один раз осмелился прикоснуться к шелковистым волосам:

— Вот тут еще мыло.

— Спасибо.

Алина обмотала голову полотенцем на манер тюрбана.

— Буду теперь хозяйственным мылом пахнуть.

Артур осмелился сострить:

— Ничего, тебе пойдет. Сразу будет видно: хорошая хозяйка.

Алина хмыкнула:

— Вообще-то плохая. Ладно, набери еще воды и можешь идти, потом я тебя позову.

Пока она мылась, Артур перестилал кровати и разогревал приготовленный прежними хозяевами барака ужин, прислушиваясь к плеску воды за стеной, чертыханиям и тихим постанываниям Алины — несмотря на походные условия, она явно наслаждалась купанием. Потом он тоже помылся, и они переоделись в чистую одежду, поужинали при свечах, запивая жареную картошку и окорок горячим сладким чаем. Потом Алина собрала посуду со стола, составила в мойку и включила воду.

— Ты мыть ее собралась? — удивился Артур. — В холодной воде? Мы же завтра уходим.

— Ну и что? Все равно не по-людски как-то будет: вломились, сожрали, что нашли, оставили свинарник.

— А говоришь, плохая хозяйка. — Артур посмеялся. — Ладно, ложись, я помою.

— Ты точно этого хочешь?

— Ты мне жизнь сегодня спасла. Могу я сделать для тебя хоть такую малость?

— Ладно, — Алина не стала больше спорить, скользнула под одеяло. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Артур помыл посуду — чего он никогда не делал дома и очень редко в общежитии, предпочитая одноразовые тарелки. Алина уже уснула. Молодой физик задул свечу, но

прежде чем раздеться и лечь, постоял немного у ее кровати, послушал глубокое ровное дыхание.

— Спокойной ночи, дорогая, — шепнул он.

3

Казалось, Зона вымерла. Только ветер качал голые ветви деревьев, да хорошо знакомые Никите аномалии парили над самой землей. Временами из набегавших на солнце облаков начинал накрапывать дождь, но потом облако относилось в сторону и дождь прекращался.

Хотя пейзаж казался сугубо мирным, Никита ловил себя на том, что чем дальше он идет, тем страшнее ему становится. Почти так же страшно, как в те часы, когда он сидел на вышке, а внизу чередой проходили адские твари. И что самое удивительное, Никите это странным вовсе не казалось — словно его мозг немного повредился от пережитых потрясений.

А может быть, все было проще: на вышке опасность была прямо перед ним, то есть под ним, он мог видеть ее, наблюдать за ней, оценить, насколько она близка к нему. Теперь же его больше всего пугало как раз то, что вокруг не было ничего пугающего. Ведь если ты не видишь врага, он может застать тебя врасплох.

Поэтому, а может просто потому, что устал и соскучился по человеческой компании, увидев вдали знакомый бронетранспортер, Никита бросился к нему со всех ног, забыв сталкерские правила. Но, пробежав метров сто, перешел на шаг. Ему не понравилось, что машина не двигается. Он, конечно, был очень рад, что генерал Роте не забыл о его просьбе и прислал помощь, и даже мог понять, почему он сделал это не сразу и «долговцы» еще не успели добраться до Свалки, но... почему они остановились в дороге? Или, вернее сказать, что их остановило?

Никиту прошиб холодный пот. Он упал на землю и пополз к БТР по-пластунски, сам толком не понимая, от чего прячется. Однако дополз без происшествий — ничто не двинулось на холмах, не грянул гром, не выскочил из-за машины новый жуткий мутант. Никита поднялся на ноги, потом вспрыгнул на броню и оцепенел — люки с бронетранспортера были сорваны, а внутри, в креслах, сидели два обезглавленных тела.

Глава 11. Торопили время, понукали крикливые...

1

По уму, нужно было переночевать в лагере и только потом выдвигаться на юг. Но Плюмбум уже понял, что ситуация в Зоне вышла из-под контроля, и от нового утра ничего хорошего ждать не приходится. Поэтому он решил выйти прямо сейчас, чтобы до заката отыграть хотя бы несколько километров. Ким и Тропник спорить не стали — понимали, что бесполезно.

Они быстро собрали рюкзаки и зашагали к холмам. По пути Виктор снова связался с Алексом и Борей:

— Как там Алина?

— Алину мы пока не нашли. Но носитель ПДА обходит Янтарь с юга. Если это она, то с ней все в порядке.

— Млин! Надеюсь, это все-таки не она. Поговорить с... э-э-э... носителем ПДА можете?

— Пока нет. Вояки заглушили Базу, Янтарь и «Росток» в первую очередь. И глушат до сих пор. Зато скоро сбросим тебе на ПДА новую карту. Она не идеальна, но какую смогли на коленке состряпать, такую и вышлем...

— Хм, а когда это ваши карты были идеальными? Я чего-то такого и не припомню.

— Тебе просто не везло.

- Плохому танцору... Ладно, это все не важно. Жду вашу карту. До связи.
— До связи.

Плюмбум вел свою небольшую группу к Затону. Когда-то здесь было оживленное место. Сюда трансформирующие силы Зоны стащили старые суда, ржавевшие в речном порту Чернобыля. И когда закончилась война за Припять, место облюбовали вольные сталкеры и бандиты. В сухогрузе «Скадовск» появилось нечто вроде гостиницы с баром, рынком, мастерскими и даже с рулеткой. Сухогруз на многие годы стал прибежищем для тех, кому было заказано появляться на Базе. Понятно, что здесь ошивались исключительные подонки, и долго эта вольница просуществовать не могла. Бандиты и наемники прессовали вольных, и им это сходило с рук, но однажды случайно подрезали «шишку» — то ли миллионера, который хотел острых ощущений и допрыгался, то ли генерала-миротворца, прибывшего на Затон инкогнито. В итоге в одну прекрасную ночь на Затоне высадился десант военсталов и устроил кровавую баню, не разбирая, так сказать, ни эллина, ни иудея. А в «Скадовск» заложили тротил, и на этом история базы вольных сталкеров завершилась.

На повороте к Затону Плюмбум собирался расстаться с Райкой и Тропником. Но, как всегда, в планы вмешалась Зона. По дороге Ким вдруг охнула и остановилась.

— Что опять? — спросил Плюмбум недовольно.

— Я, кажется, опять слышу, — сказала Ким, поднимая руки и потирая виски.

— Кого?

— Там! Это там! — Райка вытянула руку в сторону холма, поросшего невысоким кустарником.

Виктор вытащил бинокль, взглянул и увидел, как по склону указанного холма мелькнула какая-то тень. Он повел биноклем вслед за ней и успел заметить показавшуюся на секунду отвратительную морду с длинной зубастой пастью и маленькими свинячьими глазами. Потом морда скрылась, и еще через какое-то время тварь показалась целиком — длинное тело на кривых ногах, серо-зеленоватая шерсть, пушистый собачий хвост, короткие уши.

— Это еще что за дрянь? — удивился Плюмбум. — Никогда таких не видел.

— Зато сейчас увидите больше, чем достаточно, — отозвалась шведка. — Взгляните вон туда, на двенадцать часов.

Виктор глянул и обнаружил в низине левее холма не менее двенадцати таких же существ, крутившихся вокруг гигантской обезьяны с голым черепом вместо головы.

— А вот это я уже видел... — задумчиво протянул он, но тут же прикусил язык: нельзя было выдавать посторонним тайну путешествия по субпространствам.

Но у Ким, к сожалению, были отличный слух и отличная реакция.

— Где вы это видели, Виктор?

— Давно... Один раз... Мельком.

Ким вздохнула.

— Вы совсем не умеете врать, Виктор, — укоризненно сказала она. — Между прочим, нам сейчас предстоит встретиться с новым врагом. Поэтому вы обязаны сообщить нам все, что вам известно. От этого может зависеть наша жизнь. И, как следствие, жизнь вашей дочери.

Плюмбум опустил бинокль и спросил с резкостью:

— С чего вы решили, что от моих знаний зависит жизнь дочери? Что вы знаете о моей дочери?

— Многое, Виктор. Не нужно считать меня круглой душой. Вы навели справки обо мне. Я навела справки о вас. И знаю, что полгода назад вы ходили в Зону спасать научную экспедицию ФИАН, в которой участвовала Алина Пыхало. Именно эту девушку вы считаете своей биологической дочерью, не так ли?

— Ничего я не считаю! Она моя дочь, ясно? — Плюмбум готов был закипеть от возмущения. — Но кто вам сказал, что Алина сегодня нуждается в помощи?

— Я умею слушать, слышать и делать умозаключения. Виктор, неужели вы и впрямь думаете, что некто украл у вашей дочери ПДА и тут же отправился с ним в Зону? Примите правду, какой бы горькой она ни была! Судя по досье, ваша дочь та еще непоседа... в хорошем смысле... Один раз уже сорвалась, не спросив у родителей разрешения. Что ей могло помешать сорваться во второй раз?.. И вот представьте, она там одна — среди мутантов и оголодавших мужиков, среди аномалий...

Плюмбум сжал левую кисть в кулак так, что ему самому стало больно. В висках застучало. Но сталкер тут же отвесил себе мысленную затрещину.

Ну не дурак ли ты?! Ким Райка — опытный психолог, специально тебя заводит, чтобы поменять мотивацию, подчинить... Стерва!

— Вас проблемы моей дочери не касаются, — сказал Виктор сухо. — Это наше семейное дело.

— Вам, конечно, виднее. — Шведка покивала. — Но в любом случае, Виктор, вы идете в команду и должны показывать, что доверяете нам. Тогда мы будем доверять вам.

— Еще советы будут, мамочка?

— Не знаю, сынок. Зависит от того, как будешь себя вести. Ну так что? Скажете, чего нам ждать от этой обезьяны?

Виктор пожал плечами. На самом деле даже если он расскажет всю правду, она вряд ли поможет им в столкновении с чудовищами из субпространств. Плюмбум прекрасно помнил, как две экспедиции палили из всех стволов по таким же обезьянам, но этим монстрам стрельба в упор не причинила ни малейшего вреда. Оставалось надеяться, что в нормальном мире твари уязвимы так же, как и все прочие. Поэтому Виктор сказал только полуправду:

— Мы попали в пространственный карман. Знаете, что такое? Складка в пространстве-времени...

— Наслышана, — коротко отозвалась Ким. — Продолжайте.

— Там мы встретили этих чудовищных обезьян. Но они оказались неуязвимы для пуль. Нам пришлось бежать...

— Значит, нам не стоит связываться с этими чудовищами?

— Думаю, что не стоит.

— Вот видите, Виктор, — наставительно сказала шведка, — как легко и приятно говорить правду. Взаимное доверие — это очень важно. Я предлагаю вернуться назад, к энергоблоку.

— Поддерживаю! — тут же сказал притихший Тропник. — Солнце скоро сядет. Если не уберемся до заката, нам точно кранты... И про дочку не забудь, Плюмбум!

— Пошел ты! — огрызнулся Виктор.

Глянул еще раз в бинокль — просто на всякий случай, для очистки совести — и потерял дар речи. Холмы шевелились. Все пространство было покрыто страхолюдными монстрами, которые, разбившись на маленькие стаи, двигались на юго-восток — к Припяти. Во главе каждой стаи была обезьяна, ее сопровождали три-четыре крокодилопса и еще три-четыре гигантских паука с рачьими клешнями и хвостом. Опять старые знакомцы — два таких ракопаука преследовали вездеход с учеными в субпространстве Изумрудной Башни.

Плюмбум вспомнил, что когда «подключился» с помощью кольца-артефакта к комплексу, названному учеными Стоунхенджем, то к нему сразу пришло знание: и ракопауки, и обезьяны созданы в субпространствах, являются побочным продуктом, воплощением фантазий тех, кто проходит через транспортную систему альтов с кольцом. Обезьян породил Сашка Пыхало — он первым рискнул «подключиться», но не смог справиться с темной стороной своей натуры. Кто-то породил ракопауков, кто-то — крокодилопсов. Существовать эти порождения фантазии могли только там же — в субпространствах. Как они оказались здесь? Кто привел их в реальность Зоны? Ответ может быть только один — альты. Получается, альты начали действовать, не дожидаясь, когда Плюмбум проникнет в их мир, а Алекс с Борей выработают меры противодействия... Что ж, это умно. Чертовски умно! Над миром альтов нависла угроза — их тайна стала известна аборигенам. Больше того, аборигены завладели кольцом и почти уже научились управлять

субпространствами. Тут любые меры хороши. Например, взять и зачистить Зону. Убрать отсюда всех лишних и, может быть, возродить О-Сознание, построить Монолит, включить Радар, вернуть ситуацию в нулевые...

«Какие все-таки уроды! — ожесточенно подумал Виктор. — Что вам здесь надо, сволочи? Мало вам крови? Мало боли? Мало изломанных судеб и искалеченных душ? Вы только похожи на людей, а на самом деле вы шморки — звери, прикидывающиеся людьми... Алекс считает вас игроками. Дескать, походы в Зону для вас — игра, развлечение. Каким же черным вырожденком надо быть, чтобы получать удовольствие от чужой боли и смерти?..»

Плюмбум нутром чувствовал, что все эти рассуждения бесплодны. Он может сколько угодно проклинать альтов, но его проклятия не изменят ситуацию ни на йоту. Он должен сделать главное — любой ценой проникнуть в их мир и узнать, как уничтожить систему субпространств, породившую Зону. И он сделает это, но позже — когда путь освободится.

— Сейчас мы никуда не идем, — сказал Виктор вслух. — На холмах полно мутантов. Но они все движутся по главной дороге на Припять. Мы подождем темноты и попробуем обойти их с запада. Если будем осторожны, то думаю, прорвемся.

— Вы все еще собираетесь разделиться?

— Да, но только после встречи с Давидом Роте. Я собираюсь выяснить, что происходит в этой чертовой Зоне, а потом наведу на Янтарь... Теперь вы мне доверяете? Я был предельно откровенен...

Ким победно улыбнулась.

— Теперь доверяю, — сказала она.

Виктор улыбнулся в ответ. В чем-то она несомненно права. Доверие — это очень важно. «Отмычки» должны доверять сталкеру...

Тронулись в путь в сумерках. Пока забирали к западу, совсем стемнело, и Виктор приказал надеть приборы ночного видения. К сожалению, в них хорошо были видны только «жарки» и «электры» — остальные приходилось выявлять гаечками. Поэтому продвигались рывками с вынужденными остановками.

Вот и сейчас они застряли у небольшой ложбинки. Где-то впереди, судя по писку детектора «Сварог», притаился новорожденный и голодный «трамплин», но «Длань» не могла точно обозначить аномалию, ей не хватало данных. Обходить по бровкам Виктору тоже не хотелось — возрастает риск попасться на глаза врагу.

Сняв перчатки, Плюмбум долго согревал гайки в руке, потом разбросал полдюжины в разные стороны, пока одна из них не подскочила и не закружилась в воздухе. Виктор наблюдал в прибор ночного видения за бледно-зеленым танцующим светляком. На то, чтобы очертить границы аномалии, ушло еще пять гаек. Затем Плюмбум бросил шестую и велел Тропнику:

— Иван, давай потихоньку — восемь шагов на два часа.

Тропник хмыкнул — давненько он не ходил в «отмычках» — потом бросил на всякий случай один болт из собственного комплекта и медленно двинулся вперед. И только Плюмбум собрался вздохнуть с облегчением, как увидел, что Иван возвращается, причем почему-то пятится спиной вперед. Ким еле успела уклониться от столкновения.

— Что такое? — спросил Плюмбум раздраженно. — Ты что творишь, чайник?

Впрочем, объяснение такому странному поведению проводника нашлось быстро. Следом за Тропником из ложины показались три крокодилопса.

Ким выстрелила первой. Секунду спустя застрочил и автомат Виктора. Один из псов с воем упал на землю и забился в судорогах. Два других ретировались в темноту, но далеко не ушли — в окуляр инфракрасного прибора Плюмбум видел, как на границе восприятия снуют бледно-зеленые подвижные тени, и с каждой секундой их становилось все больше. Вляпались! Затем в отдалении возник еще один силуэт — двуногий и прямоходящий, но в два человеческих роста высотой. Ким поменяла магазин у автомата, отбросив опустевший. Плюмбум вытащил из разгрузки гранату и рванул чеку. Тропник тихо молился.

Из тьмы вынырнула гигантская обезьяна и, не обращая внимания на выстрелы Ким, молниеносно схватила Виктора за кисть, вывернула ему руку, так, что сталкер выпустил гранату.

Ким вскрикнула. Тропник упал на землю, закрывая голову руками.

Обезьяна небрежно поддела гранату ногой и зашвырнула ее подальше в темноту. Взрыв оглушил людей, но не причинил им ни малейшего вреда. Чудовище, не выпуская руку Плюмбума, легким точным движением закинула сталкера себе за спину, как куклу и, повернувшись широченной спиной к оставшимся двоим, зашагала прочь.

Давно уже Плюмбум не чувствовал себя так паршиво. Проклятая тварь воняла, как мокрый пес и мокрый козел одновременно. Виктор едва не задохнулся, пытался отвернуть лицо и гадал, от чего его стошнит скорее — от запаха или от качки, которая у кого угодно вызвала бы морскую болезнь. Кроме того, в шерсти мутанта резвились какие-то паразиты, и, похоже, они были не прочь отведать новый деликатес.

Короче, когда обезьяна наконец сгрузила его на землю, Плюмбум был уверен, что как бы дальше ни сложилось, хуже уже не будет. Он отряхнулся, провел рукой по загривку под шлемом, вычесывая паразитов, и только тогда осмотрелся.

Обезьяна притащила его на заброшенный хутор. Вдали смутно белела хатка. У покосившегося плетня был разложен костер, на вертеле жарился кабаньей окорок. Рядом с костром сидел сталкер в элитном экзоскелете и внимательно наблюдал за Плюмбумом. Заметив, что пленник успокоился, он провернул окорок над огнем и сказал:

— Здравствуй, брат сталкер. Я тот, кого называют Стрелком.

Обезьяна шумно вздохнула и утопала во тьму.

— Привет, давно не виделись, — Плюмбум не знал, какой тон будет правильным в этой опасной беседе, а потому начал изображать дурачка.

Он присел у огня, достал из контейнера стандартизованную «душу», приложил к руке, которая отчаянно болела после контакта с обезьяной. Подождал, когда боль утихнет, и спрятал артефакт.

Стрелок молча отрезал от окорока кусок сочащегося жиром и скворчащего мяса и, протянув его насаженным на нож Виктору, спросил:

— Водку пить будешь?

— Буду, — согласился Виктор.

— Ну вот и хорошо, брат сталкер, — усмехнулся Стрелок.

Достал из лежащего рядом рюкзака бутылку водки, стакан, открыл, налил, подал. Плюмбум выпил залпом, не поморщившись, и закусил мясом. Принялся энергично жевать. Мясо горчило, что не удивительно — Припять-кабан, мать его за ногу. Хотя о сталкерском меню ходят разные нелепые байки, на самом деле аборигены Зоны мясо мутантов в пищу не употребляют. Оно противно на вкус, и с гарантией потом будешь брюхом мучаться. И если не подохнешь, то на всю жизнь запомнишь и другим накажешь.

Стрелок терпеливо ждал, когда Плюмбум дожует и проглотит, после чего снова заговорил:

— Завтра, брат сталкер, мы пойдем в Припять. Там засели «Долг» и «Свобода». Ты будешь вести переговоры.

— «Долг» объединился со «Свободой»? — Плюмбум даже поперхнулся. — Крепко же ты их достал!

Стрелок пожал плечами — экзоскелет гипертрофированно воспроизвел движение.

— Ничего странного. Я велел им убираться из Зоны. Вместо этого они объединились. Завтра ты снова попробуешь их убедить.

Плюмбум рассмеялся.

— Ты сделал самый неудачный выбор, какой только мог, брат Стрелок. Меня одинаково ненавидят и «Долг», и «Свобода».

— Это не имеет значения, — сказал Стрелок равнодушно. — Ты будешь под моей защитой. Время людей в Зоне прошло. Хозяева желают очистить ее. Поэтому выбор прост: или люди уйдут, или люди умрут. Третьего не дано.

— Хозяева Зоны? — пользуясь случаем, Плюмбум решил выудить из легендарного Стрелка как можно больше информации. — Болотный Доктор, Скульптор, Потрошитель, Семяцкий и... — Неожиданно на самой границе сознания забрезжило странное воспоминание. — И еще этот... Как его?.. Парень у реки...

Стрелок покачал головой.

— Нет, настоящие Хозяева Зоны. Те, кто ее создал. Они...

Он не успел договорить. Грохнул выстрел, и легендарный Стрелок ткнулся лицом в костер. Запах паленого волоса смешался с запахом окорока.

Из темноты вынырнула Ким, в отставленной руке она держала «ЗИГ-Зауэр».

— Добро пожаловать! — приветствовал женщину Плюмбум, его голос даже не дрогнул.

События сменяли друг друга с такой калейдоскопической быстротой, что Виктор ощутил даже некое отрешение от происходящего. И перестал удивляться. Он спокойно встал, вытащил тело из огня, бросил его на землю. Человеку, называвшему себя Стрелком, снесло полчерепа. Лицо обгорело до костей.

И тут в пляшущем свете костра Плюмбум увидел, что глаза Стрелка широко открылись.

— Млять! Ким, он еще жив!

— Отлично! — профессорша склонилась над поверженным сталкером.

Плюмбум отшатнулся, решив, что лучше не вставать на пути разъяренной валькирии.

— Ты убил мою мать, ублюдок! — четко выговаривая слова, произнесла Ким. — А теперь гори в аду.

Она приложила дуло пистолета ко лбу сталкера и спустила курок. Пуля пробила череп насквозь, выхватив огромный кусок мозжечка. Невероятно, но даже после «контрольного» выстрела Стрелок был еще жив.

— Я вернусь, — прошептал он. — Вы ничего не можете с этим сделать. И я не могу...

Загадочный сталкер наконец-то смежил веки и затих.

— Давай, Ким, сматываемся! — Плюмбум схватил шведку за руку и оглянулся. — Ага, прячемся сюда!

Он заскочил в хатку, затащил туда Райку и хлопнул дверью. Внутри царили грязь и запустение. В углах были навалены кучи мусора, по стенам поднималась плесень. Запах, стоявший в хатке, не вызывал никаких сомнений в том, для чего ее использовали проходившие мимо сталкеры.

— Может, эти твари разбегутся, увидев, что ты грохнула их предводителя? — понадеялся Плюмбум. — Но будем держать в уме наихудший сценарий. Кстати, спасибо за помощь! Успела как раз вовремя.

— Не думай, что ради тебя, — сказала Ким, придвигая к дверям разваливающийся стол. — У меня с этим мерзавцем старые счеты.

— А как же доверие? — Плюмбум осторожно выглянул в окно, в котором каким-то чудом уцелели стекла.

— Доверие тут ни при чем. Разные вещи.

— Ладно, договорились. Где Тропник?

— Не пошел со мной. Сбежал.

— Пускай бежит. Как говорится, баба с возу, кобыле легче.

— Шовинист. Что там видно?

— Собаченьки кружат... Мясо чуют собаченьки... Ага, а вот и Кинг-Конг пожаловал.

В стену домика словно ударил тяжелый чугунный молот.

«Черт дери! — подумал Виктор. — Похоже, мы сами загнали себя в ловушку».

— Оружие? — требовательно спросил он.

- Только пистолет, — ответила Ким, показывая ему «ЗИГ-Зауэр». — И ножи, конечно.
— Плохо дело. Кинг-Конга этим не возьмешь.
— Смотрите, Виктор, что это?

Ким показала ему черно-белую фотографию — двое в шлюпке на озере. Плюмбум сразу понял, что удивило профессоршу — среди общей грязи и хлама фотокарточка выглядела подозрительно чистой — глянцевая, белая с изнанки, будто только что из закрепителя. Явная аномалия!

Однако Виктор все еще думал, что они зря теряют время, пока не перевернул фото и не увидел надпись синими чернилами: «На память Леночке от Антона. Правое — навалились! Левое — табань!»

Плюмбум застыл. Совсем недавно он уже слышал подобную фразу. «Левое — табань!» Именно это сказал ему неизвестный абонент, позвонивший в Киеве. Какова вероятность, что бессмысленная фраза случайно всплыла несколько дней спустя? Никакой. А значит, фото попало сюда неслучайно, и тот абонент вовсе не ошибся номером.

Возможно, при других обстоятельствах Плюмбум менее охотно поверил бы в чудо, но когда в стену дома колотится огромная обезьяна, а вокруг бегают крокодилопсы — это очень помогает вере. Но в самой фотографии ничего особенного нет. Просто парочка решила покататься по озеру. Значит, должно быть что-то особенное в обстоятельствах, при которых ее нашли.

- Где она лежала, Ким? — быстро спросил он. — Где вы ее взяли?
— Прямо вот тут, на полу.
— Ага.

Плюмбум сдвинул ногой остатки полусгнившего половика, включил нашлемный фонарь и увидел металлическое кольцо, торчащее из пола. Нагнулся, дернул за него и откинул крышку, закрывающую вход в подвал.

- Ким, мы спасены! Лезем туда!

2

На рассвете Алина разбудила Артура:

- Поднимайся, соня. Я уже рюкзаки собрала.
— Рюкзаки? — Физик потянулся, хрустнув суставами. — Какие рюкзаки?
— Наши, — с улыбкой сообщила Алина. — Ты в походы ходил когда-нибудь?
— Ходил, — признался Артур со вздохом. — Но безуспешно.

Эту полушутливую фразу он услышал как-то в интервью известного барда, и с тех пор мечтал этак лихо и словно бы невзначай ввернуть в разговор. Мечта сбылась, что называется, в полном объеме, одно было плохо — Алина не обратила на его остроумие ни малейшего внимания.

— Ну и ладно, — отозвалась она невпопад. — Лучше посмотри и подумай, все ли я собрала, что нам может понадобиться.

Артур сел и увидел на полу перед собой два увесистых рюкзака. Домовитая Алина умудрилась обшарить весь дом и действительно натащила массу полезных вещей: тушенку, хлеб, бутылки с водой, банки энергетика, аптечки, складные ножи, запасное белье, теплые свитера, дозиметры, приборы ночного видения. Венчали всю эту груду два черных «долговских» бронежилета.

Артур вздохнул. Вчера ему показалось, что они близки друг к другу, близки к объяснению, близки к счастью. Но сегодня, едва он открыл глаза, стало ясно: волшебная ночь закончилась, наступили будни, снова надо идти, прятаться, спешить, сражаться за жизнь. Снова надо делать вид, что он может относиться к Алине просто по-товарищески.

- Гитару забыла, — наконец нашелся он.

Алина хмыкнула. Эту остроту она услышала и оценила.

— Что самое смешное, гитара здесь и правда есть — в кладовке висит. Если жаждешь, прихватим.

— Да зачем мне? Я и играть-то не умею. А оружия нет?
— Нет нигде. Похоже, с собой забрали. Я только вот что нашла, — она показала на две саперные лопатки привязанные к рюкзакам. — Вроде, острые.
— Угу, пригодятся. То есть, тьфу, надеюсь, что не пригодятся, но все-таки на всякий пожарный случай...
— Да ладно, все я поняла. Откуда ты только суеверий этих нахватался? А еще ученый. Физик! Короче, давай завтракать и двинули.
Они перекусили жаренной ветчиной с хлебом, после чего Алина упрямо вымыла посуду. Артур примерил рюкзак и крикнул.
— А ты потянешь? — спросил он с тревогой. — Может, переложим часть вещей в мой? Но Алина спокойно ответила:
— Разумеется, потяну. Я и не набивала бы столько, если бы почувствовала, что для меня слишком тяжело.
Артур вздохнул — трудно любить самостоятельную девушку.

3

Напрягаясь из последних сил, Никита Грач ухватил мертвого водителя под мышки и перетащил его на заднее сиденье. Второй мертвец так и остался сидеть в своем кресле — Никита решил, что сможет какое-то время выдерживать соседство с ним.

Пожалуй, даже хорошо, что у трупов нет голов — так их невозможно было узнать. И легче было думать о них не как о людях, а как об увесистых кусках плоти, с которыми нужно что-то делать. Похоронить их сейчас Никита не мог: не было времени и нечем копать могилу. Но и просто бросать их без погребения не хотелось — это было как-то не по-долговски.

Подумав, Никита отвез их к ближайшему оврагу, свалил трупы на дно и забросал ветками.

«Доложусь на Базе, — решил он. — Генерал пришлет отряд и похоронит наших людски».

Тут Грач неожиданно сообразил, что давно бы мог связаться с Базой — в любом бронетранспортере есть передатчик. Протянул руку и... отдернул ее. Что если ему никто не ответит? Что ему тогда делать?

Потом сказал себе: «Не трусь!» — и все-таки включил радиостанцию. Из динамиков донеслось только потрескивание помех. Никита прогнал весь диапазон, но позывных так и не услышал.

«Это просто связь вырубилась, — утешал он себя, заводя двигатель. — Все дело в связи. Представляю себе, как наши сейчас матерятся».

Глава 12. Без причины время убивали ленивые...

1

В погребе было темно — как в погребе. Но благодаря нашлаемым фонарям комбинезонов «Сева» Плюмбум и Ким без труда осветили маленькое помещение, заваленное смердящими мешками. Над головами тем временем раздался страшный треск, затем — звон бьющегося стекла и глухие тяжелые шаги. Обезьяна вломилась в хатку. Ким и Плюмбум замерли, глядя друг на друга. Монстр походил кругами, попыхтел, потом затих — то ли ушел, то ли сел в засаде.

— Что теперь? — тихо спросила Ким.
— Э-э-э... а почему я должен решать?
— Вы сталкер. И именно вы меня сюда заманили.
— Отсюда должен быть выход, — сказал Плюмбум уверенно.

- Да. Вот он. — Ким указала на люк над их головами.
- Нет. Еще один выход.
- Почему вы так думаете?
- Иначе он... Он не стал бы посылать нас сюда.
- Кто этот он?
- Не знаю. Давайте просто поищем выход.

Морщась от вони, они начали переворачивать мешки и действительно в углу у дальней стены обнаружили узкий лаз.

- Вот видите! — ликующим шепотом сказал Плюмбум. — Я же говорил.
- Теперь мне еще интереснее стало. Кто же вам помогает?
- Давайте сначала выберемся отсюда, а потом я попробую рассказать, — пообещал Плюмбум, сам пока не зная толком, что он собирается поведать. — Возможно, у вас получится пролить свет на тайну...

С того самого момента, когда ныне покойный Стрелок заговорил о Хозяевах Зоны, Плюмбума преследовало какое-то смутное чувство. Словно он что-то забыл. Что-то важное. Многочисленные легенды о Хозяевах Зоны Виктор почти не подвергал сомнению — слишком часто мелькали они тут и там, слишком часто вмешивались в дела людей, чтобы оставаться лишь мифическими фигурами. Разумеется, легенды надо делить на тридцать, и влияние Хозяев на происходящие в Зоне процессы сильно преувеличено, но в остальном почему бы и нет? Человек так устроен — ему важно найти кого-то, кто за все отвечает. Мысль о том, что мир развивается сам по себе, без управления, для него нестерпима. Так что, если бы Хозяев Зоны не было, их стоило бы придумать просто для порядка. С другой стороны, за последние сутки Виктор побывал в зале О-Сознания и даже пил водку с легендарным Стрелком. Так что, возможно, пора отбросить свой скептицизм... Но что же все-таки было такое, связанное с Хозяевами Зоны, что он успешно забыл? Плюмбум мучался, но преодолеть внутреннее сопротивление памяти не мог. Он решил пока отбросить мысль об этом.

- Идем? — спросил сталкер профессоршу, указывая на лаз.
- Ким сморщила нос.

— Не нравится мне этот крысиный лаз. Говорят, такие бюреры прокладывают. Да собственно больше и некому — у ваших коллег терпения не хватит вырыть канаву длиной больше двух метров... Но выбора у нас все равно нет. Идем!

И она первой нырнула в проход.

Бюреры его проложили или нет, но лаз был очень узкий, идти приходилось, согнувшись в три погибели, и чуть ли не на корточках. Очень скоро путешественники оставили попытки сохранить человеческое достоинство и поползли.

Постепенно проход расширился, и запахи, долетавшие из него, усиливались. К аромату гниющих отходов, преследовавшему путешественников с начала пути, присоединился запах еще один — кислый и острый, который Плюмбум долго не мог опознать, пока Ким не пробормотала: «Тут воняет, как в благотворительной больнице для бедных». Только тогда Плюмбум понял, что это за запах — так пахнет потное грязное тело. Так пахнут привокзальные бомжи. Так зачастую пахнут сталкеры.

— Доставайте пистолет, — приказал он Ким. — И приготовьтесь стрелять. По-моему, мы приближаемся к гнезду.

Ким кивнула, приостановилась, вытащила «ЗИГ-Зауэр» из кобуры, щелкнула предохранителем. Метров через сто она вывалилась в просторное помещение. Следом за ней из лаза прыгнул Плюмбум. Лучи их фонарей скрестились на смутно белеющей куче в углу, и путешественники увидели, что она состоит из маленьких голых человечков, которые, противно пища, ползали друг по другу, перемазанные грязью и экскрементами. Отвратительное зрелище не выдержал даже луженый желудок Плюмбума, легко переваривавший все «деликатесы» бара «Сто рентген». А может, все дело было в мясе

Припать-кабана, которым его угостил Стрелок... Так или иначе, но Плюмбум, содрогаясь от желудочных спазмов, наклонился вперед, и его вырвало на земляной пол.

— Стреляйте же! — потребовал Плюмбум, отдышавшись. — Чего вы ждете?

— Зачем? — удивилась Ким. — Это же малыши, они безопасны. Сейчас ночь, старшие снаружи, на охоте. Если нам повезет, мы успеем проскочить до того, как они вернутся. Лучше ищите, куда нам идти дальше.

Плюмбум с облегчением отвернулся от копошившихся бюерчиков и принялся осматривать стены. Отсюда вело множество ходов во всех направлениях. Виктор искал какую-нибудь подсказку вроде той фотографии — даже походил и осмотрел стены вблизи, тщательно отслеживая тени от бугорков и трещин — вдруг сложатся в некий знак или текст. Но ничего не обнаружил.

— Я не знаю, — сказал он разочарованно. — Нет идей.

— Понятно, значит, здесь мы можем выбрать сами. — Ким осталась невозмутимой. — Где там ваша Алина?

Плюмбум поморщился, но ответил:

— В районе Базы «Долга». Бывшей Базы, если верить Ханкилдееву.

— О'кей. — Ким вдруг закружилась на месте, потом замерла и ткнула пальцем в один из проходов. — Тогда двигаем сюда, на юг.

И снова они пробирались по узким коридорам, сверху сыпался песок, кое-где приходилось ползти по-пластунски. Один раз Плюмбуму показалось, что кто-то схватил его за ногу, и сталкер с трудом удержался от крика, но выяснилось, что он просто зацепился за корень.

— Виктор, проход постепенно сворачивает к западу, — сообщила Ким.

Получалось, профессорша взяла на себя функции компаса. Но Плюмбум-то знал, что в Зоне любые компасы — ненужный хлам. Может быть, ее пси-способности позволяют точно ориентироваться в пространстве? Если это так, шведка — просто незаменимый спутник сталкера! И слишком ценный, чтобы быть простой «отмычкой».

— Проход сворачивает к западу, — повторил Плюмбум. — Вас понял.

Райка оглянулась.

— Что будем делать?

— А мы что-то можем с этим поделать? Продолжаем движение. На первом перекрестке свернем.

Но перекресток им так и не встретился...

2

Как ни храбрилась Алина, а рюкзаки сильно замедлили передвижение. Однако облегчить их молодые люди даже не подумали — им уже стало ясно, что в путешествии по аномальным территориям многое может пригодиться.

Артур продолжал периодически разбрасывать болты, выявляя молодые аномалии, а в паузах между этим занятием развлекал Алину рассказом о том, как блуждал здесь полгода назад в компании ее родителей, Виктора Свинцова и еще пары крутых сталкеров. Тогда до Базы «Долга» их подбросили на миниатюрных летательных аппаратах сталкеры Алекс Гроза и Боря Молния, так что они добрались практически без проблем, если, конечно, не считать проблемами риск быть расстрелянными орудиями Периметра, убиться при жесткой посадке или сгореть, когда одна из машин задела «жарку». Зато путь от Базы до Свалки вылился в серьезный «квест» — им пришлось сражаться сначала с кабаном, потом с псевдогигантом, а потом и с могучим контролером.

— Твоя мама нас тогда спасла, — сообщил Артур девушке. — Храбрая женщина. Она тобой гордилась бы, если бы видела сейчас...

— Она меня убила бы, — буркнула Алина, но было видно, что слова спутника ей приятны.

Выйдя на прямую трассу, ведущую к Базе, молодые люди остановились, чтобы передохнуть. Скинули рюкзаки на асфальт, выпили воды из пластиковой бутылки, помахали руками, разгоняя кровь. Алина помассировала себе ноющие плечи.

— Были бы мы в нормальном лесу, я бы насторожилась, — сказала она Артуру.

— А что такое? — удивился тот.

— Если все звери попрятались, значит, в округе бродит крупный хищник. Не знаю, работает ли это правило в Зоне.

— Я тоже не знаю, — сказал Артур. — Ладно, мы уже почти у цели. Эти места мне знакомы. Там дальше оборудованный блокпост «Долга». Еще около километра. Дойдем легко...

— А вот они, похоже, так и не дошли... — грустно сказала Алина.

В стороне от дороги, на холме, ветер трепан какие-то бурые лоскутки. Молодые люди сразу догадались, что там находится, но понимали, что надо сходить и увидеть все собственными глазами.

Артур разбросал несколько болтов, исследуя окрестности холма, но не обнаружил аномалий. Поднявшись по склону, путешественники снова остановились. Перед ними лежали пять тел в разорванных сталкерских комбинезонах. Трупы были обглоданы буквально до костей, все мягкие ткани лица съедены — так что опознать погибших невозможно.

— Ты тоже думаешь, что это мужики из Мастерских? — тихо спросила Алина.

— Да, — согласился Артур. — Наверное, их срочно вызвали на Базу. Они собрались и пошли...

— На них напали, — сказала Алина, хотя это был очевидный вывод. — Мутанты. Ни одна аномалия не оставляет таких повреждений. Их съели заживо.

Артур зябко передернул плечами.

— Ну что?.. — спросил он неуверенно. — Мы все же идем на Базу?

Алина грустно усмехнулась.

— А у нас есть выбор? Пойдем... По крайней мере чем дальше мы уходим от нашего психа с мечом, тем спокойнее.

— Главное, — сказал Артур, — у нас теперь есть оружие.

Бочком, отводя нос в сторону, он шагнул к телам, наклонился и подхватил из травы автомат, потом еще один, передал Алине. Та деловито отщелкнула и проверила магазины.

— Здесь пусто... Они отстреливались.

Тогда Артур присел над ближайшим трупом «долговца» и, морщась, начал расстегивать карманы боевой разгрузки. Повозившись, перешел к следующему. В итоге физику удалось добыть шесть полных магазинов. Два из них молодые люди тут же вставили в автоматы, передернули затворы, досылая патрон в ствол. Оставшиеся рассовали по карманам рюкзака Артура — ради запасных магазинов пришлось пожертвовать тушенкой.

Закончив с оружием, путешественники спустились на дорогу.

— Когда подойдем к Базе и увидим людей, ты не забудь автомат опустить, — посоветовал Артур. — Здесь, знаешь, какие нравы?.. Синдром вестерна. Сначала стреляют, потом разбираются...

— Хоть бы там остался кто живой, — произнесла Алина устало.

Однако ее надежда быстро растаяла. Вместо Базы, благоустроенной подчиненными Давида Роте: с аккуратными газончиками, отремонтированными зданиями, фонтаном перед штабом и абстракционистской статуей, сваренной из металлических полос — они увидели перед собой слабо дымящиеся руины, почерневшие от копоти фасады, воронки от взрывов, обгоревшую технику, кучи мусора, россыпи гильз. Казалось, из земли вынырнул огромный червь, проглотил Базу, пожевал и, выплюнув остатки, ушел обратно в землю. Или, наоборот, с неба обрушился огромный кулак, размолотил здания, машины и людей в труху.

Алина и Артур долго стояли у блокпоста, не веря своим глазам.

— Что же это было? — прошептала девушка. — Что тут могло произойти?

— Нападение, — ответил Артур. — На них напали. Видишь? Вон там и там пробит забор. И проволока порвана.

— Но где нападавшие? Должны быть трупы... Много трупов...

— Не знаю. Ничего не могу сказать.

— Ладно! — Алина тряхнула головой. — Там дальше справа здания почти не повреждены. Пойдем, посмотрим — может, что-то пойдем...

Уцелевшим зданием оказался большой ангар. Над обитой цинком дверью, ведущей внутрь, алела надпись «АРЕНА». На самой двери висел плакат — новенький, яркий, приметный, будто только что из принтера: «Сегодня на Арене! Поединок мрачных порождений Зоны! Трехлетний кровосос ДОКТОР ОКТОПУС против любимицы публики — пятилетней химеры ФРИСКЕ! Кто победит в смертельной схватке? Станьте очевидцем этого беспрецедентного события! Количество входных билетов ограничено!» В правом нижнем углу плаката была хорошо различима корявая приписка карандашом: «Фриске уже не та».

— Они не ждали нападения, — тихо сказала Алина. — Они собирались развлекаться, когда... когда это случилось... Последний день Помпеи...

Артур собирался сказать ей что-нибудь ободряющее, но тут из воронки за их спинами послышался шорох — камни осыпались, как будто кто-то карабкался по внутреннему склону. Причем этот кто-то был заметно массивнее нормального человека.

Артур и Алина переглянулись и, не тратя лишних слов, перевели автоматы в режим стрельбы очередями. Кто бы ни вылез из воронки, не было никаких причин встречать его с распростертыми объятиями.

Сначала над краем показались две огромные черно-красные клешни и несколько секунд плясали в воздухе, напоминая чудовищные тюльпаны. Потом выкатилось толстое паучье тело на восьми тонких ножках, за ним тащился длинный скорпионий хвост.

Алина в оцепенении пыталась вспомнить, боится она пауков, раков или скорпионов. Потом поняла, что это глупо — такую тварь в любом случае надо бояться. Артур, не мешкая, вскинул автомат и застрочил. Пока он пристреливался, половина пуль легла мимо цели, а те, которые все же попали в ракапаука, отскочили от толстых хитиновых щитков. Алина не стала дожидаться, когда тварь очухается и с шипением бросится на них, а распахнула дверь Арены и крикнула физику:

— Отступаем!

Они быстро вбежали в ангар, захлопнули за собой дверь и тут же отскочили — стена зашаталась от страшного удара. К счастью, паук был слишком глуп, чтобы справиться с дверью, отрывающейся наружу — он просто лупил по ней, только плотнее вбивая ее в косяк. Однако не было никаких сомнений, что при своей массе и энтузиазме он довольно быстро выломает дверь, а то и обрушит стену, поэтому Артур и Алина побежали дальше, в глубь ангара.

Миновав проходное помещение, они попали в большой темный зал, заставленный пустыми ящиками и остовами старых «разутых» машин. На этот раз хаос был рукотворным — мусор и хлам навалили сами сталкеры, чтобы создать лабиринт и сделать бои на Арене еще интереснее. Молодые люди забрались поглубже и затаились в надежде, что ракапук не станет искать их здесь. Обоим одновременно пришло в голову, что их «волшебный мешочек» уже пуст, и у них не осталось артефактов, ускоряющих регенерацию. А значит, если тварь доберется до них — дела плохи.

Ракапук тем временем деловито разносил дверь ангара, работая клешнями, как ножницами по металлу. Алина и Артур слышали скрежет и треск, и в животах у них холодело.

Наконец мутант прорвался в переходник. Узкий коридор на время задержал его, но все же твари удалось как-то протиснуться. Попад в зал, паук принялся ворошить и разбрасывать кучи мусора клешнями, словно ребенок, разрушающий чужие куличики в песочнице. При этом он то шипел, то начинал чирикать, как воробей. Звуки, издаваемые монстром, давали прекрасный ориентир. И когда ракапук опасно приблизился, молодые люди перебежали в другой закуток Арены и затаились там. Все это живо напомнило Алине старинную

компьютерную игру «Мумия», где персонажу нужно было перехитрить страшную мумию, запутать ее в лабиринте, а самому выбраться наружу. В начальных классах школы Алина обожала тайком на уроках играть в «Мумию». И теперь, кажется, поняла, что им нужно сделать.

— Пробираемся к выходу, — шепнула она Артуру.

Однако паук оказался сообразительнее компьютерной мумии и рванул наперерез. Неожиданно молодые люди оказались зажаты в углу, а паук наступал на них, радостно щелкая клешнями. На этот раз и Алине пришлось высадить в тварь обойму. Ее пули, выпущенные с близкого расстояния, оказались удачливее — две пробили хитиновые пластины панциря, одна перешибла сустав лапы. Нормальное животное давно бросилось бы наутек, но мутанты почти никогда не отступают — ракопаук только зашипел громче и, припадая на перебитую лапу, двинулся на молодых людей.

Те, спасаясь от клешней, полезли на кучу из старого рваного тряпья. Монстр не последовал за ними — вместо этого он встал на четыре задние лапы, а передней, вооруженной острым когтем, едва не дотянулся до Алины. Девушка успела отскочить в последний момент, но потеряла равновесие и скатилась на пол.

Артур с криком бросился за ней, проскользнул под паука и, выхватив саперную лопатку, принялся колотить в брюхо твари. Однако, этот маневр оказался бесполезным. Брюхо было покрыто такой же толстой броней, как и все тело. Монстр вообще не обратил никакого внимания на Артура, а вместо этого отступил назад и снова погнался за Алиной, которая успела встать на ноги и забраться на кучу тряпья.

Артур, которого безразличие ракопаука взбесило ничуть не меньше, чем опасность, угрожающая Алине, вскочил и с проклятиями ударил тварь лопаткой в том месте, где одна из ног соединялась с панцирем. Ракопаук снова не обратил на юношу никакого внимания, и Артур в остервенении бил, бил и бил в одно и то же место, пока наконец нога паука не отлетела с сухим хрустом. Ракопаук зашатался, зачирикал как-то жалобно, но снова устоял — шесть ног служили ему ничуть не хуже, чем восемь.

Артур в отчаянии лупил по телу твари, мутант тянулся к Алине, девушка с трудом уворачивалась от клешней, пытаясь спрятаться за тряпьем, и казалось, что еще немного и путешествие по Зоне неминуемо закончится. И в эту секунду темная тень ринулась откуда-то сверху на паука, подмяла его под себя, и они вместе покатались по проходу, круша штабеля ящиков и мусорные горы. Артур отлетел в сторону и крепко приложился головой о тракторную рессору.

Алина, оцепенев от ужаса, наблюдала, как неведомый спаситель сражается с пауком. Честно говоря, «спаситель» внушал ей чуть ли не больший страх, чем нападавший. В полумраке, где источником света были только узкие вентиляционные прорезы под самой крышей ангара, она толком не могла рассмотреть нового участника смертельной игры — видела только большую и по-кошачьи изящную тень, которая скользила, словно струйка воды, вокруг своего противника. Вот она ухватила паука за ногу и потащила его прочь от неподвижно лежащего Артура. Девушка на мгновение увидела пятнистую усатую голову, скорее принадлежавшую гиене, чем кошке, и два длинных белоснежных клыка.

«Это же химера! — поняла Алина. — Наверное, та самая пятилетняя Фриске! Давай, моя девочка, рви его, никому не верь. Ты — лучшая!»

Даже острейшие зубы и мощные челюсти химеры не смогли сразу справиться с хитиновым панцирем, защищавшим паука. Но Фриске была настойчива, она вгрызалась все глубже, и вскоре Алина увидела, как химера торжествующе вскинула голову, сжимая в пасти отгрызенную паучью ногу, словно собака, играющая с костью. Монстр зачирикал еще пронзительнее и зашатался, ему трудно было устоять на пяти ногах.

Алина скатилась вниз и подбежала к Артуру. Тот слабо застонал и схватил ее за руку. Жив! И даже, кажется, в сознании, только оглушен.

— Давай! — она обняла его за плечи, побуждая встать. — Давай! Нам нужно выбираться!

Артур пробормотал что-то неразборчивое, но на ноги поднялся. Алина повела его к выходу, искренне надеясь, что Фриске сможет задержать паука подольше. Подобрать и перезарядить автоматы времени уже не оставалось.

Выбраться из ангара оказалось непросто — паук разбросал весь мусор по арене, и Алина с Артуром пару раз падали, спотыкаясь о куски арматуры. Наконец они увидели впереди яркий дневной свет. Перед выходом паук навалил целую грудку обломков, и молодым людям пришлось взбираться по ней, как заправским альпинистам. Артур все еще двигался медленно и плохо соображал. Алине пришлось подсказывать ему, куда поставить ногу, за что ухватиться рукой. Добравшись почти до выхода, она оглянулась назад и похолодела — из коридора на нее смотрели четыре зеленых глаза химеры.

— Артур, давай, соберись, — зашептала девушка. — Там внизу Фриске, и она не прочь с нами поиграть.

— Фриске уже не та... — пробормотал Артур.

— Фриске уже эта, — отозвалась Алина. — Не тормози!

То ли Фриске действительно была уже не та, то ли маленькие человечки, лазавшие среди мусора, забавляли ее, но она не стала преследовать путешественников и позволила им выбраться из ангара. Но едва те вышли на свежий воздух, как химера выскользнула вслед за ними и как ни в чем не бывало уселась в десяти шагах. Главная голова нервно скалила зубы и тихонько рычала, но сама химера не двигалась с места. Маленькая вторая головка на ее левом плече умильно облизывалась, словно предвкушала вкусный обед.

Артур сжал руками голову и опустился на землю, волосы на его затылке слиплись от крови. Алина заметила неподалеку свой рюкзак — в отличие от физика она сбросила его при входе в ангар. Очень осторожно девушка сделала шаг по направлению к рюкзаку, потом другой. Химера, вроде, не возражала. Тогда Алина осмелела — добралась до рюкзака, стараясь ступать все так же медленно и спокойно, взяла его за лямку, накинула на плечо. И только тут заметила, что Фриске тоже поднялась со своего места и тихо «заструилась» по направлению к Артуру. Алина почти против воли залюбовалась ее грацией — движения у мутанта были мягкие, словно шелест листьев под ветром, и одновременно девушка видела, как двигаются под кожей стальные мускулы. Алина, замирая от страха, достала из рюкзака лежащий сверху свитер и бросила его в химеру. Тварь от неожиданности осела на задние лапы, потом отступила и вернулась на свое место.

— Вот так! Хорошая девочка!

Алина подошла к Артуру, достала из рюкзака автомобильную аптечку и принялась обрабатывать рану, искоса наблюдая за химерой. Тварь вернулась на свое место, легла и так же краем глаза наблюдала за людьми, временами тихо взрываясь.

Внезапно Фриске привстала, навестила уши и повернулась мордами к степи. Через некоторое время и Алина услышала грохот — словно к Базе приближалась тяжелая машина. Еще минута-другая, и из-за ближайшего разрушенного здания выехал бронетранспортер. Не доезжая метров ста до места, где сидели Алина, Артур и химера, машина остановилась, мотор смолк. Водитель, одетый в «долговский» защитный комбинезон, высунулся из люка и дал по химере очередь из автомата. Вернее, по тому месту, где только что была химера. Пули еще только вылетали из ствола, а Фриске уже скользнула в сторону, презрительно малой головой ощерилась и побежала по улице Базы на север, смешно раскачиваясь на ходу.

Водитель вылез на броню, прыгнул и пешком направился к путешественникам. Алина увидела совсем молодое лицо — он был не старше их с Артуром.

— Эй, вы кто такие? — крикнул водитель. — И где все?

3

Целую ночь они ждали нового штурма, но враг медлил. Посты докладывали, что на прилегающих территориях все спокойно, не видно ни огней, ни перемещений. Под утро Давид Роте расслабился и заснул, а проснулся от пронзительного сигнала рации. Быстро

взглянул на часы — полдень! Вот разоспался, старый хрыч! А парни, разумеется, не захотели будить генерала.

— Слушаю!

— Господин генерал, грачи прилетели!

— Что?!

Временами, особенно спросонок, Роте казалось, что он разучился понимать русский язык, и каждый раз его окатывало холодом.

— Вернее, грач. Никита Грач со Свалки прикатил. И еще друзей с собой привел.

— Никита? Сам выбрался? Молодец парень! Давайте его сюда. А что за друзья?

— Да, говорит, подобрал двоих на развалинах Базы. Девушка уверяет, что бывала здесь раньше. Говорит, что она Алина Пыхало, и что вы знаете ее приятеля Виктора Свинцова.

— Плюмбума? Он тоже приехал?

— Нет, второй — не Плюмбум. Артур какой-то. Тоже, говорит, бывал здесь с Плюмбумом. Только разве всех гостей упомнишь?

— Понятно. Давай их в штаб, разберемся.

Давид быстро умылся холодной водой, потом с неодобрением посмотрел в зеркальце на свою отросшую щетину и взялся за бритву.

Пока брился, неожиданно вспомнил сон, который видел несколько минут назад, перед пробуждением. Это был сон из прошлого — из тех времен, когда он бродил по Зоне один, выслеживал «монолитовцев», пытаясь добраться до О-Сознания. Там была старая штольня с узкоколейкой, где жил кровосос и тысячи крыс. Давид снова сражался с кровососом, прятался от него за стоявшими на путях вагонами, но кровосос все же проламывался через гнилое дерево и хватал Давида щупальцем за шею. Еж — брат сталкер, позже оказавшийся врагом — кричал: «Отпусти его, гребаная сука!». Кровосос крутился на месте, отбиваясь от крыс щупальцами, а те в ужасе впивались в него зубами, вырывая куски мяса. Мумия машиниста скалилась из кресла дрезины. Давид видел перед собой приближающуюся пасть монстра. Он хотел позвать на помощь, но не мог даже закричать, не мог пошевелиться. И в тот момент, когда Давид уже простился с жизнью, он неожиданно почувствовал, как смертоносная хватка разжимается, и он падает на пол прямо на труп кровососа. Давид отполз в сторону, поднял голову и увидел Ким — юную и прекрасную, в ореоле белокурых волос, с дымящимся пистолетом в руках.

«Всегда стреляй им в затылок! — сказала Ким-из-сна, улыбаясь Давиду. — Там их уязвимое место».

Давид тряхнул головой и быстро смыл пену со щек. Все это было так давно, что воспоминаниям пора бы уже угаснуть. Однако они возвращались во сне — нечасто, но каждый раз, когда он оказывался в трудной ситуации. Наверное, ему хотелось верить, что когда придет совсем край, явится Ким с пистолетом и даст хороший совет.

Алина с любопытством разглядывала Припять, прислушиваясь к объяснениям Никиты. Молодой сталкер нравился ей все больше и больше. Прежде всего у него оказалась с собой «кровь камня», которой он щедро поделился с Артуром. А когда после лечения физик уснул на заднем сидении, Никита рассказал о том, что произошло с ним на Свалке, и Алина еще больше зауважала его. Самого Стрелка обманул! Это ж ни фигя себе!

— Я думаю, те монстры, которых я видел на Свалке, как раз и напали на Базу, — сказал Никита, закончив рассказ. — Во всяком случае этот урод так и обещал, что они на Базу наведуются. А заложить заряды на такой случай — вполне в духе генерала.

— Да, Роте — мужик суровый, — согласилась Алина.

— Так ты его знаешь? — обрадовался Никита.

— Доводилось встречаться...

Подробностей Алина рассказывать не стала, но посмотрела многозначительно. Так, чтобы Никите сразу стало ясно, что она не самый последний человек в Зоне.

— И куда же, по-твоему, все с Базы делись? — спросила девушка.

— На север, — уверенно ответил Никита. — На юг, к военсталам, «долговцы» не пойдут. У нас, конечно, хорошие отношения, но если начнется массовый исход из Зоны, военсталы с гарантией озвереют и пересадят всех в концлагерь для профилактики. Я думаю, генерал постарается закрепиться в Припяти и будет вести войну оттуда.

И вот теперь, проезжая на бронетранспортере по улицам Припяти, Алина с удовольствием отмечала, что Никита оказался прав во всем: несмотря на то, что База была стерта с лица земли, «долговцы» не дрогнули и не побежали — они остались на своем посту.

Полгода назад девушка побывала в «параллельной» Припяти, попав туда вместе с экспедицией Серебрякова через «воронку», прятвшуюся в грейферном ковше на Свалке. Тамошняя Припять выглядела нереальной: здания казались слишком чистенькими и ровными, как будто их рисовал старательный школьник; вокруг домов лежали сугробы, но на проезжей части и тротуарах не было ни снежинки; в небе не хватало солнца, а город освещался мягким светом, исходившим из факела в руке гигантской мраморной статуи, стоявшей на центральной площади. А главное — везде на улицах замерли химеры: живые, но неподвижные, словно их остановила взглядом пролетавшая над городом Медуза Горгона. Алина зябко передернула плечами, вспоминая зловещие чудеса субпространств.

В настоящей Припяти все было иначе, но и она вызывала тревожные чувства. Ржавое колесо обозрения над городом, обшарпанные дома с выбитыми окнами, покосившиеся вывески магазинов: «Колосок», «Мясо, рыба, овощи», «Мебель», «Хозтовары», «Радуга». Промежутки между домами густо заросли кустами с вечножелтой листвой. Кое-где под ними можно было разглядеть следы кабанов и кучки помета. Иногда в просветах между листьями мелькали проржавевшие грибочки и замусоренные песочницы детских площадок. Алина прислушалась к себе и решила, что хотя пейзаж и не выглядит жизнеутверждающим, по сравнению с мороком химерической Припяти реальные кварталы кажутся почти нормальным городом — заброшенным, неприбранным, но все же... родным.

Наконец БТР выехал на главную площадь и остановился у Дворца культуры «Энергетик» — прямоугольного белого здания, прорезанного высокими, во все три этажа, окнами. Сюда собралось почти все новое «население» Припяти — слух о чудесном спасении Грача, побывавшего в самом пекле и говорившего со Стрелком, мгновенно распространился по городу, и всем хотелось взглянуть на такую замечательную личность. Когда бронетранспортер остановился, толпа заорала во все глотки: «Ура!» — так что Артур подскочил на сидении.

На крыльцо Дворца культуры вышел генерал Роте. Никита заглушил мотор, вылез из бронетранспортера и вытянулся в струнку.

— Господин генерал, разрешите доложить!.. — начал он.

Алина тоже замерла, но вовсе не Давид Роте привлек ее внимание. В толпе она различила знакомую фигуру — рослого парня в «долговском» костюме, отличавшегося от остальных наличием короткого меча в ножнах на поясе.

«Твою мать!» — подумала Алина.

4

Наконец в конце тоннеля забрезжил дневной свет.

Ким Райка выбралась из лаза и с тихим стоном рухнула на мокрый песок. Рядом упал Плюмбум.

Они лежали на песчаном откосе. Внизу по узкому руслу струился медленный ручей, вытекавший из старой проржавевшей трубы. А на другом берегу ручья сидел молодой сталкер в потрепанном камуфляжном С костюме, с непокрытой головой. Он поднял взгляд на пришельцев и улыбнулся им, словно долгожданным гостям.

— Привет, Ким! — сказал сталкер. — Привет, Виктор! Я уж думал, вы до меня никогда не доберетесь...

Часть вторая. Зазеркалье Зоны

Глава 1. Король, что тыщу лет назад над нами правил...

1

— Нет, так по-дурацки слить финал мог только полный обалдуй! — заявил Ланс. — Подумать только, мы читали семь томов этой тягомотины и все только для того, чтобы прийти вот к этому! — Он сердито хлопнул по лежащей на столе инкунабуле.

— Можно подумать, тебя кто-то принуждал читать, — буркнул Гавейн. — И вообще, если не платишь деньги, держи свое мнение при себе. Я так считаю.

Это была старая свара. Отец Гавейна считался крупнейшим в Стране Логр держателем электронных библиотек, а Ланса все подозревали в том, что он является крупнейшим сетевым пиратом. Доказательств, разумеется, не было, но в глазах Гавейна даже тот факт, что обсуждаемый сейчас семитомник Ланс скачал бесплатно, в рамках благотворительной кампании «Научи читать серва», и заставлял самых хорошеньких служанок читать его себе вслух, был исчерпывающим свидетельством падения нравов в роде дню Лаков.

— А я считаю, что уж кому-кому, а сыну торговца стоит помалкивать в благородном собрании, — заявил Ланс.

Гавейн задохнулся от возмущения, покраснел, вскочил и щелкнул пальцами. Верный серв, сразу догадавшийся, что нужно господину, подбежал, упал на одно колено и уже готов был протянуть хозяину перчатку, но замер, буквально пригвожденный к месту взглядом Артура.

— Прекратите спор, добрые сэры, — потребовал Артур спокойно и внушительно. — Кровь уместнее проливать в боях с врагами, а не в разногласиях с друзьями. И уж тем более не здесь — за Круглым Столом. Извинитесь, сэр Ланселот, и вы, сэр Гавейн. Не забывайте, мы все здесь равны, а если мы начнем перечислять грехи своих отцов, боюсь, мы просидим до следующего утра. Сэр Утер, например, вчера снова отказался увеличить мне годовое содержание и сказал, что я должен оплачивать ремонт аэрокара из собственного кармана.

Интимное признание разрядило обстановку — все заулыбались. Это было так в духе Артура — подтрунивать над собственной молодостью и несамостоятельностью! Другой бы стыдился своего зависимого положения, но юному Пендрагону подобное, кажется, не приходило в голову — он был уверен, что друзья ценят его таким, каков он есть. А поскольку друзьям было за что его ценить, столь явное смирение всегда их обезоруживало.

Не дожидаясь приказа, вышколенные сервы Пендрагонов наполнили кубки, и рыцарь Галахад провозгласил тост:

— За дружбу и наши львиные сердца!

Лишь Артур остался серьезным. Он не притронулся к вину и не спускал со спорщиков пристального взгляда, пока те не пожали друг другу руки. Лишь тогда он поднялся и сказал:

— За дружбу и бескровную победу!

Все выпили, и король продолжал как ни в чем не бывало:

— Честно говоря, я тоже разочарован окончанием «Темной башни». Такое ощущение, что Кинг за много лет не удосужился подумать как следует, куда и к чему он ведет своих героев. Я, право, не знаю, стоит ли нам принимать его трактовку в рамках нашего проекта.

— Да из этого Кинга машина последние мозги выбила! — фыркнул Ланс.

— Мне кажется, зря он не обратился к первоисточникам, — робко сказала Элейна Корбеник, не сводя с Ланселота влюбленных глаз.

— Да кому это... — начал было славный рыцарь, но Артур перебил его.

— Ты имеешь в виду поэму Браунинга? — спросил он мягко.

— Нет... не совсем, — Элейна смутилась, но Артур улыбнулся ей так ласково, что она продолжала уже более уверенно: — Браунинг сам вторичен. Он писал свою поэму «Чайльд Роланд к Темной башне пришел» по мотивам древней кельтской легенды о Юном Роланде. Отсюда и «Чайльд». Но в сказке Роланд отправляется к башне не просто так — сказки не

знают мистических исканий и философских путешествий. Он идет, чтобы найти сестру, унесенную королем эльфов. Однако старый мудрец, который рассказывает ему, как пройти к башне, предупреждает, что он должен убить любое существо, которое встретит на пути.

— Хм! — Артур поднял бровь. — А это интересный поворот. Что ты думаешь, Гвен?

Гвиневера по своему обыкновению ничего не ответила. Она откинула за спину волну шелковых каштановых с рыжиной волос и набросала маркером в воздухе желтые дюны, высохший шар перекасти-поля на переднем плане и черный силуэт башни, уходившей прямо в знойную синеву ослепительного яростного неба. Как всегда, в картине не было ничего особенного, если бы не краски, не линии и не то буквально электрическое напряжение, которое она безотчетно вызывала у всякого, кто смотрел на нее. Гвен дала картине повисеть в воздухе несколько секунд, потом старательно заштриховала ее темно-синим и, нажав на кончик маркера, приказала краскам раствориться в воздухе.

Артур в очередной раз спросил себя: «Неужели она таким и видит мир? Каждое мгновение, каждую секунду бытия? И если это действительно так, то просто чудо, что она еще не свихнулась».

— Это очень красиво, Гвен, — сказал он. — По-моему, Гвен хочет сказать, что каждый из нас должен сделать свой проект концовки истории «Темной башни» и принести на нашу следующую встречу. Тогда у нас будет хороший материал для мозгового штурма. Никто не против?

— Это просто чудо, как ты читаешь ее мысли! — Ланселот улыбнулся. — Хотел бы я так уметь.

По положению его правого локтя Артур догадался, что юный дю Лак положил под столом руку на колено Гвен. Девушка вздрогнула, но не отстранилась. Артур стиснул зубы, но второй раз за вечер делать замечание не стал. Подонок этого и добивается. Еще он, разумеется, добивается Гвен, если уже не добился. Но и с этим Артур ничего не мог поделать. Едва ли Гвен понимает, какой дерьмовый выбор сделала. Хотя что значит дерьмовый? Для меня — безусловно дерьмовый. А для нее? Может, ей легче с Лансом, который хочет лишь ее тело, но никогда не будет лезть в душу? Ее душа слишком хрупка и ранима, чтобы открываться посторонним. А может, ей просто смертельно скучно со мной, со всеми моими терзаниями и проблемами, и весело с ним... Почему бы нет? В конце концов раз в него влюблены почти все девчонки Логра, значит, в нем что-то есть. Все мы говорим: «Я хочу, чтобы меня ценили по достоинству», подразумевая при этом: «Я хочу чтобы меня ценили так же, как я ценю себя сам», поскольку чужое «по достоинству» может оказаться непереносимым для нашей гордости.

— Ну что ж, так и поступим, — сказал Артур вслух. — Да, кстати, никто не знает, где Ивэйн? Его нет уже на втором заседании.

— Я пытался с ним связаться, — сказал Галахад. — Но его связи заблокированы, а расспрашивать родителей и сервов я не решился.

— И правильно! Скорее всего, это обычное разгильдяйство. Вот если он не явится еще и на следующее заседание, тогда будем его искать. А пока — до встречи через неделю! Жду от вас интересных проектов.

2

Рыцари и дамы разлетелись. Артур по своему обыкновению проводил их глазами, стоя у стрельчатого окна библиотеки. Когда огни десяти аэрокаров одновременно вспыхнули в ночном небе, ему показалось, что возшло новое созвездие. Странно, но именно в этот момент он особенно остро ощущал их единство. Здесь, в библиотеке, за Круглым Столом, они все были такими разными, но вместе могли сложить прекрасный узор — будь то узор из огней аэрокаров в небесах или хитросплетение программ в зависимых мирах.

— Брось ты ее, — раздался за спиной хриплый голос. — Нет в ней ничего, кроме рожи и кожи. Ты все сам придумал.

— Сам брось, Мордка, — ответил Артур, не оборачиваясь. — Не пытайся казаться циничнее, чем ты есть на самом деле — все равно не поверю. Гвен — чудная и талантливая девушка, я рад знакомству с ней, даже если она не обращает на меня внимания. А ты добрый и чуткий, мой лучший друг. Поэтому не надо обижать меня.

— Думаешь, от того, что ты будешь говорить обо всех хорошо, кто-нибудь станет лучше? — усмехнулся Мордред. — Ох, Арти, Арти... Умная твоя голова да дураку досталась. Погоди, наплачешься еще.

Мордред приходился Артуру двоюродным братом, а его мать была позором семьи Пендрагонов. Еще в шестнадцать лет Моргана убежала из дома и с тех пор путалась с кем ни попадя. Никто не знал, от кого она родила Мордреда и почему, протаскав мальчишку тринадцать лет по всем значным местам Страны Логров, в один прекрасный день просто бросила на улице, дав ему несколько монет и адрес главного офиса Пендрагонов.

Когда Утер Пендрагон узнал о существовании племянника непонятных кровей, да еще и неказистого и хромоногого, то хотел попросту сослать его в одну из колоний на хлопковые плантации. Но в тот день он как на грех привел в главный офис своего десятилетнего сына и наследника — мальчик был умненьким, сообразительным, и Пендрагон-старший начал необычно рано вводить его в курс дел. Юный Арти быстро потолковал со своим новым братом (тот отвечал в основном: «Вот еще!» и «Да пошел ты!»), после чего заявил отцу, что если тот избавится от Мордреда, об этом рано или поздно все узнают, и скандала не избежать. Гораздо выгоднее для семейной репутации будет, если они пристроят родственника к делу, дадут ему какое-никакое образование, а позже, когда он, Артур, подрастет, то возьмет его к себе в свиту. Вот тогда все увидят, что Пендрагоны вовсе не те бездушные традиционалисты, которыми их считают, они просто стоят за семейные ценности и крепкую мораль. Утер выслушал Артура, поднял бровь и... поступил именно так, как советовал мальчик. До девятнадцати лет Мордред прожил при одной из энергостанций Утера, расположенных в сельской местности — поближе к земле и подальше от лишних глаз. А позже шестнадцатилетний Артур, как и обещал, взял его в свиту и приблизил к себе.

— Ты будешь моей Подозрительностью, Мордка, — сказал он. — Будешь находить мои ошибки и указывать мне на них.

Подозрительность далеко не сразу стала доверять своему брату и сюзерену. Но сейчас, четыре года спустя, они были не разлей вода. Правда, Мордред часто сетовал, что Артур хоть и любит с ним советоваться, но следует советам очень редко. Вот и сейчас, пожелай брат, и он привел бы эту рыжую вертихвостку к нему в постель на три счета. Она так-то девица ничего, ладная, и, судя по всему, горячая. Чокнутая, правда, но зато молчит. Хотя если бы говорила, Артур, наверное, так не терзался бы, потому что сразу стало бы видно, что она, как и все девки, думает только о нарядах и парнях.

— Арти, аутизм — не гарантия гениальности, — попытался он еще раз образумить брата. — Среди аутистов глупых людей ничуть не меньше, чем среди нормальных.

Но Артур снова лишь отмахнулся.

— Оставь, Мордка. У меня к тебе серьезный разговор, а ты все о бабах.

Мордред усмехнулся: вот за что он любил Арти, так это за то, что с ним никогда не знаешь, чего ждать. То зюзя-зюзей, ну просто принц Гамлет, а то как отбреет...

— Что случилось? — спросил он.

— Стрелка убили, — отозвался Артур.

— Что?!

Артур так и не повернулся, стоял у книжного шкафа, поглаживал бурый корешок с золотым тиснением. В этом тоже проявлялся традиционализм Пендрагонов — они собирали бумажные книги. Артур говорил, что это очень разумно: пока книга существует в ограниченном количестве экземпляров, ты всегда можешь проконтролировать, кто ее читает. А знание — сила, оно требует контроля. Многие беды нашего мира, говорил он, происходят именно от того, что никто не следит толком за распространением знаний.

— Кто его убил? — спросил Мордред изумленно. — Кто-то из наших? Ивэйн?

— Не думаю, — ответил Артур. — Ивэйна я как раз послал проследить за работой Стрелка. И четко приказал ему ничего не предпринимать, не посоветовавшись со мной. Да он и сам не стал бы, ты же знаешь Ивэйна...

Мордред кивнул. Ивэйн был четвертым сыном одного из младших вассалов дома Пендрагонов — одним из тех, кого Артур превратил из ничего во что-то, и одним из тех, кто был предан Артуру всецело. Кроме того, Ивэйн не мог изменить Артуру еще и по другой причине — у него просто не хватило бы ума.

— Я думаю, это кто-то из местных, — продолжал Артур. — Технически вполне возможно.

— И что? Будем перезапускать?

— Подождем. Ты же знаешь, мне этот план никогда не нравился. Но Ланс был так убедителен со своей доктриной штурма и натиска. Раз-раз, устроили блицкриг, победа будет за нами. Слишком просто.

— Но за Столом ты этого не сказал.

— Да... Не хотелось. Мне кажется, Ланс ждет чего-то такого. Сейчас никто уже не вспомнит, чья это была идея насчет нового запуска Стрелка. Решение принимали все, а отвечать, как обычно, буду я. И получится, что я в полной заднице. О-Сознание потерял, Громил упустил, теперь и блицкриг продул. Да еще и у Саркофага прорезалась архианомалия, про которую я ни сном, ни духом. Получается, что я абсолютно не контролирую ситуацию. Ланс запросто этим воспользуется, чтобы снять меня с руководства проектом.

— Тебе придется его убить, — тихо сказал Мордред.

Артур отпрянул.

— Мордка, ты чего?! Как это... убить?

— Ну не самому, естественно. Он тебя старше и выше на целую голову. Но я без труда найду людей, которые решат эту маленькую проблему.

— Мордред, ты очумел? Ланс, конечно, порядочный говнюк. Но он один из нас. И... и... это же только игра!

— Арти, это ты ничего не понимаешь. Проект — не просто игра. В Логре не бывает просто игр. Здесь все — продолжение политики другими средствами. Ты — Пендрагон, Ланс — дю Лак, и раньше или позже тебе придется его убить. Можешь хоть у отца своего спросить, он подтвердит. И лучше сделать это раньше — до того, как он попытается убить тебя.

— Но Утер Пендрагон не убил Бана дю Лака.

— И очень об этом жалеет. Спорим на все, что хочешь?

— Ладно. Неважно. Никого убивать я не буду. Ни своими руками, ни чужими. Поступим проще. Я войду в Зону и сам все поправлю. Если обернусь быстро, никто ничего не узнает, и проблема снимется сама собой как несуществующая.

— Как планируешь это сделать?

— Очень просто. Ну то есть в теории просто. Если не получается удержать в провинции своего наместника, возьми вождя из местных, приподними его и поручи поддерживать порядок.

— И кого ты возьмешь?

— Ну выбор невелик. Роте или Гоголя. Они сегодня в авторитете.

— Оба — психи.

— И хорошо! Я скажу волшебное слово «Солнцестояние», и они пойдут за мной, как за Дудочником. А кто придет первым, тот получит приз.

— Какое «Солнцестояние»? Гвиневрина разработка? Но ведь...

— Да, но зависимые этого не знают. У них уже свой фольклор возник на сей счет. Вот на нем мы и сыграем.

— Ох, Арти, твоя близость с народом до добра не доведет. Он, оказывается, фольклор изучает в зависимых мирах. Фольклорист!

— Между прочим, моя, как ты говоришь, близость пока нам на пользу. Ну и кроме того, разве не затем мы делали игру, чтобы как следует оттянуться?

— Ты делал, наивная ты душа. За других не поручусь.

— Ладно. Поступим так. Завтра я уеду в Авлон. А ты пройдишь по селениям сервов, найди мне какую-нибудь рыжую посимпатичнее. Чтобы на Гвенни смахивала хотя бы издали.

— Арти!

— А что такое? Всем можно, а мне нельзя?

— Нет, что ты... просто... Не ожидал...

Даже Мордред был шокирован. Не его, конечно дело, да и сам он относился к женщинам с предельным прагматизмом: сунул, вынул и пошел, будь ты хоть сервка, хоть герцогиня. Но он-то полагал, что у друга Великая и Чистая Любовь. А Арти... Вот стервец!

— Ладно. Значит привезешь ее в Авлон и поддержишь там до моего возвращения. Дня три, наверное. Можешь с ней немного поиграть, чтобы не так скучно было.

— В шашки? — улыбнулся Мордред.

— Если получится, то и в шашки. Короче, создадите мне прикрытие. А я уж постараюсь разобраться. И Ивэйна поищу заодно. Что-то он слишком заигрался...

— Ты там... поосторожнее все же.

— Да ладно, братец. Дело житейское. Перезагрузку никто не отменял.

— Учти, это очень больно.

— Ничего. Пока ты со мной, я ничего не боюсь. Со всем справимся.

3

Когда Мордред ушел, Артур снял с полки тяжелый атлас *in folio* «Труды и дни святого Теслы» и разложил на столе. Он мог бы не смотреть в текст — давно знал его наизусть, но знакомые запах, тяжесть и ощущение страниц под пальцами успокаивали. Чего точно никогда не сможет дать электронная инкунабула, так это подобного иррационального чувства стабильности. Она словно кувшин — какое вино в него нальешь, то и выпьешь. Сегодня — сладкое, завтра — кислое. А книга — словно источник, к нему приходишь день за днем, и вода в нем все так же прохладна, чиста и свежа.

Даже Мордреду он не стал признаваться, что его беспокоит на самом деле. Равнодушие Гвен, интриги дю Лака — это все, если вдуматься, сущая ерунда. Рябь на воде. Меж тем, если он не ошибается в своих подозрениях, зреет буря, которая может перевернуть весь их мир. И об этом ни с кем не посоветуешься. Именно потому, что в Логре все — продолжение политики другими средствами. Придется разбираться самому.

История известного мира началась давным-давно — аж в 1558 году, когда английская королева Мария I почувствовала себя «в тягости».

До этого ей пришлось пережить сильное потрясение — беременность 1556 года оказалась ложной. Мария мечтала о наследнике: он был необходим ей для того, чтобы сохранить любовь мужа — испанского короля Филиппа II. Мария была на десять лет его старше и нехороша собой, но прекрасно знала, что муж равнодушен к женской красоте — его снедает любовь к власти. Первая его жена — несчастная инфанта Мария Мануэла Португальская, умершая на четвертый день после рождения сына — подарила мужу права на португальский престол. Мария знала, что Филипп вступил во второй брак, чтобы присоединить к своей империи Англию, и что он недоволен своим положением принца-консорта. Провозгласить его Королем Английским она никак не могла — этого не потерпело бы английское дворянство. Однако в ее силах было сделать его отцом будущего короля, если на то будет воля Божья.

Не менее важным было рождение здорового наследника и для самой Англии. Отец Марии — знаменитый Генрих VIII Синяя Борода — в свое время немало накуролесил и запутал вопрос с наследованием престола до невозможности. Мария была дочерью от его

первого брака — вполне традиционного и почтенного католического брака с испанской принцессой Екатериной Арагонской, дочерью покровителей Колумба Фердинанда и Изабеллы. Однако Екатерина, несмотря на многочисленные беременности, так и не смогла родить Генриху сына. Виной тому был, возможно, застарелый сифилис супруга, но, как водится, во всем обвинили королеву. Генрих отправил ее в один из отдаленных замков и приблизил к себе ловкую английскую дворяночку — Анну Болейн. Поскольку папа Римский не давал согласия на развод Генриха и Екатерины, Генрих, по наущению Анны, отторг английскую церковь от католической и объявил главой английской церкви себя самого. После этого ему не составило труда развести себя самого с опостылевшей супругой и женить себя самого на беременной уже Анне Болейн. В угоду ей он объявил свой брак с Екатериной незаконным, а свою дочь Марию — бастардом. Анна, однако, подвела короля и родила ему девочку Елизавету. Король счел такой поступок государственной изменой и, чтобы не мучиться больше с разводами, отрубил Анне голову, объявил уже Елизавету бастардом, после чего сразу же женился на Джейн Сеймур, которая наконец и родила ему возжеленного принца Эдуарда. Король не остановился и на этом, женился еще три раза, но поскольку браки остались бездетными, о них сейчас помнили только самые дотошные историки.

Эдуард процарствовал недолго и успел разве что стать героем романа Марка Твена «Принц и нищий». После него на трон претендовали три девушки — ситуация, до той поры неслыханная в Англии. Мария — дочь Генриха и Екатерины. Елизавета — дочь Генриха и Анны. И Джейн Грей — внучка сестры Генриха, прекрасной Розы Тюдоров. Хотя Джейн и не была дочерью короля, у нее было одно неоспоримое преимущество перед Марией и Елизаветой — законность брака ее родителей никогда не ставилась под сомнение, и Джейн никто никогда не объявлял бастардом. Кроме того, у нее был очень расторопный свекр — Джон Дадли, фактический правитель Англии при малолетнем Эдуарде. Вероятно, именно под его влиянием Эдуард обошел сестер и перед смертью завещал корону Джейн Грей. Когда Мария узнала об этом, она немедленно двинулась в Лондон. На ее сторону перешли армия и флот. Был собран тайный совет, который провозгласил ее королевой. 19 июля 1553 года Джейн была низложена и отправилась в Тауэр, вместе с Джоном Дадли, принцессой Елизаветой, которая демонстративно исповедовала протестантизм, и с ее возлюбленным Робертом Дадли — сыном Джона. Джону Дадли отрубили голову тут же. Что до остальных — Мария, не любившая кровопролитий, планировала их пощадить, но ложная беременность навела на мысль, что Господь решил наказать ее за недостаточную твердость в деле восстановления католицизма в Англии. Да к тому же до королевы дошли слухи, что супруг давно списал ее со счета и за ее спиной добивается благосклонности Елизаветы — вероятной наследницы престола, если Мария умрет бездетной. Это оказалось слишком даже для кроткой католической королевы. В ней разыгралась кровь отца, и Елизавета отправилась на плаху вместе с Робертом Дадли и Джейн Грей, а неверного супруга Мария без колебаний отправила в тот же замок, в котором находилась в заточении ее мать. Все это самым благотворным образом сказалось на ее воле к жизни, и королева вскоре разрешилась от бремени здоровым младенцем мужского пола, нареченным Карлом-Филиппом I. Рождение наследника Мария сочла добрым предзнаменованием и с тех пор трудилась, не покладая рук, пока не извела заразу протестантизма в своей стране и не скончалась в преклонном возрасте, оставив сыну величайшую католическую державу, объединившую Англию, Испанию, Португалию, и большую часть Северной и Южной Америк.

Укрепив свои позиции в трех частях света, католическая церковь никоим образом не утратила свирепости и периодически устраивала в собственных владениях показательные охоты на инакомыслящих. Так, в конце XVIII века она всей своей мощью обрушилась на «Лунное общество» — компанию инженеров и промышленников, людей нового класса, спешивших объединиться. Среди них были: фабрикант железных изделий Джон Уилкинсон, страстно влюбленный в свое железо и завещавший похоронить себя в железном гробу; один из первых эволюционистов Эразм Дарвин; изобретатель газовых фонарей Уильям Мердок, друг и помощник шотландца Джемса Уатта, работавшего над созданием паровой машины; фабрикант пуговиц Мэтью Болтон; несостоявшийся священник Джозеф Пристли — химик,

открывший кислород, автор «Истории электричества», натурфилософ и почетный иностранный член Петербургской академии наук.

«Лунное общество» едва не погубили идеи Эразма Дарвина, а спасли знакомства Джозефа Пристли и сообразительность Мэтью Болтона. Письмо, посланное российской императрице Екатерине II — весьма образованной даме, не упускавшей случай поставить палку в колеса католической машины, произвело большое впечатление. А особенно приписка Мэтью Болтона: «Мадам, я продаю то, что нужно всему миру — энергию». И вот уже ученые, чудом избежавшие плахи, отправляются в далекую заснеженную, но прогрессивную Россию.

Позже к ним присоединился Бенджамин Франклин, основавший в Санкт-Петербурге публичную библиотеку, заложивший основы теории электричества и много лет безуспешно боровшийся за отмену крепостного права. Среди друзей «Лунного общества», сменивших место жительства, был и доктор Ребук — медик, химик-фабрикант, основатель первого крупного железоделательного завода «Карон Уоркс». Инженерное мышление Уатта плюс предпринимательская жилка Болтона плюс ресурсы металлургического завода Ребука позволили паровым машинам внедриться сначала в горнорудную промышленность, а затем — в тяжелую промышленность и транспорт.

В конце XIX века Россия благополучно пережила и паровую, и электрическую революции и стала одной из лидирующих мировых держав. Однако при этом она так и не сумела отказаться от традиций крепостного права, а потому заводы и фабрики были зачастую вынуждены выписывать рабочих из Германии и Восточной Европы, что значительно удорожало производство. Одним из таких работников, приехавших по контракту, был восемнадцатилетний венгр Николай Тесла. Отработав несколько лет в электрической компании Яблочкова, Тесла получил от своего руководителя стипендию, поступил в Петербургский технологический университет, где буквально затерроризировал преподавателей своими сумасбродными идеями относительно «новой энергетики». В качестве дипломной работы он представил ученому совету проект вечного двигателя. Это оказалось уже слишком — Тесла был изгнан без диплома и без традиционного баронского титула, который присваивался всем иностранцам, окончившим университетский курс. Тем не менее «физическая аномалия», созданная Тесла, успешно вырабатывала энергию еще полвека, прежде чем профессора Технологического университета барон Нильс Бор и барон Эрнест Резерфорд сумели разгадать принцип ее действия.

Машина Теслы «перекачивала» энергию между параллельными мирами. Позже аспиранты университета — барон Вернер Гейзенберг, барон Альберт Айнштейн и князь Мстислав Келдыш внесли важное уточнение — машина не просто создавала прокол между разными уровнями реальности, она формировала вероятность, при которой этот прокол уже существовал, был заложен в ткань миров еще на заре мироздания. Это открытие повлекло за собой важные последствия, из которых создание новой физики было, пожалуй, самым незначительным. Во-первых, благодаря доступу к неограниченным количествам даровой энергии Россия с успехом выиграла три мировые войны и распространила свою власть на весь мир. Во-вторых, наука, подхлестнутая новым промышленным бумом, обеспечила рост качества и продолжительности жизни. Одним словом, на планете наступил Золотой Век.

Артур впервые увидел Великий Вариационный Движитель в десять лет — как раз в тот день, когда впервые встретился с Мордредом. Тогда отец неслучайно привез наследника к себе в контору: вариационной разведке удалось «поймать» очень перспективный мир-отражение в момент уникального события — выплеска огромного букета вероятностей.

Артуру уже приходилось видеть маленькие вариационные движители — и в машине отца, и дома на распределительном щитке, и даже в собственных игрушках. Миниатюрные колбочки с крохотными искристыми шариками, перемещающимися внутри стеклянного пузыря в причудливом танце, завораживали его. Однажды Артур попытался отколупать такую колбочку и подарить ее девочке, которая ему нравилась. Но мисс Дженни, его нянька, застав мальчика на месте преступления, пришла в ужас. «Что ты, милый! Это же страшная

тайна. Знаешь, как папаша рассердится! Обещай мне, что больше не будешь! — Она сжала Артура в объятиях. — Обещай, милый. И никому не рассказывай». Артур видел, что прелестное, такое румяное и улыбчивое лицо мисс Дженни стало белым, как полотно, на глазах выступили слезы. Он тоже разрыдался и поклялся сквозь слезы, что никогда-никогда-никогда никому не откроет эту тайну.

В детстве он мог часами разглядывать подобный движитель, закрепленный под капотом любимой машинки. Самым замечательным в шариках было то, что их движения оставались совершенно непредсказуемыми. Они то замирали, то начинали метаться по колбе, то поднимались вверх по спирали, то падали отвесно на самое дно, то закладывали мертвую петлю. Артуру казалось, что шарики живые — может быть, это плененный эльф или чья-то неприкаянная душа, которую так странно наказали. Он спросил об этом у няньки. Та всплеснула руками: «Где ж мне знать, милый?! Твой папа только знает». Артур спросил у отца. Тот нахмурился. «Какие еще эльфы, глупыш? Это электрический разряд, шаровая молния. Надо сказать няньке, чтобы прекратила морочить тебе голову дурацкими сказками, если не хочет прокатиться обратно в свою Англию». Артуру стало жалко мисс Дженни, и он соврал, что про эльфов ему рассказывал священник — отец Амбросий. Пендрагон-старший Амбросия не прогнал (хотя Пендрагон-младший на это тайно надеялся), а вместо этого сказал: «Отныне два часа в день перед обедом будешь проводить в библиотеке. Стилус выдаст тебе любую книгу, какую ты попросишь. Пора уже учиться доходить до всего своим умом». Так Артур познакомился с житием святого Теслы.

Нельзя сказать, что он сразу все понял. Больше того, ему показалось, что и сам биограф Теслы едва ли разбирался в сущности изобретений своего героя. Неделя понадобилась Артуру на то, чтобы смирить свою гордость, но потом он все же попросил у библиотекаря Стилуса «что-нибудь об электричестве для детей». Было невыносимо унижительно признаваться в своей глупости серву, но Стилус, не моргнув глазом, принес «Занимательную электродинамику» барона Перельмана — Артур зачитался и пропал. Два часа в библиотеке скоро превратились в три — мисс Дженни тщетно выманивала Артура на прогулку, потом у нее вошло в привычку пить чай со Стилусом, пока Артур читал и ставил эксперименты. Потом Стилус и Дженни поженились, и Артур выговорил себе право запускать на их свадьбе фейерверк. Все закончилось пожаром и приездом пожарной команды — то есть, с точки зрения Артура, как нельзя лучше. Отец, правда, так не считал и пригласил для мальчика «настоящего» учителя — педанта и зануду, которого Артур изобретательно и неустанно доводил до белого каления на протяжении последующих нескольких лет.

Впрочем, это не мешало ему учиться. «Ты не дурак, — говорил отец. — Но твоей заслуги тут нет, ты таким родился. Если растратишь то, что тебе было дано от рождения, на ерунду, я тебя уважать перестану». Артур молча с ним согласился — уважать такого обалдуя и правда будет не за что. Но раз отец взял его с собой на работу, значит был доволен его успехами. И десятилетний Артур воспринимал поездку как заслуженную награду.

Они летели на новом папином аэрокаре и увидели Великий Движитель издалека — над девятиэтажным зданием, построенным в форме кольца, вздувался огромный пузырь, а внутри него плясали разряды — десятки, если не сотни шаровых молний бесшумно сталкивались, взрывались, сливались, уклонялись, преследовали друг друга.

На посадочной площадке для аэрокаров их ждал князь Жан-Жак Алферов — главный инженер отца. Пока двое мужчин обменивались приветствиями и обсуждали подробности предстоящего приема Артур, не сводивший глаз с волшебного купола, шаг за шагом подбирался к нему. Но тут на его плечо легла рука.

— Осторожно, малыш! — сказал князь Алферов. — Там электромагнитное поле высокой напряженности. Это опасно.

Артур вывернулся из-под его руки и насупил: даже если ты князь и главный инженер, это еще не повод называть других «малышами».

— Смотри, Артур! — окликнул его отец. — Этот человек, — он указал на Алферова, — разбирается в движителях Теслы лучше всех, кого я знаю. Ты можешь задать ему свои вопросы.

Но Артур только упрямо стиснул зубы.

— Мне кажется, ему нужно время, чтобы освоиться, — сказал князь с улыбкой. — Вы же помните, я сам онемел, когда в первый раз увидел Великий Движитель. Давайте спустимся вниз. Сможем посмотреть, как готовят к запуску коллайдер.

Они вошли в прозрачную кабину лифта, и она пришла в движение — унося их вниз вдоль огромной колбы Движителя. Одна особо любопытная молния взялась было их преследовать, но потом попала в гроздь из пяти товарок и с треском взорвалась, озарив на мгновение купол ослепительно-синим светом. Тут уж Артур не выдержал.

— У них есть воля? — спросил он.

— Что? — удивился Алферов.

— Я хочу знать, как они решают, куда полететь и где остановиться.

— А-а-а... — Князь у улыбкой посмотрел на отца. — Это очень интересный вопрос. Видишь ли, малыш, неодушевленные предметы обычно начинают двигаться по какой-то внешней причине. Когда ты бросаешь мячик, ты являешься причиной его движения. Причиной движения этого лифта является сила тяжести...

— Я знаю второй закон Ньютона, — перебил его Артур. — И про броуновское движение я тоже слышал. Но это — ни то, ни другое. Они... эти заряды движутся так, словно у них есть разум и воля.

— Пендрагон, вы не предупреждали меня, что я говорю с коллегой! — воскликнул Алферов. — То, о чем вы говорите, Артур, очень интересный феномен, но скорее психологический, чем физический. На самом деле движение зарядов внутри Великого Движителя представляет собой хаос в чистом виде — хаос еще больший, чем броуновское движение. Молекулы материальны — их амплитуда движений зависит от температуры среды, траектории — от соударений. Молнии же Теслы абсолютно свободны и ни от чего не зависят. А так как абсолютная свобода не вообразима для человеческого рассудка, мы невольно очеловечиваем их, приписываем им волю и целеполагание... Не смущайтесь, коллега, многие великие физики совершали подобную ошибку.

Тем временем лифт достиг основания колбы и остановился. Мужчины и Артур вышли и оказались в темном коридоре, освещенном лишь цепью тусклых зеленых ламп под потолком.

— Свет ярче, — сказал Пендрагон.

И тут же лампы загорелись в полную силу, и Артур увидел, что коридор состоит из тонких медных блестящих пластинок, плотно пригнанных друг к другу. Он осторожно погладил одну из пластинок и понял, что она покрыта тончайшими витками медной проволоки.

— Магнитные катушки? — спросил мальчик.

— Совершенно верно, коллега, — отозвался князь Алферов. — Понадобился труд миллиона сервов, чтобы намотать их. И таких катушек у нас — два кольца по двадцать семь километров. Кроме того, у нас тут более полутора тысяч больших дипольных магнитов. Разумеется, этот коридор не имеет никакого отношения к коллайдеру — мы его построили специально, чтобы у гостей могло сложиться представление о нашей системе.

— И вы разгоняете заряженные частицы? — снова спросил Артур.

— Правильно, коллега. Два пучка протонов разгоняются в двух кольцевых тоннелях. В нескольких точках два кольца пересекаются — именно там происходят столкновения встречных частиц, результаты которых изучаются расположенными тут же детекторами. Когда энергия частиц в коллайдере достигает девяти тераэлектронвольт, частицы, получившиеся при столкновении, начинают проскакивать в иные измерения. При энергиях порядка четырнадцати тераэлектронвольт начинается активный обмен энергиями с зависимыми мирами, и мы с лихвой восполняем ресурсы, потраченные на разгон частиц.

Они вошли в большой зал, где в спешке накрывались банкетные столы, и князь подвел Пендрагонов к стене, которая, казалось, сплошь состоит из больших мониторов. В геометрическом центре стены, между мониторами, был укреплен старомодный циферблат с

симпатичной красной стрелкой. На экранах Артур увидел изображения сервов, который копошились в горах оборудования.

— Что они делают? — поинтересовался он.

— Проверяют контакты между дипольными магнитами, электрическую проводку, работу систем охлаждения, систему поддержания вакуума в тоннелях, системы слежения за перепадом напряжения в реальном времени. Мы не можем допустить сбоев. И не допустим их.

— А этот циферблат — для чего он?

— О, это тоже Потемкинская деревня, коллега, как и тоннель, по которому мы пришли. Для пушей наглядности мы решили выводить сюда данные о получаемой нами эффективной мощности. При пробном запуске удалось выработать десять мегаватт. Посмотрим, удастся ли сегодня получить больше.

— Это все и открыл Тесла? — Артур теперь не боялся задавать вопросы, и они как будто сами выскакивали из него.

— О нет! Коллайдер — наша обычная физика. Физика Теслы — вариационная. Забавно, кстати, но Тесла считал людей своего рода автоматами, которые действуют по заданным извне программам.

— Заданным кем?

— Очевидно, Всевышним. — Алферов перекрестился.

— Но я не чувствую себя автоматом...

— В этом-то, по мнению Теслы, и заключалось коварство мироздания. — Князь улыбнулся. — Точнее, он считал это своего рода вынужденной мерой со стороны Создателя. Судите сами: любое событие может существовать в десятках различных вариантов. Мария Английская могла родить не мальчика, а девочку, могла погибнуть в родах вместе с ребенком, наконец, ее мать могла зачать не в том месяце, а в следующем, и не девочку, а мальчика, и тогда Марии вообще не существовало бы на свете, и вся история человечества пошла бы другими, неизвестными нам путями. И так с каждым поступком любого человека. Принцесса Елизавета могла успеть сбежать из Англии. Тесла мог поехать учиться не в Россию, а в Латинские Штаты. Я мог в детстве увлечься игрой на скрипке, и тогда мы с вами не познакомились бы сегодня. Тесла спросил себя: полагать, что Господь сотворил одну-единственную безальтернативную версию реальности, не значит ли умалять Его всемогущество? И предположил, что все эти вариации по воле Всевышнего существуют.

— Одновременно?

— Что значит «одновременно»? Вполне вероятно, что время в разных мирах течет по-разному — на эту тему есть отличная работа барона Айнштейна, я ее вам горячо рекомендую. Мы не можем спросить у Господа, какими часами Он пользуется, и узнать, как Он рассматривает существование вероятностей: одновременно или последовательно. А если бы и могли, то, боюсь, не поняли бы Его ответа.

— Но каким образом это противоречит свободе воли?

— Будь у людей возможность принимать решения по-настоящему свободно, наша жизнь напоминала бы существование шаровых молний в Движителе Теслы. Впрочем, чтобы понять невозможность существования свободы воли, нам нет необходимости углубляться в физику. Вот вы, например, оказались здесь по своей воле?

— Ну разумеется! — воскликнул Артур, но тут же осекся. — Хотя... нет... Ведь это отец пригласил меня сюда. — Мальчик оглянулся на Пендрагона-старшего. — А если бы я, предположим, родился в другой семье, то и мечтать бы не мог... Точнее, мне бы, конечно, хотелось... Хотя, может быть, и нет... у меня были бы другие интересы...

— Вот видите! Концепция свободной воли противоречит нашему представлению о себе как о стабильной личности, обладающей уникальной предысторией, своими особенностями и предпочтениями. Поэтому Тесла и заключил, что мы все оловянные солдатики Господа. Что однако не избавляет нас от необходимости принимать правильные решения, поскольку в противном случае может оказаться, что Господь предназначил нам не самый приятный из вероятных вариантов... Позвольте, кстати, выразить вам свое искреннее восхищение — вы,

оказывается, не только физик, но и философ... Однако вернемся к физике! Говоря упрощенно, Движитель Теслы движется в слоях реальности, выбирая те миры и те события в мирах, которые приводят к максимальному выплеску вероятностей. Идеально было бы попасть в Большой Взрыв, создавший Вселенную, но пока не с нашими энергиями. Пока мы очень рады нашей небольшой находке и надеемся, что на ближайшие пять-шесть лет она обеспечит энергией всю Страну Логров.

— А что за событие произошло? — поинтересовался Артур.

— К сожалению, мы можем судить о характере событий в других мирах лишь по косвенным признакам. Но я предположил бы, что в мире-отражении произошел взрыв местного примитивного источника ядерной энергии.

— А как вы...

— Достаточно, Артур, — вмешался Утер. — Господину Алферову нужно встречать других гостей. Теперь води себя тихо и смотри внимательно. Позже мы еще с тобой поговорим...

Запуск коллайдера прошел успешно. Красная стрелка добралась до числа «15» и публика приветствовала это достижение аплодисментами. Даже инцидент с Мордредом не нарушил праздника — все удалось уладить по-тихому. Позже, когда Мордред в очередной раз благодарил Артура за проявленную доброту, тот всегда смущался. Это была не доброта, а страх. Под влиянием разговора с князем мальчик живо вообразил себе, как в каком-нибудь из альтернативных миров именно он, Артур, в драной одежде и дырявых башмаках ходит побираясь под окнами у своей тетки и с завистью смотрит на Мордреда в бархатном пиджаке, уплетающего бутерброд с икрой.

Однако из той экскурсии Пендрагон-младший вынес и еще кое-что — интерес к зависимым мирам, к мирам-отражениям, если пользоваться терминологией взрослых. Как и все дети Страны Логров, Артур зачитывался воспоминаниями отважных российских путешественников: Джона Франклина, Роберта Скотта, Соломона Андрэ, Владимира Русанова и жалел о том, что вся Земля открыта и изучена. И вот теперь горизонты раздвинулись: кроме привычного мира, существовало еще множество вселенных, и все они ждали своих исследователей и первооткрывателей. Оставалось решить одну крохотную проблему — найти способ попасть в эти миры.

Артур приналег на теорию и быстро убедился, что проникнуть в мир-отражение в материальном теле не удастся — перенос материи требовал колоссальных энергий, и никто, даже сам Тесла, не смог бы поручиться, что эта операция будет безопасна для отважного путешественника. Артур растерялся, но его замешательство длилось недолго. Через князя Алферова ему удалось познакомиться с молодым талантливым студентом Уильямом-Мерлином Гейтсом, помешанным на новейших информационных технологиях. Артур охотно разделил это помешательство. Сидя в гараже на заднем дворе дома Гейтса-старшего, двое юношей буквально на коленках набросали проект специального костюма, снимающего «информационный слепок» с тела, и устройства, с помощью которого можно было управлять поведением этого информационного слепка в мире-отражении.

Тут перед юными энтузиастами встало новое, более классическое препятствие — отсутствие денег. Артур был несовершеннолетним и имел в своем распоряжении лишь незначительную сумму на карманные расходы, а Гейтсы были попросту бедны. Найти спонсоров, желающих выложить кругленькую сумму за путешествие неизвестно куда с неизвестно каким исходом оказалось трудно. Но тут Уильяма-Мерлина посетила идея.

— Что люди любят больше всего? — спросил он, тыча указательным пальцем в Артура, словно тот был ответственным за весь людской род.

— Деньги? Секс? — предположил Артур.

— Ерунда! — сурово возразил Гейтс. — Мелко мыслишь, Пендрагон. Ты в корень зри! Деньги и секс — это всего лишь игрушки. Больше всего на свете люди обожают играть. Мы предложим им игру, и они нам заплатят.

Так на свет родился проект, первоначально названный «Зона Мира», но быстро переименованный в «Мир Зоны».

— Ты, Пендрагон, совсем как ребенок. Кто же будет играть в мирные игры? Людям нужны кровь и насилие. Давай проектировать игровое оружие.

Гейтс оказался прав. Золотая молодежь валом повалила в «Мир Зоны».

Сначала это была просто игра для телевизионной приставки с линейным сюжетом: войти в Зону, обмануть ловушки, пострелять чудовищ, пособирать «предметы силы» и ящики с сокровищами. Но даже в таком виде она разошлась по миру десятками миллионов копий, принесла Гейтсу, за которым был закреплен патент на игру, баснословное состояние. Партнер Артура мог бы успокоиться и почивать на лаврах, но он тоже горел идеей использовать сделанное в юности открытие для более масштабной цели. Практически все полученные от игроков деньги молодой гений потратил на создание научного центра, в котором информационные технологии чудесным образом сплавлялись с наукой управления вероятностями. К работе на этот центр подключились ведущие физики мира, включая князя Алферова, барона Хокинга и епископа Пенроуза. Понадобилось всего три года на то, чтобы создать первый «пузырь Хокинга-Пенроуза» — миниатюрную искусственную вселенную с заданными физическими свойствами. К тому времени у Гейтса уже были наготове костюм для путешествий в «пузыри» и новая, куда более толковая, версия игры, над которой трудилась целая команда увлеченных студентов.

Ясно, что между телевизионной приставкой и реальными ощущениями дистанция огромного размера, и, очевидно, многие из поклонников «Мира Зоны» хотели бы поучаствовать в баталиях внутри «пузыря», но стоимость участия возросла на порядки, отсекая простолюдинов. Зато в проект потянулась золотая молодежь, внутри которой членство в игровом клубе, основанном Артуром, стало необычайно престижным.

Но и это пока не устраивало Пендрагона-младшего. Он хотел не просто создавать искусственные миры для развлечения скучающих снобов, а добраться до настоящего альтернативного мира, познать чужую культуру и может быть найти там самого себя — иного, с другой судьбой, с другими воспоминаниями, с другими жизненными приоритетами... Зачем ему это было нужно? Иногда Артур задавался подобным вопросом, но не мог найти ответ.

— Арти, ты просто не уверен в себе, — сказал Мордред, когда брат решился поделиться с ним своими сомнениями. — Ты уже вышел из возраста, когда зовут острова и океаны, но еще не стал достаточно мудрым, чтобы довольствоваться тем, что есть. Тебя смутно беспокоит положение в обществе, которое ты занимаешь, но ты не видишь альтернативы и хочешь найти ее в других мирах. На твоём месте я купил бы кругосветное путешествие с экстримом. Уверяю, отлично прочищает мозги.

Вроде бы, Мордред сказал все правильно, но Артур никак не мог согласиться с такой упрощенной точкой зрения на его душевные движения. Все-таки первооткрывателем быть не просто почетно — расширяя границы известного мира, обретаешь возможность контролировать свое и чужое будущее. Кем мы были бы сегодня, если бы члены «Лунного общества» довольствовались тем, что есть? А уж их-то точно никто не обвинит в недостатке мудрости...

Так или иначе, но работы в центре Гейтса продолжались. Еще через два года физики научились генерировать целые гроздья «пузырей Хокинга-Пенроуза», соединенных друг с другом через систему порталов подобно тому, как отдельные бусины соединяются в бусы. И тут князь Алферов сделал удивительное открытие: «пузыри» не формировались в многомерном пространстве случайным образом — они самопроизвольно выстраивались в «направлении» мира-отражения, из которого новый комплекс Пендрагонов, соединивший в себе на вершине прогресса движители Теслы и адронный коллайдер, выкачивал чистую энергию. Происходило это «выстраивание» за счет незначительного изменения физических условий внутри «пузырей», которые всегда на самую чуточку отличались от заданных. Создавался своего рода «коридор» между мирами — его можно было представить как систему изолированных камер с постепенным изменением температуры: сначала

нормальная, затем на градус процентов выше, в следующей камере еще выше и так далее. Когда переходишь из одной камеры в другую, разница незаметна, но с какого-то момента температура поднимется до такой степени, что внутри камеры будет опасно находиться — сvariшься заживо. Действуя целенаправленно, «коридор» вполне возможно было завершить проникновением в мир-отражение.

Верный Гейтс, ставший наконец-то бароном, взял кредит и выделил дополнительное финансирование на реализацию новой идеи князя. И уже через год он вместе с Артуром впервые ступил в чужой мир, осуществив мечту юности. Увиденное потрясло их — пустая земля, умирающие города, ржавеющая техника, брошенные энергоблоки. В мире-отражении произошла катастрофа. Именно о ней говорил много лет назад проницательный князь Алферов. Выходило, что из всех возможных вероятностей этому миру выпала одна из самых негативных.

Так или иначе, но в то время Артур не решился пустить в мир-отражение членов игрового клуба «Мир Зоны», хотя и понимал, что пространство, возникшее естественным путем, куда богаче на ощущения, чем самый изошренный из сконструированных «пузырей». Вместо этого он лично изучал мир-отражение, составлял карты, общался с аборигенами, изобразив иностранного специалиста, и даже сумел получить доступ к местным информационным сетям, хотя это стоило ему отдельной головной боли.

Планомерное изучение альтернативной реальности могло продолжаться сколь угодно долго, но тут обстоятельства изменились. Когда Артуру исполнилось двадцать пять, Пендрагон-старший начал вводить наследника в курс дел: дескать, хватит играть, пора послужить роду и состоянию. И дал ему в подчинение самое скучное из подразделений «Пендрагон-консорциума» — Управление статистики. Артур приступил к работе без особого энтузиазма, но исследовательская жилка и тут дала себя знать. Где-то через полгода он с удивлением обнаружил, что суммарная мощность производимой консорциумом энергии снижается. При этом общее потребление растет, и с какого-то момента дефицит станет очевидным. Нет, в отчетах все было просто великолепно, но Артур недаром был сыном своего отца — он умел читать отчеты между строк и в случае нужды не ленился проделать необходимые вычисления вручную. Посему уловив тенденцию и понаблюдав за ней некоторое время, Артур вызвал князя Алферова на откровенный разговор. Князь не стал отпираться — все именно так и было.

— В каком-то смысле это вполне логично и согласуется с теорией, — сказал он. — Дело в том, что вероятность — штука энергоемкая, причем вероятности, повышающие уровень сложности и упорядоченности системы, поглощают энергию, а снижающие — выделяют. Ничего нового, второе начало термодинамики даже в физике Теслы соблюдается. Мы уже почти целый век пользуемся вариационными двигателями — это не могло пройти незамеченным. Хотя Тесла полагал, что изобрел вечный двигатель, но на самом деле и его машина имеет ресурс. Мы постепенно вычерпываем вероятности нашего мира. Катастрофа произойдет очень скоро, но она неизбежна, ведь потребление всегда растет. Один из путей — развитие альтернативных видов энергетики, но все они малоэффективны и неизбежно приведут к загрязнению окружающей среды: воздух и вода будут отравлены, придется отказаться от привычного комфорта. Это станет концом современной цивилизации. Вот почему, коллега, нам понадобился Великий Движитель. Мы надеялись восполнить дефицит за счет миров-отражений. Но мы не учли, что вероятностные взрывы — довольно редкая штука во всех мирах. Положение в том мире стабилизируется, система обретает устойчивость, исключаящую многовариантность. Нам удалось выйти на шесть петаватт, но, по моим прогнозам, через два года мы сможем получить только пять петаватт, а еще через десять лет Великий Движитель можно будет выкинуть на металлолом. Если мы не найдем в ближайшем будущем новый вероятностный взрыв, наш мир ждет энергетический коллапс...

Артур обдумал эту перспективу и принял меры. Изучение мира-отражения, до сих пор имевшее чисто умозрительный смысл, вдруг обрело практическое значение. Прежде всего Пендрагон-младший основал Орден Рыцарей Круглого Стола и Львиного Сердца — вроде

бы еще один сверхэлитный клуб внутри элитного клуба, а на самом деле — незаметный механизм управления игроками. Узкому кругу избранных Артур открыл тайну существования мира-отражения, в который можно проникнуть с помощью костюма, созданного бароном Гейтсом. Чтобы контролировать своих рыцарей, Артур придумал систему доступа: попасть в мир-отражение можно было, только получив из его рук специальный ключ — кольцо с изображением льва и сердца. Да и вести себя в том мире следовало не абы как, а соблюдая определенный кодекс.

Следующим шагом Артура, нацеленным на провоцирование вероятностного взрыва, стала организация группы О-Сознание из числа аборигенов. Изучая историю и культуру мира-отражения, Пендрагон-младший с удивлением обнаружил, что среди местных жителей есть люди с фантастическими «пси-способностями», коими были совершенно обделены его соотечественники. Получалось, что в той вселенной живут настоящие волшебники, в то время как здесь они остались лишь в легендах. При этом аборигены почему-то совсем не ценили людей с даром управлять вероятностями, никак не отмечали и не возвышали их. Артур не сомневался, что в его мире они стали бы элитой из элит, высшими правителями. Ошибку аборигенов грех было не использовать, и Пендрагон-младший вступил в контакт с самыми влиятельными из «волшебников», пообещав им практически божественное могущество, если они возьмутся проводить в Зоне выгодную ему политику. Обещание он подкрепил технологиями из своего мира, в один момент обогатив тех, кто принял его предложение всерьез. Шестеренки закрутились, а все остальное аборигены сделали сами. Зона отчуждения вокруг разрушенной электростанции превратилась в территорию постоянной вероятностной нестабильности, питающей Великий Движитель. Это был не взрыв, но пожар, который целенаправленно раздували.

Артур не учел только одну маленькую деталь — реальный мир всегда сложнее и многограннее любой самой изощренной схемы, придуманной человеком. Даже в компании верных рыцарей он физически не успевал реагировать на все проблемы и угрозы. Аборигены обладали сильнейшей тягой к познанию и, несмотря на все защиты от несанкционированного проникновения в Зону, придуманные рыцарями за Круглым Столом, несмотря на потери, страх, боль и смерть, сумели ударить в самое сердце — по О-Сознанию. Конец любимому изобретению Артура положил Стрелок — то ли чрезвычайно ушлый абориген, то ли креатура интригана Ланса. В результате аборигены получили доступ в самые дальние уголки Зоны и даже предпринимали попытки проникнуть в Истинный мир. Разумеется, без костюмов барона Гейтса и коллайдера князя Алферова это было попросту невозможно, но сама тенденция выглядела пугающей.

Последней каплей стали Громилы — двое ушлых ребят, которые каким-то чудом сумели заполучить архив О-Сознания, а значит, вплотную приблизились к тайне рождения Зоны. Артур предпринял отчаянную попытку сорвать встречу Громил с теми, кто мог использовать архив по назначению. В охоту включились его агенты в Зоне и несколько рыцарей во главе с Лансом, который проводил там много времени под личиной сталкера по прозвищу Еж и, что называется, держал руку на пульсе. Но Громилы вывернулись и ушли. Мордред и Ланс «погибли» в схватках, после чего, естественно, оказались на госпитальных койках — болевой шок передавался от «информационного слежка» в чистом виде: барону Гейтсу пока не удалось разработать приличный фильтр, который не снижал бы управляемость.

Когда герои поправились, Артур собрал рыцарей в полном составе и предложил высказываться по поводу будущего Зоны. Никто за Круглым Столом, кроме него и Мордреда, не знал, разумеется, что от сохранения аномальных территорий в мире-отражении напрямую зависит судьба Страны Логров и, если смотреть шире, Истинного мира. Однако рыцари не собирались уступать свое «турнирное поле» аборигенам и проголосовали за наиболее радикальное решение вопроса: зачистить Зону, восстановить былые порядки, взять под контроль так называемых Хозяев Зоны, сформировать из их числа новое О-Сознание. Встал вопрос, кому поручить это ответственное, но кровавое дело. Тут добровольцев не нашлось — никому не хотелось выглядеть потом в глазах остальных маньяком, устроившим

мясорубку. И тогда Артур предложил использовать Стрелка — тот однажды пришел к Монолиту и загадал желание, а это значит, что с него был снят полный информационный слепок, который теперь хранился в банках данных Гейтса. Ловкий сталкер, сумевший дважды преодолеть все ловушки Зоны, беспощадно уничтожить «монолитовцев», каждый из которых стоил полка, и добраться до О-Сознания, был безупречной кандидатурой. А главное — теперь его можно было контролировать. Если Стрелок выкинет какой-нибудь фортель, Артур всегда успеет опустить рубильник и в буквальном смысле стереть сталкера в зависимом мире.

Казалось, план не даст осечку. Однако аборигены опять проявили смекалку — Стрелок был убит, атака наскоро подготовленных тварей из низших «пузырей» захлебнулась. И это еще полбеды. Пока Артур прикидывал, стоит ли восстановить Стрелка для продолжения зачистки или попробовать другой вариант, позвонил князь Алферов и, волнуясь, сообщил, что эффективная мощность Великого Движителя внезапно упала до пяти петаватт и продолжает быстро снижаться. Когда она упадет до четырех, в Стране Логров начнутся веерные отключения электроэнергии — впервые за семьдесят лет. А для того, чтобы понять, что это означает в перспективе, достаточно заглянуть в любой учебник истории: войны, мятежи, восстания сервов, голод и эпидемии.

И сейчас Артур, глядя на то, как гаснут ночные огни родного города, спрашивал себя: зажгутся ли они снова?

Глава 2. Лихой азарт игры без правил...

1

— Алина!

Девушка вздрогнула и обернулась. И тут же узнала того, кто ее окликнул — доцент Мышкин из лаборатории Серебрякова. Он-то как здесь очутился?

— Ой, Семен Семеныч! — Она спрыгнула с бронетранспортера и обняла смущенного доцента. — Вы-то здесь какими судьбами?

— Да так, не думал, не гадал, нечаянно попал. А ты? Ты же, вроде, в Москве была?

— Алина! — на этот раз ее звал Никита. — Идем скорее, генерал Роте хочет в вами поговорить.

Девушка в растерянности заозиралась.

— Идите Алиночка. — Мышкин похлопал ее по плечу. — Поговорите с генералом и приходите ко мне в гости. Я тут недалеко обосновался: проспект Ленина, дом пять, квартира четырнадцать. Жду вас и ваших спутников сегодня вечером. Заодно и переночуете.

— Ой, спасибо, Семен Семеныч. Буду непременно.

И Алина побежала к ожидавшим ее Никите и Артуру.

Давид Роте обосновался в бывшем актовом зале. На стене все еще висел старый выцветший плакат «Мир! Труд! Май!», на котором могучий мускулистый рабочий, улыбаясь своей светловолосой ширококостной подруге, нес на плечах мальчишку в коротких штанишках и с красным флажком в руках. Рядом с плакатом кто-то из подчиненных генерала повесил большую карту Припяти и понатыкал в нее разноцветные канцелярские кнопки. Похоже, трехмерные интерактивные голокарты здесь были не в ходу.

Сидевший в старомодном кресле за столом, накрытом красной скатертью, Роте напоминал секретаря райкома из старинных советских фильмов. Вот только легкая камуфляжная куртка несколько выбивалась из образа.

— Зитцен зи зихь, камраден! — с приветливой улыбкой обратился генерал к гостям и тут же обернулся к денщику: — Сережа, сооруди ребятам что-нибудь поесть. Ну и мне заодно.

— Яволь, херр командер! — отозвался Сережа.

— Гее шнелль, ду, потцназе! — Роте фыркнул и снова посмотрел на вошедших. — Ну, орлы, рассказывайте, как добрались.

— Добрались-то нормально... — Никита с печалью вздохнул. — Только тех ребят, что в машине, монстры порешили... Кто там был?

— Олег Штырь и Слава Горелый. Сами вызвались за тобой на Свалку ехать. — Роте наклонился и достал из ящика стола бутылку «Сидоровки» и четыре алюминиевые стопки, поднялся на ноги. — Надо выпить, ребята. За упокой души славных бойцов «Долга».

— Выпьем, — согласился Никита. — Хорошие были ребята. Спасибо им. Жаль, что так обернулось...

— Все там будем, — подытожил Роте.

Выпили.

Пришли трое «долговцев» с подносами. В жестяных мисках плескался жирный, темно-красный, вкусно пахнущий чесноком борщ. Рядом с каждой миской была навалена горка хлеба, лежали несколько ломтиков копченого сала. Роте достал еще три стопки.

— Помянем, ребята, наших товарищей, ушедших в вечную зарницу.

Выпили снова.

Долговцы ушли. Гости навалились на борщ — водка разбудила аппетит.

— Я потом покажу на карте, где спрятал тела, — сказал Никита, отставляя тарелку. — Голов, правда, нет. Ума не приложу, как это получилось. Как будто оторвали.

Роте помрачнел.

— Знаю, — сказал он. — Видел.

Никита изумился:

— Как так?

Роте скривил губы.

— А ты разве не знаешь, что мне сверху видно все? Не Славу с Олегом я видел, конечно, а других таких же... Много вчера парней полегло — и наших, и из «Свободы». Новые мутанты в Зоне появились, вроде огромной обезьяны. С ходу головы отрывают, хребты ломают. Ты же говорил с этим... который называет себя Стрелком. Так скажи нам, что творится, Никита? Откуда пришла напасть?

Никита потупился.

— Ну разговором это трудно назвать вообще-то. Он в основном приказы отдавал. Велел вам позвонить. Потом звал с собой. Вроде как он Зону собирается зачистить.

— Ясно. Ну спасибо ему, что предупредил. Ничего, утрется. Мы и не таких обламывали... — Роте переключился на Артура с Алиной. — А вы, молодые люди, как сюда попали?

— Мы с вами виделись полгода назад, генерал, — ответила Алина. — Я была в экспедиции Серебрякова. Но вспомнить меня вам будет трудно — мы почти не разговаривали, меня только мельком представили.

— А я был с Виктором Свинцовым, — добавил Артур. — В его команде. Меня вам вообще не представляли...

— Ну вот... — продолжила Алина, — а два дня назад мы приехали в Толстый Лес по поручению профессора Серебрякова. До него дошли слухи, что у одного из торговцев в продаже появился «Светляк». Это оказалась деза. Мы уже хотели возвращаться, но тут началась неразбериха с карантинном. А потом к нам привязался какой-то маньяк и чуть не прирезал прямо на вокзале. Пришлось от него сбегать. Я решила пробиваться к вам — вы мне еще тогда, полгода назад, показались самым надежным человеком в Зоне.

— Польщен.

Роте не улыбнулся — наверное, не поверил в искренность Алины, сочтя ее слова грубой лестью.

— Мы прошли через периметр у Западного кордона, обошли Янтарь с юга, переночевали в Мастерских и сегодня утром пришли на Базу, где и встретили Никиту. Но знаете, что самое странное? Этого маньяка, который за нами гонялся, я сегодня видела в

Припяти. Прямо здесь! На площади! Он в «долговском» комбинезоне, как и остальные ваши люди. Но с мечом. Может, знаете?

— С мечом? — изумился Роте. — У нас таких не водится. Это на «Свободу» больше похоже. Они любят всяким экзотическим железом обвешиваться... А костюм «Долга», так его у любого барыги можно купить — прямо в Зоне или за Периметром. Ладно, ребята, отдохните пока. Я пришлю вам художника, составим ориентировку, объявим вашего врага-меченосца в розыск... А пока... куда бы вас пристроить?

— Если вы не против, — быстро сказала Алина, — я хотела бы в пятый дом по проспекту Ленина. Там живет Семен Семеныч Мышкин — физик из лаборатории Серебрякова. Мы разговаривали сегодня на площади. Я хорошо знаю Семен Семеныча и хотела бы держаться поближе к нему.

Роте кивнул.

— Разумно. Так, а что у нас в пятом доме? — Он заглянул в какой-то список. — Ага, там у нас разместились члены научной экспедиции, которую Ханкилдеев снял с Саркофага. Уровень боеготовности — четыре... Неплохо. Значит, в экспедиции не только яйцеголовые. Ну что ж, никаких возражений. А ты, Никита, иди доложишь своему непосредственному командиру. Твой взвод здесь, в правом крыле. Ну а дальше посмотрим, что мы можем сделать.

— Большое спасибо, генерал, — тепло поблагодарила Алина.

2

Едва дверь за молодыми людьми закрылась, денщик доложил Роте, что из разведывательной вылазки только что прибыл сотник Ханкилдеев.

— Отлично! Вундербар! Давай его сюда! — вскричал Роте, давно ожидавший свежих новостей.

Только когда Ханкилдеев был уже в дверях, генерал спохватился: он так и не убрал со стола «Сидоровку». Но суетиться, мельтешить и прятать водку в стол на глазах у подчиненного было несолидно. Поэтому Роте сделал приглашающий жест:

— Садись, сотник. Выпей с дороги. Устал, небось, и жажда мучает?

Ханкилдеев оценил приглашение по достоинству и отказываться не стал.

Выпили.

— Ну рассказывай, сотник, что там творится, — велел Роте.

— Ерунда всякая творится, господин генерал, — доложил Ханкилдеев. — Все холмы к северу заняты мутантами. Очевидно, стаи прошли через Лиманск. Заходили к нам в тыл. Псы, ракопауки, носороги и обезьяны. Но какой-то организации, как при нападении на Базу, я не заметил. Сидят, ждут. Я приказал снайперу снять парочку обезьян с дальнего расстояния. Получилось. Я предполагал, что после этого мутанты попробуют нас атаковать, но они только отползли из простреливаемого квадрата.

— Занятно, занятно, — пробормотал Роте. — Ну что же, поскольку мы не знаем, как долго эта благодать продлится, будем действовать быстро. Поднимаем ребят, выходим на простор. Боевая задача — истребить как можно больше уродов, пока они не опомнились. Ферштейн? Ну прими еще на посошок, и за дело!

«Пожалуй, с водкой я переборщил, — подумал генерал, проводив Ханкилдеева. — Вроде, и выпил немного: две стопки с ребятами, две — с Вараном. Но в ушах уже звенит и настроение расслабленное — делать ничего не хочется. Тем более переться на холмы и командовать... Похоже, старым становлюсь. Нет, все, баста, надо заканчивать эту... э-э-э... бодягу. Тяжко в Припяти — сразу видно, нехорошее место... Хоть на свежем воздухе оклемаюсь...»

В высокие окна актового зала внезапно брызнуло солнце — редкий случай в Зоне. В золотых лучах заплясали сотни пылинок, а на генерала внезапно напал чих — он чихал и чихал, не меньше дюжины раз подряд, пока наконец не смог остановиться и утереть слезы.

«Scheisse! Was ist loss? — подумал он и тут же мысленно перевел сам себя на русский: — Вот дерьмо! Что за притча?»

И тут услышал у себя за спиной песню. Звонкий молодой голос беззаботно выводил:

Eins, zwei — Polizei.
Drei, vier — Offizier.
Fünf, sechs — Alte Hex.
Sieben, acht — Gute Nacht!
Neun, zehn — schlafen gehen.
Elf, zwölf — kommen Wolf,
Achtzehn, neunzehn, zwanzig —
Die Franzosen zogen nach Danzig.
Danzig fing an zu brennen.
Die Franzosen fingen an zu rennen.
Ohne Strumpf und ohne Schuh
Rannten sie nach Frankreich zu.²

Роте выхватил пистолет из кобуры, резко повернулся на голос, но солнечный свет ударил ему в глаза, и сквозь слезную пелену он лишь с большим трудом смог разглядеть щуплую темную фигуру у окна. Пришелец терпеливо дождался, когда генерал прочихается и проморгается, и только потом заговорил:

— Guten Tag, David! Die Sonnenwende grusst dich!

Abel, Babel,
Gdnsseschnabel,
wieviel
Kinder
willst Du haben:
Ein, zwei, drei, vier?³

— Здравствуй, белая горячка! — отозвался Давид по-русски, пытаясь скрыть замешательство. — Интересно, что такое Сидорович в водку подмешивает, если с четырех стопок так вставляет?

Пришелец рассмеялся и ответил тоже по-русски:

— Ну зачем вы так, Давид Маркович? Сидорович — честный человек и порядочный торговец. А я вовсе не белая горячка. Я действительно пришел к вам от «Солнцестояния» с очень интересным предложением. Просто решил обставить свое появление поэффектнее, чтобы меня не выгнали с порога. Ну что, вам ведь теперь не хочется меня прогонять?

— Не знаю еще, — проворчал Роте, пряча пистолет. — Я вообще-то шуток не люблю, а шутников — тем более. Но садись, раз пришел. Выпить хочешь?

— Нет, благодарю. — Пришелец улыбнулся.

Теперь Давид мог спокойно рассмотреть его. Посланник «Солнцестояния» выглядел совсем юным, однако элитный комбинезон с экзоскелетом подтверждал — перед генералом стоял не рядовой сталкер. Темноволосый и темноглазый с тонкими чертами лица визитер неожиданно напомнил Давиду его собственные детские фотографии.

«Обрабатывают, — догадался генерал. — Ловчат. В доверие втираются. Что ж, посмотрим, кто из нас ловчее будет».

² Один, два — полицейский. Три, четыре — офицер. Пять, шесть — старая ведьма. Семь-восемь — спокойной ночи! Девять, десять — идем спать. Одиннадцать, двенадцать — приходят волки. Восемнадцать, девятнадцать, двадцать — французы напали на Данциг. Данциг начал гореть. Французы оттуда убежали. Без чулок и без ботинок они убежали обратно во Францию. (*Немецкая детская считалка.*)

³ Здравствуй, Давид! Солнцестояние приветствует тебя! Абель-Бабель-Гусиный нос, сколько детей ты хочешь: одного, двух, троих, четверых? (*Немецкая детская считалка.*)

— Не пьешь? Правильно. Я сейчас тоже эту допью и брошу, — процитировал он старинный советский фильм для поднятия боевого духа. — Ну раз не пьешь, говори, зачем пришел.

О «Солнцестоянии» Роте слышал всего пару раз, но не придавал большого значения: еще одна религия в Зоне, эка невидаль. Здесь, где смерть приходит неожиданно и часто, люди готовы пенкам молиться.

Давид у себя в «Долге» суеверий не поощрял, но и не препятствовал. Главное ведь что? Чтобы на человека можно было положиться. А ведет ли он себя порядочно, потому что присягу давал или потому что верит, будто правильные сталкеры после смерти уходят в «Солнцестояние» — это уже дело десятое. Хлопчику в экзоскелете, кстати, Давид не поверил ни на грош. И не отказался от мысли, что в водку что-то подсыпано — грибочки сушеные или травка. Пусть и не Сидор это сделал — значит, здесь уже кто-то постарался. У Гоголя есть такие умельцы-химики... Ладно, слушаем, что этот светлый вестник вещать будет.

— Мы наблюдали за вами, Давид, — начал «хлопчик». — И пришли к выводу, что вы человек жесткий и волевой. Придерживаетесь твердых убеждений. За короткий срок сколотили одну из самых сильных и дисциплинированных группировок в Зоне. Кроме того, вы умны, расчетливы и, что самое удивительное, кристально честны. Такие люди нужны Зоне, как воздух.

«Я сейчас расплачусь от умиления, — подумал Роте сердито. — Если я такой весь из себя умный, то зачем вы мне так глупо льстите?»

— Мы решили сделать ставку на вас, — продолжал хлопчик. — Мы вас поддержим, а вы с нашей помощью установите контроль над Зоной. Полный контроль. Как вам такое предложение?

«Не надо меня поддерживать, я сам хожу», — генерал распалял в себе злость, потому что слова посланника все же нашли тропинку к его душе. Ведь все верно. Кто как не он потратил массу времени на розыски архива О-Сознания, мечтая понять механизмы управления Зоной, стать ее настоящим хозяином и навести наконец порядок? Кто как не он планировал взять жестокие чудеса под контроль и обратить их на пользу людям? И вот теперь мечту подносят не блюдечке... Но это-то и подозрительно, одернул себя Роте. Во-первых, скорее всего, ему обещают то, чего не могут дать, во-вторых, неизвестно чего потребуют взамен, а в-третьих, более вероятно, что никакого «Солнцестояния» не существует, а просто старый друг Гоголь, солнце нашей поэзии, решил выставить своего конкурента полным идиотом.

— И в чем же будет заключаться ваша поддержка? — полюбопытствовал Роте, не подавая виду, что раскусил планы собеседника. — Что вы можете мне предложить?

— А чего вы хотите? — улыбнулся «хлопчик». — Наши возможности не безграничны, но, уверяю вас, весьма впечатляющи. Хотите контроль над погодой? Куда бы вы ни пошли, вам всегда будет сопутствовать Солнце. Представляете, какое впечатление это будет производить на всех крадущихся? Хотите, дадим возможность повелевать мутантами? Хотите, усилим ваши естественные пси-способности до уровня О-Сознания? А хотите... — тут он понизил голос. — Хотите, мы вернем вам родителей?

Роте поднялся на ноги и смерил незваного гостя тяжелым взглядом.

— Молодой человек, сожалею, но ваши папа с мамой не научили вас вести себя. Потрудитесь покинуть помещение.

— Экий вы, Давид Маркович, вспыльчивый. — На юнца в экзоскелете резкий ответ Роте не произвел, кажется, никакого впечатления. — Вспыльчивый и недоверчивый. Везде подвох видите. А мы ведь вам не враги. Марк и Ксения Роте входил и в число немецких туристов, которые путешествовали по Зоне отчуждения в день Первого Выброса. У обоих были выявлены латентные пси-способности уровня прима, и О-Сознание забрало их, чтобы сохранить информационные слепки личностей в банке данных. Сделано это было в рамках проекта развития О-Сознания. Предполагалось, что со временем О-Сознание будет управлять всем миром, изменит историю человеческой цивилизации. Для этого, как вы понимаете, нужны кадры. Этого не случилось, но записи хранятся и по сей день — их можно

восстановить. К сожалению, мы не всемогущи, и ваши родители после воскрешения не смогут выйти за пределы Зоны. Но мы можем гарантировать им долгую и спокойную жизнь. Или долгую и интересную, если они предпочтут именно этот вариант. Теперь что скажете, Давид Маркович?

— Скажу, что мой отец плюнул бы мне в лицо, если бы узнал, что я заключил подобную сделку: его жизнь в обмен на его и мою свободу, — ответил Роте со спокойным достоинством. — Проваливай, ублюдок, пока я пистолет не достал. Достану, буду стрелять без разговоров.

— Как пожелаете, Давид Маркович, — искуситель совсем по-детски надул губы. — Но помните: такое предложение «Солнцестояние» делает только один раз.

«Обиделся, паскуда!» — удовлетворенно отметил Роте.

— Оставьте меня в покое, — процедил он вслух.

«Хлопчик» пожал плечами и вышел из зала, не прощаясь.

Давид упал в кресло, глубоко подышал и налил себе еще одну рюмку — грибы там или травка, а нервы нужно срочно в порядок привести.

«Вот Rotzjunge! — думал он. — Пристрелил бы сопляка. Да с Гоголем потом тереть над тушкой неохота. Сами палят друг в друга по поводу и без, а стоит кого-нибудь из них поучить уму-разуму, тут же начинают биться в истерику. Ну, Николай Васильевич, солнце вы нашей поэзии, ты мне за это ответишь! Дай только с мутантами разобраться, и я тебе покажу, как шутки шутить. Я тебя так вздрючу, что тебе до конца жизни ни шутить, ни смеяться не захочется. Ты у меня снова вторую часть „Мертвых душ“ напишешь, классик хренов!»

3

Координатор Гоголь тщательно запер дверь, зажег ароматическую свечу — сандал с можжевельником, — сел на кровать, сложил руки на животе и закрыл глаза.

Когда ты уже пять лет — сначала простым стражем, а затем членом Совета Координаторов — пытаешься удержать в рамках такую в высшей степени жидкую и кипучую субстанцию, как группировка «Свобода», без периодической разрядки не обойтись. Замшелые «долговцы» по старинке снимают стресс алкоголем, многие «свободовцы» экспериментируют с наркотиками, но Гоголь полагал, что ясную голову терять не следует. Поэтому практиковал медитацию.

Прежде всего нужно успокоить дыхание. Когда человек дышит глубоко и медленно, его кровь насыщается кислородом, а мозг начинает работать лучше.

Медленный глубокий вдох и выыыыдох.

Голову и шею держим прямо, чтобы не нарушать кровоснабжение мозга.

Вдох и выыыыдох.

Выдыхаем все заботы и тревоги дня, все мелочное, сиюминутное, не стоящее траты нервов. Все недостойное того сокровенного теплого лучистого света, который живет в каждой душе. Все, о чем лучше забыть и не вспоминать.

Вдох и выыыыдох.

Теперь нужно спросить: «Кто я?»

Я — обиженный человек. Нет, не так. Я — обида. Я обижен на Давида Роте, который так легко переиграл меня, прогнул под себя, заставил подчиниться. Я обижен на себя — за то, что так легко дал себя переиграть, за то, что так легко подчинился.

Вдох и выыыыдох. Улетай, обида.

Кто я?

Я — обиженный мальчик. Мальчик, которого все считали чудачком: учителя, родители, сверстники. Потому что много читает, потому что много думает, потому что хочет странного. Хочет, чтобы все вокруг было по-другому, а как по-другому, не знает. Не обыденно. Не карьера-дом-семья. А что-то особенное, настоящее, не зависящее от чужих оценок. Чтобы было такое ощущение — когда попадаешь в точку. Когда видишь истину и

чувствуешь ее. Без всяких социальных танцев и манипуляций. Как в игре «жарко — холодно». Хочет обжечься.

Вдох и выдых. Улетай, одиночество.

Кто я?

Я — человек мечты. Я хочу найти истину там, где все словно соткано из обмана, иллюзий и противоречий. Я пытаюсь помочь людям понять себя, понять, чего они хотят на самом деле. Я пытаюсь показать им, что им не обязательно уродовать себя, чтобы жить в ладу с другими и не обязательно воевать против всех, чтобы сохранить себя. Я человек, который дарит другим свободу, даже если они поначалу не знают, как ею распорядиться. Я — человек, который помогает другим найти свой путь.

Вдох и выдых. Улетай, отчаяние.

Кто я?

Я — человек Зоны. Я живу здесь, в причудливом мире. Я принял его прихотливые законы. Я согласен, что игра всегда будет нечестной. Я надеюсь, что мне удастся достичь истины, сколь бы нечеловеческой она ни была. Я готов заплатить, готов отказаться от всего, собственно я ничем и не дорожу.

Вдох и выдых. Улетай, усталость.

Кто я?

Я — человек света. Я не притушил тот внутренний свет, что дан каждому от рождения. Я не затоптал его, не дал затоптать другим. Я верю, что мой внутренний свет питается Истиной. И я готов беречь его. Есть у нас в Зоне одно странное предание. Будто где-то там, за Саркофагом, за Третьим и Вторым энергоблоками, поселилась еще одна группировка — «Солнцестояние», заключившая союз с Сердцем Зоны. И будто в те минуты, когда тучи над Зоной расходятся и светит солнце, к Избранным приходят агенты «Солнцестояния», и если их попросить, они исполняют твоё желание. Роте в это не верит. Говорит, сказочки вроде эльфов. Но тут ты ошибаешься, господин генерал. Именно что вроде эльфов. Спроси у любого ирландца: верит ли он в эльфов? Он тебя сразу обругает и к черту пошлет, именно потому что верит. И считает, что лишний раз о них говорить — беду накликать. Потому что не след говорить о них нашим человеческим языком. Вот и «Солнцестояние» есть. Потому что если в Зоне столько тьмы, то под этой тьмой должен скрываться свет. И когда-нибудь они поймут, что я достоин, что я Избранный. Они придут ко мне и спросят, чего я хочу. И я скажу: «Возьмите меня с собой. Дайте мне увидеть истинный свет».

Вдох и вы-ы-дых. Улетай, тьма.

Кто я?..

И тут комнату залил яркий солнечный свет. Гоголь с внутренним трепетом, но без удивления смотрел, как из лучей соткался светящийся силуэт.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич, — сказал незнакомец. — Я пришел к вам от «Солнцестояния».

Глава 3. Играть заставил всех графей и герцогей, вальтей и дамов в потрясающий крокей...

1

— А теперь идите ко мне, — позвал незнакомый сталкер. — Только осторожно. Постарайтесь не намочить ноги. Не стоит этого делать без крайней необходимости. А особенно — если еще не знаешь, на что идешь. Лучше всего просто перескочить ручеек. Помните, как было у Алисы в Зазеркалье? Перескочил ручеек, и ты уже на другой горизонтали. Из пешки — в ферзи.

Виктор и Ким недоуменно переглянулись, но ручеек послушно перескочили.

— Вот и молодцы, — обрадовался сталкер. — Теперь пошли со мной. Я вас, как Баба-Яга, накормлю-напою. В баньке, правда, не попарю — времени нет. Но умыться дам.

— Вы его знаете? — тихо спросила Ким, пока они поднимались по склону.

— Нет. — Плюмбум неуверенно покачал головой.

— Тогда почему он сказал: «Я уж думал, вы до меня никогда не доберетесь»? — допытывалась въедливая шведская профессорша.

— А разве он это не вам сказал? — попытался выкрутиться Виктор.

— Нет. Я точно знаю, что никогда его не видела. А вот в вас не уверена.

— Я не знаю... Что-то было вроде... Очень давно... Не помню толком. Еще утром я сказал бы: точно ничего не было. А теперь не уверен...

— О, мужчины! Вечно у вас ни два, ни полтора! В последний раз я слышала этот лепет от своего бывшего, когда он отказывался сдать тест на отцовство...

Жилище, куда привел их загадочный сталкер, и в самом деле напоминало избушку на курьих ножках. Это был маленький добротный срубленный домик с узкими полутемными сенями.

— Обувь тут снимайте, — велел сталкер. — Надевайте тапочки и идите к умывальнику. Воду я вам нагрел.

Тапочки оказались сплетенными из березовой коры лаптями без задников. Вода была в умывальнике с носиком, висевшем здесь же, в сенях. По носику нужно было бить ладонью.

— У нас такой на даче был, — мечтательно сообщила Ким.

После этого Плюмбум ждал по меньшей мере вышитого рушника, но полотенце выпадало из темы — обычное белое вафельное, с полустертым синим штампом «Медпункт» в углу.

Большую часть единственной комнаты занимала русская печь. Также здесь красовался деревянный темный стол, вдоль стены вытянулись лавки. Из печи сталкер достал ухватом горячий горшок с грибной похлебкой, разлил в деревянные миски, выдал гостям деревянные ложки, положил на стол каравай хлеба, поставил солонку. Плюмбум попробовал с опаской: кто его знает, что за грибы? Но сильный голод победил благоразумие. Да и то сказать — хотел бы хозяин их убить, пристрелил бы еще у ручья, тепленькими. А на маньяка, который заманивает к себе прохожих, кормит их мухоморами, а потом любит мучениями, он явно не похож. А на кого похож? Тьфу ты пропасть, сказано ведь: не знаю! Похож на хохощь, а хохощь на кого хошь... Так бабушка говорила, когда в настроении была. Вот что значит антураж — ассоциации пошли какие-то совсем уже дикие, деревенские...

Тем временем сталкер извлек три граненых стакана и открыл висевший на стене резной шкафчик, где стояли в ряд разноцветные бутылки.

— Я же раньше фельдшером был на Третьем энергоблоке, — ответил он на незаданный вопрос. — У нас спирта было хоть залейся. Ну а после Выброса я и приноровился от нечего делать настойки ставить. Только вот угощать, к сожалению, редко кого приходится... А может, и хорошо, что редко... Вам сейчас, пожалуй, лучше всего вот эта пойдет. — Он достал темно-зеленую бутылку. — Здесь зверобой, душица и чабрец. Отлично усталость снимает. Ну что, за встречу?

Настойка в самом деле пошла хорошо. Рот мгновенно наполнился терпким травяным ароматом, спирт обжег горло, а усталость и тревоги словно отступили. Плюмбум расстегнул поясной ремень и сбросил его со всей амуницией на пол. Снял шлем, положил на лавку, приспустил центральную молнию. Ким последовала его примеру, а еще стянула резинку с волос, и все ее маленькие косички упали на плечи.

В комнату грациозно вошла черная кошка, за ней — три котенка. Не глядя на гостей, семейство устроилось на полочке и занялось умыванием.

— Ути, пусечки! — умилилась Ким, совсем как девчонка.

И тут же, почти не меняя интонации, спросила:

— А вы о каком выбросе говорили?

— Выброс был только один, — наставительно сказал сталкер. — Все остальное — афтершоки.

Ким взглянула на него пристально.

— Тогда получается, что вы... один из Хозяев Зоны? Иначе как объяснить, что вы работали здесь до Первого Большого Выброса, а выглядите моложе нас?

— А никак иначе и не объяснишь, — легко согласился сталкер. — Умница, девочка. Я надеюсь, Виктор, ты сам вспомнишь, а смотри, Ким тебя обскакала. И не в первый раз, между прочим.

— Что я должен вспомнить? — поинтересовался Плюмбум, игнорируя подначку.

— А много чего, — ответил сталкер безмятежно. — У тебя богатый выбор. Давай так, ты расскажешь, что помнишь, а я расскажу, что ты забыл.

— Да ничего я не помню толком... Вроде, мы виделись уже, но как, когда и зачем — не припоминаю.

— Эх оно как тебя... — задумчиво протянул сталкер. — А скажи-ка мне: помнишь, как полгода назад вы вышли к Стоунхенджу?

— А это тут при чем? — удивился Плюмбум. — Тебя ведь там не было.

— Верно, не было. — Сталкер широко улыбнулся, показав ровные ряды белоснежных зубов. — Хоть это вспомнил, спасибо. А тебе тогда не показалось странным, что твой приятель Александр Пыхало, которого вы все называете Приваловым, ткнул кольцом в ячейку транспортного пульта и чуть не загнулся, а тебе — хоть бы хны и даже поумнее малость стал?

— Ну я же, ясен пень, Избранный, — неловко сострил Плюмбум.

— Боже, Виктор, ну что ты несешь? — Сталкер поморщился. — Уж от тебя я этой пошлости никак не ожидал. Думал, взрослый человек, серьезный... Все проще, друг, у тебя уже вроде как прививка была. Мозг под информационный поток был отформатирован. Вот и пошло легче. Как по намазанному.

— Прививка? Мозг отформатирован? Какой-то бред...

— Да, вижу, крепко тебя приложило. Такое случается, если только человек что-то важное забыть хочет. Даже не важное, а самое главное для него. Редко случается... Тогда придется мне рассказать... Тогда слушай... Случилось это в те времена, когда девки были краше, водка крепче, а артефакты кудрявее...

Если быть точнее, случилось это холодным летом две тысячи восьмого года. Не было еще ни «Долга», ни «Свободы», ни военсталов, ни наемников — только «вольные» сталкеры да «крышующие» их бандиты. Зато всего остального хватало с избытком — почти как теперь. Аномалии, мутанты, зомби, Выжигатель мозгов, выбросы и байки о всемогущем Монолите за Саркофагом.

Плюмбум тогда был еще совсем «зеленый» — Зону благодаря природному дару чувствовал неплохо, алгоритмы ходки отработал до автоматизма, опыта поднабрался, но иногда мог совершить ошибку глупее не придумаешь. И одна такая ошибка обернулась большой бедой.

Будучи человеком не чуждым науке, Виктор редко отказывал исследователям с ученой степенью. Богатый турист, коллекционер или перекупщик всегда мог заплатить больше, но когда приходилось выбирать, Плюмбум отдавал предпочтение «яйцеголовым». Первые два года после Большого Выброса систематические исследования Зоны не проводились — академический мир пребывал в шоке от того, как резко и необратимо изменилась Зона отчуждения. Поэтому в растущие на окраинах Чернобыля сталкерские поселки приезжали в основном самые нетерпеливые энтузиасты. Поначалу им хватало для счастья пары простых артефактов, туши свежеподстреленного мутанта или видеокассеты с записью действия примитивной «жарки». Потом аппетиты начали расти. Ученые захотели все увидеть своими глазами, обнюхать, измерить, запротokolировать, и на Южном Кордоне, еще не перекрытом миротворческим батальоном, возник научный лагерь «Бастион» — два десятка палаток, полевая кухня, клетки для мутантов, три трейлера с измерительным оборудованием и спутниковой связью. Сюда наведывались и совсем юные студенты, и седовласые профессора, и бородатые доценты с гитарами, и симпатичные аспирантки. Жили весело,

интересно, по ночам собирались у костра, чтобы попить горячего чая с огня и попеть Окуджаву и Высоцкого, Щербакова и Медведева, Цоя и Шевчука.

Плюмбум стал в «Бастионе» постоянным гостем — общество бичей и мародеров, из которых в то время состояло племя крадущихся, тяготило его. Разумеется, и яйцеголовые проявляли к нему повышенный интерес, а узнав, что он некогда трудился в Институте медико-биологических проблем, называли не иначе, как «коллегой». Расспрашивали о сталкерских уловках, о наиболее популярных маршрутах, о повадках мутантов в естественной среде обитания, требовали пересказывать самые нелепые легенды, старательно все это записывали, задавали уточняющие вопросы. Виктор помнил, конечно, одно из главных правил сталкера: поменьше говорить, побольше слушать — но ученые обезоруживали своей детской непосредственностью, житейской наивностью и неиссякаемой жаждой новых знаний. Позднее он встречал и других ученых — скучных и уставших, отрабатывающих часы за грант, склочных, вредных и интригующих на пустом месте. Но те, самые первые, были настоящими фанатиками, и Плюмбум искренне уважал их за преданность делу.

Однажды физик Ветров из Донецка привез в лагерь карту, которую купил через Интернет за две тысячи долларов. Цена сумасшедшая, но ученый был уверен, что это хорошее вложение средств, которое быстро окупится. Карту изготовили вручную, и масштаб на ней был, мягко говоря, не выдержан. Тем не менее указанные объекты имели приписки, и разобраться, что на ней к чему было вполне возможно. Карту показали Плюмбуму. Тот критически изучил ее и дал пренебрежительный отзыв: дескать, многие рисуют и «лохов» на это дело ловят. На карте изображен маршрут по западной границе Зоны с проходом к Третьему энергоблоку. Никто никогда туда не ходил из-за высокой аномальной активности, значит карта липовая. И еще — что это за головастик в конце маршрута нарисован? И что означает приписка: «ЛЕТА»?..

Но Ветров буквально сгорал от энтузиазма и объяснил Виктору, что это, коллега, открытие века, что в Зоне образовался естественный информационный накопитель, а «Летой» его прозвали остряки-самоучки в честь реки забвения, протекающей, согласно древнегреческой мифологии, в подземном царстве Аида. Точнее ее было бы, конечно, назвать «Мнемозиной» — рекой всезнания, которая протекает рядом с Летой, но откуда этим двоечникам знать мифологию? Нахватались по верхушкам... Но скажите, коллега, на карте обозначены реальные ориентиры? Ах, все-таки реальные? Тогда почему вы сомневаетесь в ее достоверности?

Скептицизм Плюмбума физику перебить не удалось, но десяток аспирантов из Москвы, Санкт-Петербурга и Киева он уболтал собраться в экспедицию. Причем планировал идти к своей Лете-Мнемозине согласуясь с драгоценной картой и не прибегая к услугам опытных крадущихся. Хорошо хоть отказал двум симферопольским студенткам, которые тоже рвались в опасное путешествие — сообразил, видно, что они будут приманкой для бандитов и прочих озабоченных.

Виктор наблюдал за сборами со смешанным чувством. С одной стороны, он не хотел показать, что поверил «липовой» карте. С другой, понимал, что без проводника ребята пропадут не за грош. Некоторые аномалии были на карте обозначены и среди них даже какие-то хитрые, о которых Плюмбум никогда не слышал. Что, например, такое «мясорубка»? Но Виктор прекрасно знал, что все аномалии обозначить невозможно: Зона постоянно меняется, какие-то аномалии рассасываются без следа, поблизости нарождаются новые — вляпается кто-нибудь из десятки в «карусель», а остальные ведь его не бросят, скопом полезут выручать, так и накроются по-товарищески одним медным тазом. В отдельных случаях ученые — исключительные дураки.

Плюмбум походил-походил, подумал-подумал и все-таки наступил на горло собственной песне, вызвавшись помочь. Как и следовало ожидать, Ветров несказанно обрадовался, долго тряс Свинцову руку и говорил извиняющимся тоном, что денег дать не может, все на выкуп карты потратил, но зато обязательно включит «коллегу» в число соавторов, когда дело дойдет до научных публикаций.

Виктор решил про себя, что сможет на месте доказать физику свою правоту — для этого будет достаточно убедиться, что аномалии на реальной местности не соответствуют обозначенным на карте. В этом содержалась уловка, но Плюмбум был готов принять грех на душу ради того, чтобы все вернулись домой целыми и невредимыми. К сожалению, он не знал, что Ветров уже проконсультировался по поводу карты с другими сталкерами из ближайшего поселка, иначе лег бы грудью на пути экспедиции, но не выпустил ученых за пределы «Бастиона».

Их перехватили сразу за Корогодом. Вышли из леса пятеро небритых сумрачных субъектов в кожаных куртках, надетых поверх спортивных костюмов, показали оружие — два обреза и АКМы — и ученые сразу подняли лапки вверх. Бандиты были из дагестанской группировки и на апелляции Плюмбума к местным авторитетам не отреагировали. Дали пару раз по зубам, отобрали карту. Старший спросил, сильно коверкая русский язык: «Плюмбим зывать? Ты Лету нам давай?» Виктор сообразил, что экспедицию «заложили», но ничего уже не мог изменить. Он попробовал сыграть в дурачка, но его повалили на траву и хорошенько отпинали. Потом старший из дагестанцев приставил ствол обреза к голове трясущегося Ветрова и сказал: «Стрилять буду чиловека. Лету давай!»

Свинцов уговаривал бандитов отпустить ученых: дескать, они будут только мешать, замедлят продвижение по Зоне — но старшему, похоже, было знакомо понятие «отмычки», и он оставался непреклонен: «Лету давай! Всие пусть идут. Стрилять буду».

Так они и пошли — под конвоем. Ученые некоторое время не осознавали серьезность положения и даже спорили с бандитами. Но тут один из питерских аспирантов надумал сбежать — его прошли очередью, а затем, ползущего и орущего, добили, демонстративно перерезав горло. Ученые были подавлены сценой жестокой расправы, притихли и больше за свободу научного поиска не агитировали.

Старший дагестанец оказался весьма сообразительным типом — он понимал, что без Плюмбума в Зоне не пройти и ста метров, а Ветров нужен для того, чтобы разобраться с Летой, поэтому берег обоих, используя остальных в качестве расходного материала.

Ходка превратилась в сплошной многочасовой кошмар. У границы Зоны на группу напали кабаны и, пока бандиты пристреливались, успели запороть двух аспирантов. Потом пошли поля аномалий. И хотя Плюмбум старался изо всех сил, разбрасывая щедро гайки, прикидывая, вычисляя, сверяясь с самопальной картой, которая вдруг стала для него не липой, нарисованной на коленке безвестным мошенником, а самым надежным указателем, — участники экспедиции продолжали гибнуть: одного затянуло в «карусель», в другого разрядилась «электра», третий нашел свой конец в «кислотном тумане». Ученые больше не переговаривались и даже не смотрели по сторонам — смерть товарищей и предощущение собственной скорой смерти сделали их безучастными к происходящему. И эта обреченность в потухших глазах больше остальных пугала Плюмбума.

У старого кладбища на группу напала толпа зомби из семи особей — к счастью, это были не бывшие военные или бандиты, а попавшая под пси-излучение семья самоселов. С такими было справиться куда легче, но и они доставили проблем, затоптав еще одного аспиранта. Ветров при виде ходячих мертвецов окончательно рехнулся, бросился прямо на них, но старший дагестанец ловко подсек физика, оттащил его за волосы в сторону и несколько раз ударил прикладом, чтобы образумить. Ветров завыл, расцарапывая себе лицо ногтями, и сам сделался похож на зомби. Плюмбум подумал: не жилец. И еще подумал, что, как и физик, не смог бы пережить друзей, которые приняли мучительную смерть из-за его глупости и самонадеянности.

У бандитов оставалось еще три «отмычки», и они не сомневались в успехе своего предприятия. Однако уже через несколько минут и к ним пришло понимание, что в Зоне не может быть «волков» и «овец», что здесь все — агнцы перед лицом могущественных и беспощадных сил. После того как удалось отбиться от зомби и заставить Ветрова встать и идти, группа двинулась по заросшей тропинке, петляющей по кладбищу, между покосившихся крестов и заросших обелисков со звездочками. Когда до поваленной ограды оставалось шагов десять, одно из богатых мраморных надгробий вдруг взлетело,

подброшенное чудовищным ударом. Из пахнувшей затхлостью ямы вылезли длинные желтые стебли, ухватили за ноги одного из бандитов и поволокли. Произошло это так быстро, что дагестанец не успел даже вскрикнуть и скрылся за краем. Его соплеменники гортанно запричитали, бросились к яме и открыли шквальный огонь по тому, что пряталось там, расходуя последние патроны. Это им не помогло — стебли-щупальца поднялись еще раз и утащили второго. Тут уже стало не до клановой солидарности — уцелевшие дагестанцы предпочли ретироваться от аномальной могилы и, помогая себе прикладами и тумаками, погнали горстку пленников вперед. Тех осталось всего четверо — в суматохе схватки с подземным монстром очередной молодой ученый вдруг вышел из ступора, сорвался и побежал, петляя, как заяц. «Стой!» — хотел крикнуть Плюмбум, но слова застряли в пересохшей глотке. Аспирант с разбегу попал в сильный «трамплин» — его подбросило на высоту девятиэтажного дома, и, падая, он исчез за деревьями.

Четверо против троих — не так уж и плохо, но Виктор понимал, что преимущества на самом деле нет. У бандитов оставались пистолеты, ножи и умение убивать, у него — только вымотанная и напуганная команда задохликов. Впрочем, потери в рядах дагестанцев внушали надежду, что все еще может перемениться. Плюмбум начал пристальнее оглядываться вокруг. Раньше он не придавал значения аномалиям, которые лежали вне направления движения, но теперь сознательно искал их, надеясь использовать плохое знание Зоны, присущее всем бандитам. В итоге проморгал парочку «амеб», прятавшихся на пустоши за кладбищем — вокруг идущего впереди аспиранта вздулся кислотный купол. Молодой ученый закричал протяжно, но сумел выскочить из зоны действия аномалии — чтобы тут же попасть под удар ее товарки. Теперь он не смог удержаться на ногах, рухнул, задергался в конвульсиях, притих. Суммарное срабатывание двух «амеб» привело к взрывному эффекту — над аномалиями образовалось быстро расширяющееся кислотное облако, в один момент поглотившее оставшихся аспирантов и одного бандита. Уцелевшим пришлось быстро сдать назад, и некоторое время они зачарованно наблюдали, как под воздействием едкой кислоты груда тел на земле тает, превращаясь в плотный кровавый туман.

Бандиты начали ругаться на своем языке — громко и эмоционально. В конце концов старший укрепил авторитет, шагнув к молодому и отвесив ему затрещину. Тот заткнулся, но выглядел злым. Едва ворочая языком, Плюмбум сказал, что идти дальше бессмысленно, впереди еще много ловушек, а карта оказалась бараклом, надо возвращаться. Но старший был непреклонен: «Лету давай!» — и навел на сталкера пистолет. Виктор тяжело вздохнул и принялся разбрасывать гайки. Он уже задавался вопросом, почему бандиты проявляют такое упорство в достижении цели. Зачем шли ученые, было понятно: научное любопытство, «открытие века», «нобели-шнобели» — а этим-то что у Леты намазали? Когда остановились передохнуть, Плюмбум подсел к Ветрову и тихо спросил: «Что такое Лета?». Физик был погружен в себя и казалось, что не ответит. Но после длинной паузы все-таки сказал: «Естественный информационный накопитель». Плюмбум вскинулся: «Эту тарабарщину я слышал! Что там нужно бандитам?» И снова пришлось подождать ответа. «В Лету стекается информация, — сказал Ветров. — О Зоне, о ее самых тайных уголках, о всех, кто здесь когда-то бывал и еще только собирается побывать. Никто пока не может объяснить, как это происходит. Я собирался выяснить и объяснить. Ведь это просто — надо саму Лету спросить об этом... А что такое информация? Информация — это власть. К власти бандиты и рвутся, коллега... И лучше бы нам не дойти...»

Дагестанцы перекусили и покурили, после чего старший опять поднял пленников на ноги. По карте до головастика с припиской «ЛЕТА» оставалось меньше километра, но прямую дорогу к возжеленной цели перекрывал крестик «мясорубки» — возможно, самый опасный участок, ведь Плюмбум даже не подозревал о существовании аномалии с таким зловещим названием.

Понимал это и старший дагестанец. Он колебался, ведь и сталкер, и ученый представляли для него теперь большую ценность. И все-таки сделал выбор: вперед пойдет

Ветров. Услышав о решении, физик вдруг счастливо улыбнулся, словно только что сбылась его самая сокровенная мечта. После чего, гордо выпрямившись, зашагал по пожухлой траве.

В месте, обозначенном на карте крестиком «мясорубки», они увидели лощину между холмами — там ржавела огромная бронированная машина, в которой Плюмбум без труда опознал «пожарный танк» ГПМ-54. Вершины холмов казались чистыми, и сталкер решил обойти «танк» справа. Он побросал в том направлении гайки, убедился, что летят они нормально, и велел Ветрову взбираться по склону. Плюмбум тогда еще не знал, что «мясорубки» селятся в старой технике, но сфера их действия находится не в месте залегания, а в десятке метров от него.

Очевидно, физик ничего не успел понять. Невидимая сила подхватила его, скрутила тело так, что мгновенно спичками сломались хребет и кости, и потащила к машине. Оторванная рука упала рядом с Плюмбумом. И это подействовало на него оглушающее — забыв о страхе смерти, о том, что некоторые аномалии способны поглотить сразу несколько человек, он бросился вперед, вскарабкался на броню «пожарного танка», спрыгнул с той стороны и бежал-бежал-бежал, пока не выдохся. Тогда он упал на землю и некоторое время не видел ничего, кроме комков засохшей грязи перед глазами.

Виктор провалялся около часа. Потом сел, оглянулся — бандиты не решились последовать за ним. И, наверное, повернули назад...

В любом случае возвращаться сейчас тем же путем было опасно, а до Леты — рукой подать. Поэтому сталкер решил все-таки дойти и взглянуть на то, ради чего погибли четырнадцать человек.

Впереди высились глыбы энергоблоков, торчали знакомые градирни — скоро должна была начаться промышленная зона, но на ее границе пролегал широкий овраг, и Плюмбум вынужденно остановился на его краю. Он увидел водопроводную трубу большого диаметра, из которой вытекал грязный ручей. На дне ручья валялись какие шестеренки, поблескивали шприцы, обрастал грязью доисторический «шмайссер». Из оврага несло смесью отвратных запахов: ржавчина, мазут, канализационная вонь.

«Это и есть Лета?» — спросил себя Плюмбум.

Было горько признавать, что молодые жизни энтузиастов прервались из-за гнилой помойки. Что в ней особенного? Плюмбум швырнул вниз последнюю оставшуюся у него гайку, она упала в темную воду, подняв небольшой фонтанчик брызг.

Соврала карта... Нет здесь никакой аномалии...

И все-таки Плюмбум спустился вниз. Брезгливо обходя мелкие лужи, накопившиеся вокруг русла, подошел к трубе, заглянул внутрь. И отшатнулся. Внутри лежали люди в самых причудливых защитных комбинезонах — десятков, а может, и больше. Они не шевелились, но было видно, что это не мертвецы: кожа на открытых руках и лицах выглядела грязноватой, но здоровой.

«Постарайся не намочить ноги», — услышал Виктор громкий звонкий голос и едва не свалился в воду от неожиданности.

«Кто?! Что?!»

Плюмбум поднял взгляд, и обнаружил, что с той стороны ручья, на краю оврага, стоит молодой человек в камуфляжном костюме.

«Ты еще не готов вступить в Лету, Виктор», — сказал человек.

«Мы... знакомы?»

«Нет, но я знаю всех, кто приходит к Лете... И всех, кто еще придет...»

«Но откуда? Как?»

«Лета рассказывает мне».

«Так это она и есть?» — Плюмбум сделал широкий жест.

«Да. Выглядит непритязательно, но в Зоне мало что выглядит притязательно. Одни называют ее Летой, другие — Мнемозиной, третьи — Стиксом. На самом же деле она и одно, и второе, и третье. Все реки загробного мира сливаются здесь. И каждый может выбрать воду по вкусу».

«Что это означает?»

«Ты ведь все равно войдешь в реку, Виктор, не так ли? Тебя очень волнует, что друзья погибли зря. И ты войдешь, чтобы эта потеря обрела хоть какой-то смысл. А дальше все зависит от тебя, и даже Лета не скажет, воды какой реки ты выберешь. Если захочешь что-то забыть, это будут воды Леты. Если захочешь что-то узнать, это будут воды Мнемозины. Если захочешь узнавать и забывать вечно, это будут воды Стикса...»

«Как... те?...» — Плюмбум указал на трубу.

«Да, они выбрали третий вариант...»

«А откуда карта? Как они узнали о вашем существовании?...»

«Карту нарисовал я», — сказал человек со странной усмешкой.

Плюмбума передернуло.

«Но зачем?! Столько людей погибло! Ты убийца!»

«Я не убийца. Я — лодочник. Харон. И я не могу иначе...»

— Вот такая история с тобой приключилась, Виктор, — закончил Харон свой рассказ. — Ты тогда, видать, крепко испугался и выбрал Лету. Другого объяснения не вижу. Но прививка осталась. Это тебя у Стоунхенджа и спасло, когда ты напрямую к транспортному пульту иномирян подключился. Такой поток информации никто из наших не выдержит. Не приучены, переклинит сразу.

— Поэтому вы нам и запретили в ручье ноги мочить? — уточнила Ким.

— Умница, снова все правильно поняла, — откликнулся Харон.

— А как она появилась?... И как появились... вы?

— Лета — аномалия. И я аномалия. Как появляются аномалии?

— Но если вы такой всезнающий, такой всеведущий, — в голосе профессорши прорезалось ехидство, — то для вас не составит большого труда объяснить нам, как образуются аномалии.

— Я могу объяснить, — сказал Харон с тяжким вздохом. — Только мне слов человеческих не хватит... Если только совсем упрощенно. — Он снова вздохнул. — Представьте себе корову... Хотя нет, наоборот... Представьте себе, что вы никогда не видели коровы, а знаете о ее существовании только по вымени. Вы научились дергать за соски, получаете молоко, но не знаете на самом деле, откуда оно берется. Не знаете, что молоко вырабатывает большой и сложно устроенный организм: пищеварительная система, кровеносная система, нервная система, эндокринная система, иммунная система, сердце, мышцы, скелет. Не знаете, что ему нужна свежая трава, бык и теленок. Но по большому счету вам это и не нужно знать — вы умеете добывать молоко, просто дергая за соски... Зона — такая же корова. Она живой и сложно устроенный организм, о котором и люди, и пришельцы из других миров имеют лишь смутное представление. Зато преотлично научились использовать даваемое молоко... Иномиряне — вообще клинический случай. Они всерьез полагают, что создали Зону, что контролируют ее, что знают все секреты. Если вернуться к нашей аналогии, то можно сказать: иномиряне решили, будто бы повелевают Зоной только потому, что тычут иглками в вымя и слышат далекое обиженное мычание. Но на самом деле они в отличие от людей даже не могут выйти за измерения своего мира — сожгли в топках благоприятные вероятности...

— Вот как? — перебила Ким Райка, возбужденно блестя глазами. — Вы хотите сказать, что... э-э-э... иномиряне не присутствуют здесь физически?

— Да, — подтвердил Харон. — Именно это я и сказал. Фактически иномирянин — это манекен, управляемый дистанционно. Если между мирами перетекает энергия, значит, передается информация. А энергию с помощью информации и при наличии соответствующих технологий можно преобразовать в материю. Именно так работает транспортная система пришельцев.

— А мы, выходит, можем путешествовать в субпространствах физически?

— Все правильно, Ким. Ты просто молодец, — похвалил Харон. — Учись, Виктор!

— Хм, — сказал Плюмбум. — Госпожа Райка, а откуда вы знаете о существовании альтов? Раз уж пошел такой откровенный разговор...

— Я многое знаю, — ответила Ким небрежно. — Алексей Румянцев и Борис Витицкий считают себя очень хитрыми и ловкими, но деньги они берут у нас. А у нас есть способ получать за свои деньги исчерпывающую информацию.

Плюмбум даже не удивился. И как он мог поверить, что компания «GSC World: Thunder» — самостоятельная организация? Всего-то и надо было серьезно обдумать ситуацию и понять, что Алекс Гроза и Боря Молния много лет находятся под колпаком. Оставался еще один важный вопрос.

— У кого у «нас»? У «Норд Ривер»?

Ким засмеялась.

— «Норд Ривер» — пустышка, прикрытие. Я представляю куда более серьезных людей, Виктор. Впрочем, даже если я назову их, вам эти имена ничего не скажут. Могу только намекнуть, что мои пси-способности и даже пси-способности моей матери — сущая ерунда по сравнению с тем, что умеют они. И они ведут наблюдение за альтами с момента их проникновения в наш мир. Кстати, это случилось еще в восемьдесят шестом, с тех самых пор и ведут.

— Потрясающе! — произнес Плюмбум, но таким тоном, что можно было подумать: он сильно разочарован.

— Вернемся к нашей корове, — предложил Харон. — Вы спрашивали, что такое Лета? Можно сказать, что она нечто вроде той части мозга коровы, которая отвечает за память. Но это не просто накопленные впечатления, это и анализ, это и систематизация. Лета разумна, но иначе, чем человек. А еще она умеет видеть будущее — угадывает последствия, просчитывает вероятности. И она знает, Виктор, зачем ты пришел в Зону.

Плюмбум подобрал ноги. Он понимал, что ничего не сможет сделать одному из Хозяев Зоны, но попытаться должен.

— Расслабься, — сказал Харон. — Вероятность благоприятного для тебя события уже установлена. И она высока. Зона — все-таки не корова, для нее любые варианты равноценны. В том числе и твой. По идее, именно я должен остановить тебя. Но... я не буду этого делать.

— По... — голос Плюмбума сорвался. — Почему?

— Мне просто надоело быть здесь. Зона лишила меня свободы, но право на выбор я ей не отдам.

Кошка, словно обидевшись, что на нее не обращают внимания, встала, выгнула спину и принялась точить когти о половики.

— Не дери ковер, Надя, — сказал Харон и улыбнулся.

— Откуда она у тебя? — спросила Ким, почувствовав, видимо, что ее спутник и Хозяин Зоны затронули очень опасную тему, и решив немного разрядить обстановку.

— Приблудилась уже давно, сразу после Первого Выброса. Из Припяти, наверное. Тоже не стареет... Да ей не привыкать — у нее и так девять жизней. Котов себе где-то находит, котят носит регулярно. В общем, самостоятельная животина...

Минуты две они молча смотрели на кошку. Потом Плюмбум поднялся из-за стола и начал одеваться.

— Я пойду, — сказал он, подпоясываясь. — Я знаю, о чем хочу спросить Мнемозину, и уверен, что захочу сохранить ответ.

Харон поглядел на него испытующе.

— Иди, сталкер, — сказал он. — Я в тебя верю.

— Я тоже пойду, пожалуй, — добавила Ким. — Только не в речку вашу, а назад, к Саркофагу. Там у меня имущество кое-какое осталось — за ним присмотреть надо.

— Конечно, иди, — отозвался Харон. — Жаль, клубочка дать в дорогу не могу. Такая вот я Баба-Яга, непутевая. Но точно могу сказать, что доберешься без приключений.

— И на том спасибо. — Ким тряхнула головой. — Справлюсь. Не первый день в Зоне.

— Это точно, — подтвердил Харон. — И еще одно, Ким. В дороге ты встретишь попутчика. Не бойся быть с ним откровенной.

— Я должна буду что-то ему рассказать? — поинтересовалась Ким. — Или что-то спросить?

И то, и другое. — Харон загадочно улыбнулся. — И можно без хлеба. Просто будь искренней. И все получится именно так, как надо...

2

Первое, что Плюмбум увидел, были звезды. Огромные, близкие, разноцветные. Они сияли под ногами россыпью драгоценных камней. Виктор по давней привычке нашел ковш Большой Медведицы, от него провел мысленно линию к Полярной звезде, а дальше замялся — очертания Малой Медведицы были как-то странно искажены. И это помогло ему понять, что на самом деле он стоит на высоком холме, точнее на гребне возвышенности, и смотрит на город, раскинувшийся внизу и погруженный в ночь.

Сталкер поднес к глазам бинокль и увидел, что светятся большие шары, расположенные на крышах, точнее на шпилях небоскребов города. В шарах искрились пойманные молнии, освещая крыши синими всполохами. Воздух был невероятно чистым, наполненным влагой и запахом цветов. Очевидно, больших белых цветов, что гроздьями усыпали ближайшие деревья.

Плюмбум решил пока не спускаться в город, а осторожно пошел по гребню, стараясь держаться в тени деревьев, присматриваясь, прислушиваясь и принохиваясь. Могут ли быть здесь аномалии? Вряд ли... Никто не станет жить рядом с аномалиями...

Негромкие голоса заставили его остановиться.

Впереди на разложенном ковре сидели двое — девушка с распущенными светлыми волосами, одетая в белое платье, и мужчина в темном костюме. Девушка что-то сказала, но Плюмбум не разобрал ее слов — из-за леса раздался шум винтов и низко, над самыми деревьями, пролетел серебристый дирижабль, заставив их кроны отчаянно качаться и сбрасывать на землю дождь из цветочных лепестков. Девушка засмеялась. Мужчина протянул руку, чтобы освободить лепестки, запутавшиеся в ее волосах. Она отстранилась.

Тогда мужчина с укором произнес:

— Сударыня, будь вечны наши жизни,
Кто бы стыдливость предал укоризне?
Не торопясь, вперед на много лет
Продумали бы мы любви сюжет.
Вы б жили где-нибудь в долине Ганга
Со свитой подобающего ранга,
А я бы в бесконечном далеке
Мечтал о вас на Хамберском песке,
Начав задолго до Потопа вздохи.
И вы могли бы целые эпохи
То поощрять, то отвергать меня —
Как вам угодно будет — вплоть до дня
Всеобщего крещенья иудеев!
Любовь свою, как семечко, посеяв,
Я терпеливо был бы ждать готов
Ростка, ствола, цветенья и плодов.
Столетие ушло б на воспеванье
Очей; еще одно — на созерцанье
Чела; сто лет — на общий силуэт;
На груди — каждую! — по двести лет;
И вечность, коль простите святотатца,
Чтобы душою вашей...⁴

⁴ Стихи Эндрю Марвелла, перевод Г. Кружкова.

Очевидно, Плюмбум неловко пошевелился, и ветка хрустнула под ногой. Девушка вскрикнула. Мужчина немедленно вскочил на ноги и обернулся к нему.

— Ты чей, серв? — он говорил спокойно, но в голосе звучал скрытый гнев.

Плюмбум его понимал. Он обломал мужику весь кайф. Правда, не нарочно. Но кого это интересует?

— Извините, — сказал он смиренно. — Я не хотел вам помешать. Я сейчас уйду.

— Я спросил, чей ты серв? — повторил мужчина уже громче.

— Я... я ничей. Я издалека.

Мужчина распахнул куртку, и в руку ему словно сам собой прыгнул револьвер. Он навел оружие на Виктора, но остановился. Присмотрелся к защитному костюму Плюмбума, потом к лицу.

— Сталкер?.. Я тебя знаю?..

«Мордред, — сказал четкий дикторский голос в голове Плюмбума. — Двоюродный брат и правая рука Артура. Ты встречался с ним в апреле, когда он пытался остановить твою экспедицию на дальних подступах к Зоне. Ты завладел его кольцом».

Виктор еще не привык к общению с Летой-Мнемозиной, а потому невольно вздрогнул. Но это общение приносило ощутимую пользу. Чтобы пройти в мир альтов, Плюмбуму не понадобилось искать специальную «воронку» и настраивать «Звезду Полюнь» — Лета-Мнемозина фактически все сделала сама.

— Ты меня знаешь, Мордред, — сказал Плюмбум вслух, вызвав замешательство у альта. — Очень хорошо знаешь. Однажды ты мне сказал: «Какая разница, Свинцов, кто тебя убьет?»

— Свинцов?! Но... этого не может быть... Ты... ты... не можешь здесь находиться...

— Но я здесь. Пожалуй, тебе предстоит пересмотреть свои убеждения, Мордред.

Альт зло ощерился.

— Вранье! — заявил он. — Все это интриги Ланса. Нанял актеришку, обрядил в костюм. Тебе и ему придется поплатиться за обман. Умри, паяц!

Мордред снова поднял револьвер, но Плюмбум не стал дожидаться выстрела. Отпрыгнул, поскользнулся на траве и покатился на животе вниз по склону. Вслед ему летели пули.

«Вот черт! — подумал Плюмбум. — Лета-Мнемозина, с меня достаточно! Я возвращаюсь назад».

Он докатился до конца склона и угодил в невидимую в темноте речку. В приоткрытый рот хлынула ржавая вода.

3

Уф! Пендрагон-младший едва отдышался.

Да, засиделся он в кресле. Давно не передвигался на своих двоих, давно не общался с аборигенами. Будем честны — он с ними никогда толком не общался. Не видел в этом особого смысла, предпочитая работать с информационными сетями и средствами связи. Сейчас, говоря по правде, он его тоже не видел. Жители зависимого мира такие душевные! Слова не скажут в простоте, даром что ничего в жизни не понимают. В «Солнцестояние» верят!

Артур усмехнулся. «Солнцестояние» было проектом Гвиневеры — бессмысленным и прекрасным, как все ее идеи. Он разместился на «уровне химер» — в одном из низших побочных «пузырей», используемых как коллектор вариаций, захваченных в основном потоке, но позже признанных деструктивными и отфильтрованных. Формально доступ из этого мира в Зону был закрыт, но слишком близко они были расположены, в некоторых местах мембрана между мирами истончалась и периодически случались спонтанные прорывы. В одном из таких мест Гвиневера воздвигла алтарь из белого мрамора и устроила вокруг него пляску горячих воздушных струй, огненных языков и гравитационных жгутов. Постоянный восходящий поток теплого воздуха надежно разгонял облака и над алтарем

всегда светило Солнце. Получилось солнцестояние — архианомалия столь же таинственная и притягательная, сколь и губительная. А вот каким образом эта архианомалия превратилась в фольклоре в таинственную группировку, заправляющую в Зоне, Артур не знал, но, пообщавшись немного с аборигенами, уже начинал догадываться. Люди мира-отражения склонны слышать и видеть только то, что их устраивает. Они просто жить не могут, если не будут знать, кто за все в ответе. И никогда в жизни не возьмут лишнюю ответственность на себя. Конечно, куда проще и безболезненней проклинать мифическое «Солнцестояние»... Или молиться на него.

Сегодня он общался с двумя лидерами. Людьми, которым доверяют свои жизни члены группировок. И что? Душераздирающее зрелище! С Роте все просто — тупой солдафон, он боится высунуть нос за пределы знакомого мирка. А жаль, потенциал у него есть, как ни странно. В отличие от Гоголя. У того-то амбиций выше крыши. И полный ноль по психоспособностям. Абсолютно не обучаем. Итак, две пустышки. Вечно так с аборигенами... Однако что прикажете делать дальше? Возвращаться? Ну уж нет! Мы пойдем другим путем. Мы пойдем к новой архианомалии у Саркофага и по дороге подумаем, что еще можем сделать...

Артур привычно определил направление и зашагал к дальним холмам.

К сожалению, открытое пространство быстро закончилось. Пошли кусты, перелески, под ногами зачавкало. Артур понял, что нужно смотреть под ноги, чтобы не завязнуть в трясине. Постепенно он нащупал дорогу, но заметил, что приходится отклоняться к западу.

— Ладно, — сказал сам себе Артур. — Не заплутаем. Спешить некуда.

И тут за его спиной послышался шорох. Артур обернулся, вскинул автомат, но никого не увидел. Впрочем, и ветра не было. Пендрагон-младший пожал плечами, и двинулся дальше, стараясь ступать потише и при этом внимательно прислушиваясь к тому, что происходит за спиной. Он обернулся снова — резко и неожиданно — и сумел различить в кустах какое-то движение: мелькнули быстрые тени. Артур больше не раздумывал. Он осмотрелся, заметил старую осину с покрытым наростами стволом и толстой веткой, отходившей от него на высоте трех метров. Подойдет... И тут же, без предупреждения, с места в карьер рванул вперед. Шорох сзади мгновенно превратился в топот. Артур не оглядывался: не так уж важно, кто там сзади. Вряд ли они гонятся за ним для того, чтобы поприветствовать или угостить чаем. Он — в Зоне, а здесь все неожиданности неприятные.

Артур почти успел. Почти добежал до осины, когда из-за ее ствола выскользнул псевдопес, тут же раззявивший жуткую пасть. Артур замер. Навел автомат на мутанта. Пес не спешил нападать. Он двинулся полукругом, медленно приближаясь к жертве. Артур разворачивался вслед за ним и краем глаза замечал, что псевдопес не один, а справа и слева на границе видимости еще два темных пятна совершали тот же маневр. Трое. Стая. Плохо.

Пес аккуратно переступал лапами, стараясь не показывать Артуру бок. Знал, паскуда, что чем меньше мишень, тем труднее в нее попасть. И одновременно зыркал глазами направо-налево — похоже, не доверял своим подельникам. Это рассредоточение внимания его и погубило. Он засмотрелся на правого собрата, который, кажется, начал забегать вперед, выбиваться из общего ритма, сердито рыкнул, обнажая клыки и... подставился.

Артур тут же выстрелил. Псевдопес припал на задние лапы и жалобно заскулил. Артур немедленно развернулся — он был уверен, что двое оставшихся сейчас бросятся на него, и понимал, что должен хотя бы одного снять в прыжке. Но две серые молнии проскользнули мимо и впились в брюхо подранку. Артур не стал ломать голову над этой биологической загадкой — он одним махом добежал до осины и буквально взлетел, спасибо экзоскелету, на выбранный сук. Заняв таким образом господствующую высоту, Пендрагон-младший обзрел поле боя и... едва не свалился вниз от изумления. Псы уже прикончили незадачливого товарища и теперь грызлись друг с другом. А в сторонке сидела, кокетливо косясь, здоровенная химера!

Не будь Артур в почти безвыходном положении, он с интересом понаблюдал бы за «любовными» играми этого странного трио. Однако сейчас его больше всего занимал вопрос, как бы слезть с дерева, не привлекая внимания хищников, и безопасно продолжить

свой путь. Конечно, сейчас тварюги были донельзя увлечены решением извечного мужского вопроса «Кто круче?», но даму сбрасывать со счетов было нельзя. Ждать тут наверху, пока зверушки сами не успокоятся? Так кто ж его знает, что им в голову взбредет, когда они успокоятся? Химера и на дерево залезть способна... Можно, конечно, не мудрствуя лукаво, пустить себе пулю в лоб, но только это страшная потеря времени — дня три, как минимум, в себя приходиться будешь. И возвращаться, ничего толком не уладив, совсем нехорошо — князь Алферов там совсем с ума сойдет. Ладно, помереть мы всегда успеем, а пока посмотрим, что будет дальше и не представится ли шанса сбежать.

Между тем события внизу развивались своим чередом. Схватка продлилась недолго. Победенный, скуля и поджав хвост, убежал на болота. Победитель, заложив уши, и вытянувшись в струнку так, что его фигура даже обрела некую стройность стал бочком-бочком подкатываться к прекрасной даме. Видно было, что он ее побаивается, но охота пуще неволи.

Химера встала. Потянулась в три приема: сначала вытянула передние лапы, потом выгнула спину, потом шагнула вперед и потянула задние лапы. Псевдопес подскочил к ней сзади и ласково куснул за круп. Она развернулась и коротким ударом свалила незадачливого ухажера с ног, но когда тот поднялся и повторил подход, встретила его уже приветливей — припала на передние лапы, выставила задницу и томно завела:

— Уау-уау-уау!

Псевдопес попытался пристроиться, но оказалось, что он короче, чем нужно — ему никак не удавалось ухватить пассиву за загривок, а приступать к делу, не зафиксировав как следует подружку, он побаивался.

— Уау-уау-уау! — подвывала в нетерпении химера.

Пес вытянулся, как резинка от штанов, и уже было достиг зубами заветного загривка, но тут грянул выстрел, химера подскочила вверх метра на два, а ее ухажер свалился на траву и заскреб лапами в агонии.

Глянув вниз, Артур увидел стрелка. Тот лежал в траве за деревом всего лишь в десяти шагах от влюбленной парочки. Как ему удалось подобраться так близко? Мужик, судя по мощным плечам и заднице, был не из мелких, и все же хищники не заметили его. Пока не грянуло. Интересно, что этот чудаковатый теперь будет делать? Ну псевдопса он завалил, молодец. Но химеру с одного выстрела не уложишь. А она вряд ли довольна, что песня осталась недопетой. Вон как к земле припала и зыркает в четыре глаза.

Химера и впрямь изготавилась к прыжку, словно кошка, заприметившая мышь. Но при этом ее разрывали два противоречивых инстинкта. То она начинала клацать зубами в предвкушении добычи, то принималась горестно завывать об издыхающем ухажере:

— Уау-уау-уау! Щелк-щелк-щелк! Уау-уау-уау! Щелк-щелк-щелк!

«Сверху-то смотреть на это смешно! — подумал Артур. — А на месте стрелка от страха обделаться можно».

Мужик ткнулся лицом в землю и замер, прикидываясь мертвым. А дальше — Артур не поверил своим глазам — химера перескочила через него, как через бревно, и убежала в заросли, продолжая подвывать на ходу.

Мужик встал, сунул пистолет в кобуру и крикнул Артуру:

— Слезай быстро! Пора ноги уносить!

Спустившись на землю, Артур обнаружил две интересные вещи. Во-первых, мужик оказался бабой. Могучей и увесистой, с короной из множества светлых тонких косичек на голове. А во-вторых, детектор, зашитый в комбинезон напротив сердца, начал ощутимо нагреваться. От бабы «фонило», как от Четвертого энергоблока после взрыва. Но не радиацией, естественно, а вариациями. Баба была ходячим двигателем Теслы, то есть, на местном жаргоне, обладала пси-способностями. Причем не такими скромными, как жлоб Роте, а гораздо более сильными.

Топая за ней по тропинке, выходящей между сплошного бурелома, Артур прикидывал, что бы это могло значить и каким образом он сможет это использовать. Собственно, любой

человек был источником мини-вариативности, поскольку обладает какой-никакой, а свободой воли. Захотел — повернул направо, захотел — налево. Захотел — развернулся и пошел назад. Захотел — остался на месте. Пожалуйста — четыре альтернативных линии будущего. Фокус в том, что все эти вариации обычно локальны и быстро затихают. Людей много, их выборы легко уравнивают друг друга. Если один свернул направо, всегда найдется тот, кто свернет налево. Будущее, конечно, изменится, но, скорее всего, незначительно: если рассматривать ткань вероятностей при нормальном увеличении, две эти нити будут практически неразличимы. Но есть люди, обладающие возможностью влиять на отбор вариаций более или менее сознательно. Они могут, входя в транс, рассматривать вариации и выбирать среди них те, что будут наиболее благоприятными. Почему-то они рождаются только здесь. Артур порой думал, что это своего рода компенсация: в Истинном мире нет людей с пси-способностями, но именно там смогли поострить движители Теслы. Наверное, два вариационных движителя — естественный и искусственный — слишком большая нагрузка для ткани мира... Впрочем, сейчас это не так важно. Главное — ему здорово повезло! Он наткнулся на человека, способного разрешить все его проблемы. Остается найти правильный подход. Но это и самое трудное! Артур уже убедился, что аборигены зачастую совершенно непредсказуемы. А ошибиться в таком деле нельзя. С чего же начать?..

— Тебя как зовут, сталкер? — неожиданно спросила его спутница.

— Артур, — быстро ответил юноша.

— И куда же ты, Артур, направляешься?

— Я... э-э-э... я... в глубокий рейд.

Женщина усмехнулась.

— Понятно. Молодежь в мелкие рейды не ходит. Это ниже их достоинства, так ведь? А меня зовут Ким.

— Рад знакомству. А вы куда идете?

— К Саркофагу.

— Значит, нам по пути.

— Вот как? — Ким посмотрела на него с интересом. — И что ж ты там забыл?

— Я... э-э-э... — Внезапно Артура осенило. — Я ищу «Солнцестояние»!

— Неужели? — в голосе Ким прозвучало недоверие. — И зачем оно тебе сдалось?

— Ну... вы же знаете, что творится сейчас. Мутанты новые, нападения. База «Долга» разгромлена. Вот я и подумал: нужно звать на помощь. Нужно чтобы кто-то навел порядок и как можно скорее.

— Интересная мысль, — с непонятной интонацией заметила Ким.

— А?.. Так вы со мной не согласны?

— Не то чтобы не согласна. — Ким вздохнула. — Но что будет, если ты свое «Солнцестояние» так и не найдешь?

— Не знаю... — Артур изобразил растерянность.

— Вот то-то и оно.

Некоторое время они шли молча. Артуру было досадно, что такой многообещающий разговор прервался, и он гадал, как бы ненавязчиво его возобновить.

— Просто расскажи что-нибудь, — посоветовала Ким.

Артур в ошеломлении уставился на нее.

— Нет, мысли я не читаю, — покачала головой женщина. — Только эмоции. Сейчас я чувствую любопытство и смущение. И еще неуверенность. Ты не привык разговаривать свободно — все время думаешь, как бы не сказать что-то не так. Но фокус в том, что ты тоже можешь читать эмоции, если захочешь.

Артур изумился еще больше. Может быть, она уловила побочное излучение оборудования, которое поддерживало его существование в зависимом мире и приняла его за проявление пси-способностей? Тогда на этом можно попробовать сыграть.

— Что вы говорите? — переспросил он. — Я не понимаю.

— У тебя в голове сейчас стоит шум. Ты все время думаешь: а если я скажу это? Что она ответит? А если я скажу то? Что тогда она? Если бы ты на этом не сосредотачивался, а обращал внимание на меня, тебе легче было бы понять, какое у меня настроение и как я отреагирую, если ты сделаешь то или это.

— Звучит интересно, — признал Артур. — Но это трудно.

— На самом деле нет, если потренируешься. Я тренировалась в школе. Частенько не учила уроки и сидела, напуская на себя самый уверенный вид. И учитель меня не спрашивал.

— Я занимался вдвоем с учителем, — возразил Артур. — Он так и так меня спросил бы.

— Ого, а ты похоже не из простой семьи. А они знают, что ты здесь?

— Нет.

Артур был рад, что ему снова удалось ответить честно. Кто ее знает, эту даму — вдруг она и правду от лжи по глазам отличить может.

— Решил попробовать, на что ты способен? Молодец, уважаю.

Они наконец вышли из леса на равнину и увидели впереди темное здание Саркофага.

— Я слышал, там раньше было О-Сознание, — сказал Артур, решивший исполнить совет Ким и подать тему для дальнейшего разговора. — Оно управляло Зоной. И сюда никого не пускали — на Радаре стоял Выжигатель мозгов. А теперь его нет, но есть «Солнцестояние». И к нему может придти каждый.

Он взглянул на свою спутницу и заметил, что ее лицо помрачнело.

— Все почти так и было, — сказала она тихо. — Это был эксперимент профессора Добрынина. Он работал в Академгородке под Новосибирском, был специалистом по информационным полям и биоэнергетике. Его лаборатория проходила в секретных документах под кодовым названием «Отделение № 8». Сначала она размещалась в НИИ «Агропром», потом ученые перебрались на Четвертый энергоблок. Добрынин считал Зону отчуждения проявлением сбоя в ноосфере и собрал семь человек с пси-способностями, надеясь, что они сумеют этот сбой устранить или по крайней мере компенсировать. Эти семеро заплатили дорогую цену — отказались от своей прежней жизни, от своих семей, от любимых и превратились в единую живую машину — они стали единым разумом, контролировавшим Зону...

— А потом? — осторожно спросил Артур.

— Людям не нравится, когда их контролируют, даже если им говорят, что это для их же блага. — Ким грустно усмехнулась. — Люди много лет искали способ победить О-Сознание и нашли его. Именно поэтому я и не верю в «Солнцестояние». Создавать подобные группировки — это все равно, что строить плотину из песка. Вода разрушит плотину и найдет себе путь. Никто не может управлять Зоной сколько-нибудь продолжительное время. Слишком много собралось здесь людей и слишком разнообразны их интересы... Ну что? Пойдешь дальше — искать свое «Солнцестояние» или повернешь назад? Потому что я уже, считай, пришла.

За разговором Артур не заметил, как они поднялись на очередной холм, и перед ними открылся широкий вид на Четвертый энергоблок. Перед блоком, на относительно ровной площадке, стояли несколько брошенных машин, валялись в беспорядке ящики и распотрошенные рюкзаки.

Артур извлек «указку», прикрыл ее рукой в перчатке, чтобы аборигенка не увидела прибор из другого мира. Архианомалия должна быть где-то рядом... Прямо здесь... Он должен ее видеть! Артур поводил прибором, ловя сигнал. Хм, похоже он идет от того фургона. Точнее, от контейнера в фургоне.

Пендрагон-младший сделал «указкой» снимки и передал их Мордреду. Тот откликнулся тут же: на миниатюрном вертикальном экране появились условные значки и цифры. Чем больше на них смотрел Артур, тем больший ужас его охватывал. Это была не архианомалия. В фургоне пряталась сконцентрированная область нулевой вероятности — абсолютный антипод Великого Движителя, «черная дыра» вариативности. Сейчас она неактивна, однако если ее запустить, она без труда поглотит не только Зону, не только это

отражение и прочие зависимые миры, но и коснется Истинного мира. Святой Тесла! Проклятые аборигены хуже сотни Лансов! Как, каким образом им удалось создать такого монстра?!

— Ким, что это? — прошептал Пендрагон-младший в ужасе. — Вы знаете, что это такое?

— Меня просили быть откровенной с тобой, — ответила Ким, с иронией разглядывая Артура. — Да, я знаю, что это такое...

Глава 4. Название крокея от слова круши, кряhti, и крепись, и кроши...

1

Сталкеры устроились в захваченной Припяти по-походному. Очистили несколько квартир, преимущественно на первых этажах, выкопали во дворах выгребные ямы, поставив над ними палатки. Еду готовили тут же во дворе — на кострах. В ход пошла чудом сохранившаяся мебель из квартир и поваленные деревья. Труднее всего было с водой, но, к счастью, в городе осталось несколько примитивных водозаборных колонок, которые удалось починить силами специалистов из команды Роте. Радиационный фон в городе оставался повышенным, но это как раз было наименьшей проблемой — от опасного облучения защищали стандартизованные артефакты и специальные лекарственные препараты, которые генерал приказал выдать без ограничений из собственных запасов.

Артур и Алина смогли с горем пополам помыться, перекусили тушенкой и устроились в спальниках прямо на бетонном полу. Алина еще раз пересказала историю своих «бедствий» Мышкину и потребовала, чтобы тот рассказал, как очутился здесь.

— У меня все проще и скучнее, — ответил Семен Семеныч. — Некая фирма «Норд Ривер» — шведская, кажется — организовала экспедицию к Саркофагу. Хотели изучать сейсмическую активность в этом районе. Дело хорошее, нужное. Просили предоставить консультанта из нашей лаборатории. Я и поехал. Однако мы, собственно, успели только добраться до энергоблока и развернуть лагерь. Потом пришел этот сотник из «Долга», сказал, что вокруг полно каких-то страшных мутантов, и согнал нас сюда. Теперь, из вашего рассказа, я вижу, что он не врал.

— Он не врал, Семен Семеныч, там действительно черти что творится. Я думаю, как только будет возможность, Роте отправит нас за Периметр. Зачем ему в городе десяток дармоедов?

— Уверен, Алиночка, так все и будет. А вы спите, у вас уже глаза слипаются. Да, кстати, в экспедиции с нами был Виктор Свинцов. Вы ведь, кажется, знакомы?

— Дядя Витя? — Алина попыталась сесть прямо в спальнике. — Он здесь?

— Нет, его с нами не было, когда нас забирали. Но, думаю, с ним все в порядке. Он выглядел человеком, очень опытным и уверенным в себе. Сразу видно, что не в первый раз в Зоне.

— Ага, тогда ладно, — Алина снова улеглась на пол и почувствовала, что уходит-уплывает в сон.

Мышкин накрыл ее одеялом.

— Спите, Алиночка, спите. Все будет хорошо.

А вот Артуру не спалось. Он успел покемарить в бронетранспортере, а теперь был слишком возбужден, чтобы заснуть. К тому же болела голова. Поэтому он сидел на подоконнике, рядом с пластмассовой глазастой куклой, оставшейся здесь еще с советских времен и пережившей все «нашествия двенадцать языков» вместе с Припятью. На кукле было белое платье, припорошенное пылью, а глаза без ресниц равнодушно смотрели на новых хозяев квартиры.

«Вы пришли и уйдете, — казалось, говорила она. — А я останусь».

В соседней комнате гомонили пьяные «свободовцы». Пытались петь, но все время забывали слова, сбивались и замолкали, а потом начинали снова — так же нестройно и не в лад.

Артур любовался лицом спящей Алины. Интересно, помнит ли она их поцелуй? Или для нее это был лишь мимолетный каприз, о котором она тут же забыла? Может быть, она его и привлекает именно тем, что он никак не может разобраться в ее характере, понять, какая она на самом деле и что ей нужно? В ней словно уживаются две женщины. Одна — настоящая боевая подруга, хороший товарищ, который всегда выручит, всегда прикроет спину. Другая — кокетка: вздорная, заводная, очаровательная и, кажется, бессердечная. Но на самом деле есть еще третья Алина. Та, что увлечена наукой, амбициозна и превыше всего ценит истину и справедливость. Но сейчас он видел перед собой четвертую Алину — девочку, которая спит, положив руку под щеку и приоткрыв рот. Маленькая, усталая девочка, которой многое пришлось пережить... Которую невозможно не любить...

Алина пошевелилась во сне, и Артур поспешно отвернулся к окну. Вот дурак! Что устался, в самом деле? А ну как разбудишь!

И замер. В опустевшем дворе под деревом рядом с потухающим костром стоял тот самый головорез, который гнался за ними от Толстого Леса. Артур нахмурился. Нет, с этим пора кончать. Надо выйти и поговорить с уродом по-мужски. Только один вопрос: где взять оружие?.. Хм... Кажется, в прихожей висели несколько поясов с пистолетами. Фримены предпочитали держать оружие при себе, но не прямо под рукой, особенно когда выпивали — иначе любая пьянка заканчивалась бы выносом трупов. Когда нет внешнего контроля, люди либо учатся контролировать себя сами, либо отправляются прямиком на небеса. И в этом смысле Артур фрименов даже уважал — за счет таких вот небольших, но важных ритуалов они умудрялись не перебить друг друга, оставаясь абсолютно асоциальными типами. Кроме того, сейчас их привычки были ему на руку.

Во время прошлого путешествия в числе прочего случился неприятный казус, когда Артур не смог попасть в человека, хотя целился почти в упор. Позже оказалось, что оно и к лучшему, но осадок остался. С тех пор молодой физик немало времени проводил в тире и сейчас стрелял довольно прилично. А как известно всем, доброе слово и револьвер действуют гораздо убедительнее, чем просто доброе слово. Поэтому Артур, выйдя из комнаты, прихватил незаметно «Компакт» одного из фрименов, передернул затвор уже на лестнице и вышел во двор навстречу преследователю.

Увидев Артура, псих рванул к нему с такой резвостью, что молодой человек оторопел и даже не успел навести пистолет.

— Мой король! — закричал меченосец радостно. — Артур! Ну наконец-то! Я уже измучился совсем! Я прошу прощения, наверное, это не ко времени, но я влип. Если вы не поможете, мне каюк. А я вам тоже помогу, чем смогу. Любой ваш приказ исполню. И здесь, и там. Ладно?

— Ладно, ладно, — выдавил из себя Артур. — Дай дух перевести.

Молодой физик не знал, что и думать. Кажется, этот придурок его просто с кем-то перепутал. Но почему тогда он называет правильное имя?.. Чтобы потянуть время, Артур присел на бревно у костра и принялся ворошить палкой остывающие угли.

Странно, очень странно. Если там, на Периметре, меченосец мог просто не разглядеть лица, то сейчас они достаточно близко друг от друга, чтобы, несмотря на сумрак, понять, с кем разговариваешь. Значит, другой Артур очень похож на него? Или это такая причудливая игра, чтобы втереться в доверие? Но зачем?.. О'кей, попробуем сыграть и послушаем, что он скажет.

— Садись, — предложил физик. — И рассказывай, где ты там накосячил.

Но меченосец остался стоять. Он только набрал в грудь побольше воздуха и выпалил разом:

— Мой король, я потерял кольцо!

— Кольцо?..

Молодой физик не сумел сдерживать удивления, но его собеседник решил, очевидно, что Артур так возмущен, что не может найти слов, и зачастил:

— Я дурак, мой король. Я круглый дурак. Эта проклятая девка стянула его у меня, пока я спал. Я гнался за ней — до самого Предзонника. Но кольца у нее уже не было. Видимо, успела его продать. Я... мой король... Я искуплю! Я кровью искуплю! Я за вас глотку порву кому хотите! Только не надо, чтобы за Круглым Столом узнали, ладно? Они там и так надо мной смеются, особенно дю Лак. А теперь совсем со свету сживут... А я... вы же знаете... Что я всегда за вас был! Всегда на вашей стороне. А они... А она...

— Погоди, погоди, успокойся.

Артуру казалось, что его мозги сейчас закипят. Но если отбросить лепет, получалось следующее. Похоже, кольцо, которое они купили у Флибусты, принадлежало этому типу. Флибуста его украла. Он погнался за ней, убил, но кольца не нашел. А оно ему позарез нужно. Иначе за круглым столом все узнают, и какой-то дю Лак будет смеяться. Стоп. «Дю Лак» — это ведь по-французски? Означает то ли «у озера», то ли «из озера». Эх, вот никогда бы не догадался, что школьный французский пригодится. Знал бы — учил бы лучше... Короче, что-то там связанное с озером. Озерный... Озерный край? Нет, это не край, это человек. Стой! Ну конечно. Не круглый стол, а Круглый Стол... Ланселот Озерный! Ланселот дю Лак! А Артур — король Артур? Неужели? У них тут ролевая игра такая? Вот ведь психи! Мутантов с аномалиями им не хватает!

Сердце у Артура колотилось где-то под горлом, мешая дышать, желудок скрутился в тугой жгут. Однако ни в коем случае нельзя было подавать виду, что волнуешься и боишься. Король должен держаться по-королевски.

— Так, — выдохнул он. — Теперь слушай меня. Первое — никто в Камелоте не должен знать, что я здесь.

Про Камелот был выстрел наугад. Просто Артур предположил, что если уж эти психи отыграли Круглый Стол, то и Камелот — легендарную столицу короля Артура — они обязаны отыграть. И не ошибся. Меченосец кивнул с важностью, как будто так и надо.

— Второе — больше сюда ни шагу. Держись в стороне. Проблему я твою решу сам.

Меченосец снова кивнул, и в глазах его загорелась надежда.

«Так, кажется, ты обещал за меня кому угодно глотку порвать, — подумал Артур. — Пока нам это без надобности, но... чем черт не шутит!»

— Третье — дай мне свой адрес, чтобы я мог с тобой связаться при необходимости.

— Мой король, у вас же он есть!

— Дома есть. Но не с собой, — тут же нашелся Артур с ответом. — Я-то помню, что в Зоне любую вещь могут увести, в том числе и ПДА.

Меченосец заметно покраснел.

— Простите, мой король.

— Ладно, не тушуйся. Как говорят, за одного битого двух небитых дают... Напомни адрес.

— Ивэйн-один-ноль.

— Хорошо, Ивэйн. А теперь сгинь с глаз моих и не показывайся, пока не позову.

Меченосец послушно растворился в темноте.

Некоторое время Артур сидел у потухшего костра, потом встал и пошел в здание. При ходьбе он чувствовал, как у него трясутся поджилки.

2

Они стучали в дверь.

— Координатор! Выходи! Разговор есть! — Гоголь вышел, сладко зевая.

— Что орете, фримены? Ночь на дворе.

На самом деле он быстро оценил обстановку. Здесь были Ванька Пес, Сеня Бешеный, Толик Сверло и Игореша Глазастик. Все четверо — отъявленные смутьяны и скандалисты. Пришли права качать. Не остановятся ни перед чем.

«С четверыми мне не справиться, — подумал Гоголь. — И они это знают. Ладно, попробуем решить дело миром».

— Что вам угодно господа? — спросил он, посерьезнев.

— Нам угодно знать, с каких пор Совет Координаторов лижет задницу «Долгу» и как долго он намерен это делать? — сурово отвечал Ванька.

— А вы где-то здесь видите Совет Координаторов? — вежливо поинтересовался Гоголь. — Боюсь, я его не вижу.

— Вот именно! — поддакнул Сеня. — Вот мы и спрашиваем, с какой стати ты принимаешь решения за весь Совет?

— С той стати, что я — единственный, кто может сейчас принимать решения, — спокойно отвечал Гоголь. — Остальные координаторы находятся вне действия прямой связи и не могут присоединиться к нам. Произошло ли это в результате стечения обстоятельств или по собственной воле Координаторов, мне не ведомо. Если у вас есть претензии к моим решениям, оспаривайте их, но по протоколу, а не явившись мне под окна среди ночи, как обыкновенные гопники.

— У нас есть претензии. — Ванька не собирался сдаваться просто так. — Нам не нравятся твои решения. «Долг» уже пошел машины у нас отбирать. Ты — предатель, Координатор. Ты продался «Долгу». Ты будешь низложен. Можешь защищать свою честь в поединке, можешь бежать. Но больше ты не один из нас.

— Клянусь, мне тошно разговаривать с вами, — ответил Гоголь, усмехаясь. — У вас нет ни рассудка, ни памяти. Удивляюсь, как это ваши мамы отпустили вас в море! В море! Это вы-то джентльмены удачи? Уж лучше бы вы стали портными...

Заговорщики переглянулись.

— Он бредит? — боязливо спросил Сеня. — Может, пьяный? Или грибочков переел?

— По-моему, я это где-то слышал, — высказал предположение Игорек. — Или читал. В какой-то книжке...

— О, среди нас есть юные книголюбы! — продолжал потешаться Гоголь. — Приятно слышать. Ты прав, мальчик. Это «Остров сокровищ». Великая книга! Припоминаешь, о чем там речь? Ну, не трудись. Я тебе расскажу. Компания... э-э-э... честных пиратов хочет найти клад капитана Флинта. Но карта клада в руках у жадного сквайра Трелони и циничного доктора Ливси. Что делать? Предводитель пиратов — отважный и одноногий Сильвер, один из бывших соратников капитана Флинта — придумывает хитрый план. Пираты нанимаются матросами на корабль, который купили Трелони и Ливси, и таким образом попадают на остров, где зарыт клад.

— Ты нам, Гоголь, зубы не заговаривай, — проворчал Ванька. — И не намекай, какой ты весь из себя культурный перед нами. Есть что сказать, говори прямо, не юли.

— Что вы, что вы, никаких намеков! — Гоголь лучезарно улыбнулся. — Я просто пытаюсь обосновать свою позицию литературными примерами. Погоняло обязывает, знаете ли.

— Да пусть болтает, — вступил в разговор Сеня. — Интересно же, че?

— О, я рад, что заронил в ваши души интерес к великой литературе. И обещаю вам, скоро вы поймете, что эта история поисков золота имеет к нам непосредственное отношение... Итак, корабль прибывает на остров. Пираты поднимают мятеж. Но сразу одолеть команду им не удастся, и после ряда приключений они находят укрытие в старом форте на холме. Они берут в плен одного из подручных сквайра — юнгу Джима. Пираты хотят убить его. Но Сильвер вступает за мальчика. Пираты недовольны — им кажется, что Сильвер предал их интересы. И они посылают ему черную метку в знак того, что он низложен. Сильвер требует, чтобы ему сказали, чем он так не угодил. И вот что он услышал в ответ. — Гоголь потер лоб, вспоминая слова, и начал говорить, как будто читал стоявшую перед ним книгу: — «Не бойся, обычаев мы не нарушим. Мы хотим действовать честно. Вот тебе наши обвинения. Во-первых, ты провалил все дело. У тебя не хватит дерзости возражать против этого. Во-вторых, ты позволил нашим врагам уйти, хотя здесь они были в настоящей ловушке. Зачем они хотели уйти? Не знаю. Но ясно, что они зачем-то хотели уйти. В-

третьих, ты запретил нам преследовать их. О, мы тебя видим насквозь, Джон Сильвер! Ты ведешь двойную игру. В-четвертых, ты заступился за этого мальчишку...»

— Вот именно, координатор, — мрачно сказал Ванька. — Все так и есть. Ты сам перечислил свои преступления. И тебе, и твоему Сильверу не удастся выкрутиться!

— Но Сильвер и не пытается выкрутиться, — возразил Гоголь. — Он отвечает им честь по чести. «Теперь послушайте, что я отвечу на эти четыре пункта. Я буду отвечать по порядку. Вы говорите, что я провалил все дело? Но ведь вы знаете, чего я хотел. Если бы вы послушались меня, мы все теперь находились бы на „Испаньоле“, целые и невредимые, и золото лежало бы в трюме, клянусь громом! А кто мне помешал? Кто меня торопил и подталкивал — меня, вашего законного капитана? Кто прислал мне черную метку в первый же день нашего прибытия на остров и начал всю эту дьявольскую пляску? Прекрасная пляска — я пляшу вместе с вами, — в ней такие же коленца, какие выкидывают те плясуны, что болтаются в лондонской петле. А кто все начал? Эндерсон, Хендс и ты, Джордж Мерри. Из этих смутьянов ты один остался в живых. И у тебя хватает наглости лезть в капитаны! У тебя, погубившего чуть не всю нашу шайку! Нет, из этого не выйдет ни черта!.. Это пункт первый! Остальные тоже хороши. Вы говорите, что наше дело пропащее. Клянусь громом, вы даже не подозреваете, как оно плохо! Мы так близко от виселицы, что шея моя уже коченеет от петли. Так и вижу, как болтаемся мы в железных оковах, а над нами кружат вороны. Моряки показывают на нас пальцами во время прилива. „Кто это?“ — спрашивает один. „Это Джон Сильвер. Я хорошо его знал“, — отвечает другой. Ветер качает повешенных и разносит звон цепей. Вот что грозит каждому из нас из-за Джорджа Мерри, Хендса, Эндерсона и других идиотов! Затем, черт подери, вас интересует пункт четвертый — вот этот мальчишка. Да ведь он заложник, понимаете? Неужели мы должны уничтожить заложника? Он, быть может, последняя наша надежда. Убить этого мальчишку? Нет, мои милые, не стану его убивать. Впрочем, я еще не ответил по третьему пункту. Отлично, извольте, отвечу. Может быть, вы ни во что не ставите ежедневные визиты доктора, доктора, окончившего колледж? Твоему продырявленному черепу, Джон, уже не надобен доктор? А ты, Джордж Мерри, которого каждые шесть часов трясет лихорадка, у которого глаза желтые, как лимон, ты не хочешь лечиться у доктора? Быть может, вы не знаете, что сюда скоро должен прийти второй корабль на помощь? Однако он скоро придет. Вот когда вам пригодится заложник. Затем пункт второй: вы обвиняете меня в том, что я заключил договор. Да ведь вы сами на коленях умоляли меня заключить его. Вы ползали на коленях, вы малодушничали, вы боялись умереть с голоду... Но все это пустяки. Поглядите — вот ради чего я заключил договор!» И Сильвер бросил на пол карту, на которой было указано место с сокровищами...

— Похоже, это и впрямь хорошая книга, Координатор, — произнес Ванька с издевкой. — Но ты обещал сказать, какое отношение все эти красивые словеса имеют к нам. И поторопись, мое терпение на исходе.

— Мне грустно слышать это, Иван, — ответил Гоголь. — Терпение — важнейшее качество для охотника и вообще для человека, который хочет чего-то добиться в жизни. Но раз твое терпение еще так несовершенно, я не стану больше его испытывать. Итак! Когда я заключал договор, мы были в безнадежном положении — разрозненны и фактически беспомощны перед лицом наступающих монстров. Разве я виноват, что васхватило только на то, чтобы расползтись по укрытиям и отстреливаться, в то время как люди Роте оказались способны на организованное сопротивление? Или я должен был дожидаться, пока у вас кончатся патроны, и монстры доберутся до вас? Это больше пристало бы Координатору? Нет, в сложившихся обстоятельствах союз с «Долгом» был лучшей — нет, единственной! — возможностью спасти фрименов от полного истребления... Дальше — что мы получили в результате этого союза?.. Мы получили Припять, причем «долговцы» помогают нам ее обустроить. Я слышал, они собираются запустить водонапорную станцию. Кто из вас против, чтобы из крана вода лилась сама собой и ее не приходилось таскать ведрами?

— Но они отобрали у нас машины, — напомнил Сеня. — Сказали, что завтра отправляются на север...

— Так это же отлично! — произнес Гоголь. — Они сами дают нам повод разорвать договор. Теперь слушайте меня! Сейчас вы обойдете всех фрименов и скажете, что завтра мы берем власть в свои руки. Как только они увидят, что тучи разошлись и засияло Солнце, пусть арестуют оставшихся в городе «долговцев». А мы с вами наведаемся в Дворец культуры и арестуем сотника Ханкилдеева. Генерал наверняка оставит его за главного.

— Хм! — Ванька сразу понизил тон. — А ведь Координатор дело говорит, мужики! Только что это за сигнал «когда тучи разошлись»? Они по твоему приказу разойдутся, что ли?

— А вот это самое главное, — Гоголь перешел на доверительный шепот. — Дело в том, ребята, что сегодня я имел разговор с человеком из «Солнцестояния». Ну тихо, тихо, — он сделал упреждающий знак фрименам, которые удивленно загомонили. — Можете мне не верить, но завтра сами убедитесь. И как только Припять будет наша, мы отправимся на сходку — заключать союз с «Солнцестоянием»... Теперь все удовлетворены? Претензий больше нет?

— Смотри, Координатор, обманешь, лучше сам застрелись, — посулил на прощание Ванька.

— «Милый друг, придется тебе подождать до другого случая, — ответил ему Гоголь. — Счастье твое, что я не помню худого. Сердце у меня отходчивое».

Когда дверь за заговорщиками закрылась, Координатор «Свободы» вздохнул, потянулся и печально произнес заключительные слова той самой главы «Острова сокровищ», которую столь обильно цитировал:

— «Я долго не мог сомкнуть глаз. Я думал о человеке, которого убил, о своем опасном положении и прежде всего о той замечательной игре, которую вел Сильвер, одной рукой удерживавший шайку разбойников, а другой хватавшийся за всякое возможное и невозможное средство, чтобы спасти свою ничтожную жизнь. Он мирно спал и громко храпел. И все же сердце у меня сжималось от жалости, когда я глядел на него и думал, какими опасностями он окружен и какая позорная смерть ожидает его...»

3

— Есть! Боря, есть сигнал! Боря! — Алексей Румянцев завопил так, что Борис Витицкий подскочил в кресле.

Впрочем, бывший сталкер по прозвищу Молния тут же поднялся на ноги и перешел к компьютеру, за которым сидел друг.

— Есть! — Алекс ерзал от возбуждения. — Ясно и четко! Это на севере!

— Локализуешь скорее! Что сидишь?

— Пошла, родная! — Алекс заколотил по сенсорной доске. — Ого! Приоритетный допуск! Идет обмен данными. Перехватываю.

— Выводи на экран!

По монитору поплыли столбики формул. Друзья в изумлении уставились на них.

— Ну это ж ни фиги ж себе! — произнес наконец Алекс. — Неактивная вероятностная бомба. Прямо под Саркофагом.

— Неудивительно, что альты всполошились, — произнес Борис мрачно. — А мы с тобой два идиота.

— Это еще почему?

— Потому что это наша экспедиция, черт бы ее побрал. Проклятущая «Норд Ривер»! Так нас подставить...

— Передача закончилась, — подытожил Алекс мрачно. — Теперь альты все знают. Нужно связаться с Плюмбумом.

— Уже! — Боря сидел за соседним компьютером и отстукивал:

«Виктор, ты где?»

«В пути», — пришел лаконичный ответ.

«У нас новости», — отстучал Боря.

«???»

«Мы только что перехватили передачу альта от Саркофага. Крупный альт. Шишка. Передача шла с приоритетным доступом. И знаешь, что он там нашел?»

«???»

«Л-бомбу!»

«???»

«Т. наз. бомба Ллойда. Задает единственный вектор при изменении энергетического состояния континуума».

«???»

«Короче, это писец для альт. мира».

«Да, спасибо, я знаю».

«???»

«Старые друзья подсказали».

«???»

«Спасибо за информацию. Сейчас посмотрим, с чем едят крупного альта».

«Будь осторожен!»

Но Плюмбум уже отключился.

Глава 5. Даешь королевский крокей!

1

Мелкий, холодный осенний дождичек сыпался из низких серых облаков. Золотая осень в Зоне мгновенно сменилась поздней. Впрочем, Давид Роте был этим доволен — охотничьи отряды доносили, что реакции ракопауков замедлились, и даже, кажется, их панцири немного размягчились, по крайней мере пули теперь их брали без проблем. Отличная новость!

Для самого Роте охота выглядела как разновидность компьютерной игры — он сидел в кабине грузовика с унибуком на коленях и наблюдал, как по карте выбранной локации перемещаются разноцветные огоньки — значки отрядов. Костя Связист, сидевший рядом с ним, принимал донесения и быстро вносил соответствующие изменения на карту. Со стороны они выглядели, вероятно, как два обрюзгших и седых подростка, схлестнувшиеся в сетевой баталии.

— Зверобой-четыре! — кричал кто-то в наушниках у Кости. — Две рогатки на пять часов. Уходят.

— Зверобой-главный — Зверобою-три, — тут же реагировал Роте. — К вам идут две рогатки. Смотрите на одиннадцать часов.

— Зверобой-три — Зверобою-главному, — откликнулись наушники. — Есть, господин генерал! Не ушли. Обоих в лепешку.

— Зверобой-два на связи! — снова вызывали Костю. — У нас две макаки и дюжина бобиков. Требуется подкрепление.

— Зверобой-шесть! — отдавал приказ Роте. — Выдвигайтесь на двенадцать часов. Расстояние — пятьсот. Так... вторые попали в заваруху.

— Зверобой шесть — Зверобою-главному! Вас понял, господин генерал. Поехали.

— Зверобой-главный! Это Зверобой-пять! На вас идет макака! Двигается с юга на шесть часов. Будет у вас через две минуты. Как слышите? Прием!

— Зверобой-пять! Вас понял!

— Держитесь, господин генерал! Скоро будем!

Роте сунул Косте свой унибук и вытолкнул связиста из грузовика. Сам выпрыгнул следом.

— Прячься в кусты и сиди тихо!

— А? Что такое, господин генерал? — Костя, похоже, был поглощен виртуальным сражением настолько, что утратил связь с реальностью.

— Сюда ломится Кинг-Конг, — объяснил Роте. — Пятые его спугнули. Ты спасай унибуки, а я прикрою.

Деревья в ближайшей роще заходили ходуном, и Костя сразу все понял. Зажав тактические компьютеры под мышкой, он бросился к кустам.

Роте вытащил из кабины снайперскую винтовку «Рысь» и повернулся навстречу Кинг-Конгу. Гигантская обезьяна явно была напугана. Она бежала, вернее ковыляла, раскачиваясь из стороны, как пьяный моряк, по временам опиралась на руки и делала большой скачок. Давид выстрелил несколько раз, пули скользнули по бокам твари, оставив только глубокие царапины. Обезьяна остановилась, поднялась на задние лапы и яростно заревела. Давид выстрелил снова — целясь в сердце. Пуля разорвалась, оставив на груди неглубокий кратер. Обезьяна заозиралась, наконец заметила своего обидчика и припустила к нему галопом. Давид ждал, не сходя с места. Когда расстояние сократилось до десяти метров, он быстро вскинул винтовку и поймал в оптический прицел черный глаз твари. И уже собирался спустить курок, как обезьяна внезапно остановилась. Она повернула голову на север, словно услышала какой-то зов, после чего грузно повернулась и уковыляла прочь. Роте опустил винтовку, проводил чудовище взглядом.

— Вылезай, Костя, — крикнул он. — Работа не ждет!

— Господин генерал! — связист подбежал, протягивая Роте рацию. — Ханкилдеев вызывает.

— Слушаю, сотник! — Роте взял рацию. — Что случилось?.. Что?! Вот паскуда!.. А я-то старый дурак... Ладно, Николай Васильевич, покажу я тебе страшную месть.

— Что случилось, господин генерал? — с опаской спросил Костя.

— Гоголь захватил власть в Припяти, — мрачно ответил Роте. — Подлая такая натура, не мог в спину не ударить. Передавай всем отрядам: операцию сворачиваем, движемся на север. Тварей надо добить. А потом уже будем думать, как «Свободе» фитиль в задницу вставить. Есть у меня пара идей на этот счет...

2

Алина проснулась раньше всех. Взяла ведра и пошла за водой к колонке. Она ожидала, что там соберется много народу, ведь на весь город работало всего несколько колонок, и можно будет узнать новости. Однако очереди не было. Когда она возвращалась назад, ее окликнули:

— О, баба с ведрами! Это к удаче!

Алина взглянула — кричал молодой «свободовец», который шел по другой стороне улицы в компании товарищей. Что-то в этой группе показалось Алине странным. Она присмотрелась внимательнее и оторопела — шестеро «свободовцев» конвоировали трех «долговцев», у которых были связаны за спиной руки. Алине очень хотелось спросить, что происходит, но она прикусила язык и заторопилась назад — к Артуру и Мышкину.

На лестнице девушка едва не столкнулась с таким же отрядом. На этот раз двое вели одного. И снова у «долговца» руки оказались связаны. Алина прижалась к стене, пропуская спускающихся людей, и увидела, как один из фрименов беззлобно, но ощутимо толкнул «долговца» с спины и сказал:

— Шагай, шагай! Кончилось ваше время.

Алина опрометью бросилась в квартиру, едва не разлив всю воду, которую несла.

Мужчинам ее наблюдения и выводы тоже очень не понравились.

— Нужно пойти и прямо спросить, что происходит, — сказал Артур.

Он уже поднялся на ноги, но Мышкин остановил его:

— Вам, юноша, лучше остаться здесь и охранять Алину. Пойду я. Я безобидный — мне больше расскажут.

Его не было так долго, что Алина вся извелась от дурных предчувствий. Однако Семен Семенович вернулся — целый и невредимый, но очень мрачный.

— Насколько я понял, сегодня утром «Свобода» захватила власть в Припяти, пользуясь тем, что основные силы «Долга» сейчас на севере отстреливают мутантов. Поэтому, боюсь, оставаться здесь для нас теперь небезопасно. Конечно, фримены против нас конкретно ничего не имеют, но они сами не знают, какая вожака им под хвост в следующую минуту попадет. Предлагаю уходить сейчас, пока мы еще можем свободно перемещаться по городу.

— А куда пойдем? — спросил Артур.

— Вернемся в наш лагерь при Саркофаге. Там возьмем костюмы высшей защиты, оружие и попробуем вернуться по мосту на большую землю. Сдадимся на Северном Кордоне миротворцам. Если «Долг» расчистил дорогу к Саркофагу, то это самый безопасный маршрут на сегодня. Согласны?

— Согласны, Семен Семеныч, — ответила Алина за двоих. — Не люблю военных, но уж лучше общаться с ними, чем со «Свободой».

— Вот и умница, — улыбнулся Мышкин. — Берите с собой минимум — только то, что сможете унести в карманах. Если мы будем шляться по улицам с рюкзаками, это привлечет внимание.

Тут Артуру пришла в голову идея.

— Семен Семеныч, можно мне перемолвится с Алиной парой слов наедине.

— Конечно, конечно, молодые люди. — Мышкин улыбнулся. — Сколько угодно, но помните, что у нас мало времени!

— Разумеется, мы помним.

— О'кей. Пойду тогда собираться, не буду вам мешать...

— Алина, пожалуйста, выслушай меня до конца и не перебивай, — попросил Артур. — Договорились?

Алина удивилась, но выразила согласие:

— Как хочешь. Но к чему такие церемонии?

— Дело в том, что вчера я видел под окном того типа, который преследовал нас прямо от Толстого Леса.

— Вот скотина! — ругнулась девушка. — Ой, не ты, а этот псих!.. Выследил-таки! Ладно, мы все равно уходим отсюда. Заодно, надеюсь, и от него оторвемся.

— Подожди. Я вышел и поговорил с ним.

— Что?! Да ты с ума сошел! Он бы тебя на колбасу порезал!

— Подожди, — повторил Артур. — Вот он я — видишь? Живой и невредимый, на колбасу ничуть не похож. А главное — кажется, разобрался, что ему от нас надо.

— Я бы на это не рассчитывала. Душа у маньяка — потемки. Кровавые.

— Да не маньяк он. Не маньяк, а... ролевик... У них такая ролевая игра, понимаешь? Они рыцари Круглого Стола. И у всех кольца вроде того, что ты у Флибусты купила. Это было его кольцо — Флибуста его стырила. И теперь он за кольцо готов душу продать.

— И ты пообещал ему? Кольцо от Стоунхенджа?!

— Нет, нет, ну что ты. Он даже не знает, что оно у нас. Я просто пообещал ему... помочь.

— И он тебе, конечно, поверил!

— А вот тут самое невероятное, Алин. Смотри, раз они играют в Круглый Стол, они все рыцари, так? Нашего рыцаря, кстати, зовут Ивэйном.

Алина нахмурилась, вспоминая:

— Вроде... был такой.

— Да, вроде. Конечно, это не его настоящее имя. Игровой псевдоним. А главный у них, разумеется, король Артур. Так вот этот Ивэйн считает, что их Артур — это я. Видимо, мы похожи.

— Странно все это... — Алина взглянула на Артура с подозрением. — Очень странно... Ну да ладно, отбрехался и хорошо. Сейчас-то ты что хочешь мне сказать?

— Я хочу его вызвать, чтобы он нас охранял. Семен Семеныч — отличный мужик, но не боец. А этот, ты сама видела, качок. Он и от десятка «свободовцев» запросто отмахнется.

— Ты точно спятил! А нас от него кто охранять будет?

Артур вздохнул. Так и знал, что Алина упрется.

— Послушай, для нас он безопасен. Он считает меня своим королем. И он мне благодарен за понимание. Если вы мне немного подыграете, все будет нормально. А сильный защитник нам нужен. Кто знает, может, Роте не освободил дорогу от тварей.

— По-моему, тут больше риска, чем пользы. Я против.

— Алина!

— Я против. Если хочешь, можешь вызвать его. Но тогда пойдете отдельно. Я доверяю Семену Семенычу, но не доверяю типу, который дважды пытался меня убить.

— А мне?

— Что?

— Мне ты доверяешь?

— Не надо задавать таких вопросов, — медленно сказала Алина. — Особенно сейчас. Потому что тебе может не понравиться ответ.

— Что? — Артур ошеломленно уставился на нее. — Ты это... серьезно?

— Да. И с каждой секундой я доверяю тебе все меньше, — отчеканила Алина. — И чем дольше будет продолжаться этот разговор, тем меньше доверия у меня останется. Поэтому давай замнем!

— Алина!

— Замнем. Семен Семеныч, мы готовы!

— Отлично, Алиночка, выдвигаемся.

Алина испытующе взглянула на Артура:

— Ну? Ты идешь?

— Иду, — понуро сказал молодой физик. — Но ты не права.

Девушка пожала плечами.

— Только не коси под мою маму! Тебе это не идет. Пошли! Или будем до вечера здесь препираться?

Когда они спустились во двор, Артур достал ПДА — якобы для того, чтобы свериться с картой «Длани». На самом деле он быстро набил послание Ивэйн. «Ухожу из города на север по проспекту Строителей. Со мной девушка и пожилой мужчина. Они не знают, кто я. Постарайся следовать за нами незаметно и обеспечить безопасный отход. Артур».

Семен Семеныч предложил двигаться не по главной улице, а срезать путь дворами. В Припяти это было удобно — дома здесь стояли свободно, и когда обваливались, всегда оставалось место, чтобы пройти. Артур было забеспокоился — как их найдет Ивэйн? — потом решил положиться на судьбу.

Они обошли с востока главную площадь, увидели издали причалы, полузатонувший дебаркадер и пустой «скелет» знаменитого кафе на берегу реки Припяти. Потом свернули к северу. Шли быстро, не разговаривая, старались поменьше озираться по сторонам и вообще держаться как можно неприметнее.

И поначалу им все удавалось. Без приключений прошли мимо Дома допризывников и спорткомплекса, пересекли улицу Гидропроектную, миновали бывшую «Пирожковую», которую можно было узнать по покосившейся вывеске, школу и детский сад. Периодически на пути им попадались «свободовцы», но все они были заняты своими делами и на путников не обращали внимания. Однако на проспекте Строителей счастье путешественникам изменило. Их задержал патруль.

— Простите, с кем имею честь? Позвольте ваши документы, граждане, — командир патруля с нашивкой стража «Свободы» на груди комбинезона явно пытался подражать Гоголю.

Алина, Артур и Мышкин по очереди представились.

— Так, так... Замечательно... И что мы тут делаем?

— Мы ученые из группы, которая исследовала Саркофаг, — смиренно ответил Мышкин. — Там, у Саркофага, наш лагерь. Нас насильно перевезли сюда бойцы «Долга». Теперь мы возвращаемся в свой лагерь, чтобы забрать оборудование.

— Очень жаль, но вынужден вам это запретить. Припать на военном положении.

— Именно потому что город на военном положении, мы и хотим уйти, — настаивал Мышкин. — Мы не участвуем в вашей войне.

— И все же у меня есть приказ — задерживать всех, кто пытается покинуть город.

— Но на каком основании? Мы не представляем опасности для «Свободы», мы не собираемся примкнуть к «Долгу». Мы просто хотим вернуться в свой лагерь.

Двое патрульных переминались с ноги на ногу. На их лицах читалось, как в открытой книге: «Кончай тянуть резину, командир. Брось этих шизиков. Пускай проваливаются».

— Это для вашей же безопасности! — воззвал «свободовец».

— Не могу с вами согласиться, — возразил Мышкин. — Мы взрослые люди и способны сами отвечать за свою безопасность.

Командир засомневался, но, видимо, ему не хотелось потерять лицо перед подчиненными.

— Ладно, — грубо сказал он. — Хватит мне зубы заговаривать. Давай в штаб, там разберемся.

И вдруг один из «свободовцев» охнул, схватившись за грудь, и осел на асфальт. За его спиной стоял Ивэйн и вытаскивал из тела убитого свой меч.

Второй патрульный повернулся, вскинул автомат, но Ивэйн почти без замаха полоснул его лезвием по горлу.

— Бегите, мой король! — закричал он. — Я задержу их!

Как развивались события дальше Артур, Алина и Мышкин не увидели — они бросились бежать в ближайшую подворотню. Сзади застучали автоматы. Потом, убедившись, что их не преследуют, ученые перешли на шаг.

— Ну ты упрямый осел! — Алина в ярости стукнула Артура кулаком в плечо. — Я же тебе говорила: не делай. Или делай, но без меня. Я что, по-твоему, с воздухом разговаривала?!

— Не кричи, пожалуйста, — Артур обиделся. — Я же был прав. Все кончилось хорошо.

— Ничего еще не кончилось! — буркнула Алина.

— Вы правы, Алиночка, — мягко сказал Мышкин. — Ничего еще не кончилось. Поэтому не надо ссориться. Успеете наверстать потом, за Периметром. Если забудете, на чем остановились, я, так уж и быть, напомню...

Тут из ближайшего переулка с грохотом вырулил БТР и затормозил прямо перед оторопевшими путешественниками. Передний люк открылся, и из кабины вынырнул «долговец» Грач.

— Карета подана! — воскликнул он с улыбкой. — Никто не хочет прокатиться?

— Ой, Никита, — возликовала Алина. — Ты просто рыцарь на белом коне!

— Да я сразу о вас подумал, когда все это началось, — ответил смущенный юноша. — Поехал к вам, смотрю: а вас нет. Решил, что будете уходить из Припяти. Ну и догнал.

— Мой король! — из-за поворота показался Ивэйн с окровавленным мечом в руке. Добежал, встал чуть поодаль, переводя дыхание.

— Все в порядке, мой король! Погони нет.

— Спасибо, — искренне сказал Артур. — Никита, найдется у тебя еще одно место?

— Да ты что! — возмутилась Алина. — И думать не смей!

— Дура! — сорвался Артур. — Я же его сам позвал! Что же мне его теперь — бросать?!

— Оставайся с ним, раз сам позвал!

— Да поместитесь вы все, — миролюбиво сказал Грач. — Никого не бросим. Всех увезем! Залезайте быстрее.

Алина демонстративно уселась на переднее сиденье рядом с Никитой. Трое мужчин уместились сзади.

— Теперь держитесь крепче, — посоветовал «долговец». — Попробуем сходу проскочить блокпост.

Однако выбраться из города им удалось без особого труда. «Свободовцы» даже не удосужились завалить мешками трассу. Только опустили шлагбаум, который бронетранспортер сбил одним ударом. Охранявшие блокпост свободовцы выскочили на дорогу с автоматами, постреляли вслед, но пули не причинили беглецам ни малейшего вреда.

Давид Роте встретился в Ханкилдеевым и теми немногими бойцами, которым удалось избежать ареста. Быстро выслушал донесения, велел обустраиваться и поднялся на холм с биноклем, чтобы оценить обстановку. Верный сотник последовал за ним.

Генерал взглянул на юг, в сторону Припяти, на восток — тихо. Ни души. Даже тварей не видно, куда-то попрятались. Посмотрел на север — в сторону Саркофага и заметил в брошенном лагере ученых двух человек. Повернул рычажок электронного увеличения — картинка скачком приблизилась. И замер, перестав дышать. Эти заплетенные во множество косичек светлые волосы он узнал сразу, хоть и не видел их больше десяти лет.

— Даже прическу не поменяла, — пробормотал он. — Вот растяпа, все ей нипочем.

И вдруг широко улыбнулся и под взглядом изумленного сотника продекламировал:

Die schönste Jungfrau sitzt
Dort oben wunderbar;
Ihr goldnes Geschmeide blitzet,
Sie kdmmt ihrgoldenes Haar.⁵

Потом лицо генерала затвердело. Он оторвался от бинокля и крикнул:

— Ханкилдеев!

— Слушаю, господин генерал!

— Ты вот что, сотник, — Роте потер подбородок. — Собирай командиров отрядов. Мы выступаем к Саркофагу. Новый лагерь будет там...

3

Лета-Мнемозина была отличной помощницей. Одного она не могла сделать — мгновенно перенести его на пять километров над Зоной, к Саркофагу. Этот путь Плюмбум должен был проделать на своих двоих. В любом случае со знаниями, накопленными Летой-Мнемозиной, в голове бежать было куда легче и проще, чем с картами «Длани» на ПДА, детекторами аномалий на поясе и мешком гаек в руке. Река загробного мира действительно давала невероятную власть — хотя бы над аномальными территориями...

Когда Плюмбум шагнул в ржавый ручей, снял перчатку и зачерпнул воду в ладонь, он опасался, что его захлестнет каскадом образов, как тогда у Стоунхенджа. Но ничего подобного не произошло. Голова враз опустела и стало почему-то очень стыдно. А потом он услышал голос — серьезный мужской баритон, который то начинал говорить очень быстро, сглатывая окончания слов, то, наоборот, приобретал торжественную медлительность диктора Гостелерадио, сообщающего населению об очередных победах над урожаем. Сначала Плюмбум не мог проникнуть в смысл слов, словно невидимая пленка мешала, но затем она порвалась, и он обнаружил, что голос пересказывает подробности его собственной биографии, причем не забывает упомянуть самые интимные и самые нелицеприятные моменты.

«Стой!» — мысленно крикнул Плюмбум.

⁵ Над страшною высотой
Девушка дивной красы
Одеждой блестит золотою,
Играет златом косы.
Генрих Гейне

Голос затих.

«Ты... ты... Лета?.. То есть Мнемозина?..»

«Я — это ты, — отозвался внутренний собеседник. — Виктор Николаевич Свинцов».

«Но как же?..»

Плюмбум остановился. Он понял, что это самый верный ответ. Лета-Мнемозина отдала ему накопленные знания, но распорядиться ими он должен был сам, без помощи архианомалии. И он сам должен был задавать вопросы и сам отвечать на них. И Плюмбум начал учиться общению с самим собой — более мудрым, более опытным, более проницательным.

Проще всего было облекать это общение в форму диалога: вопрос-ответ, вопрос-ответ, вопрос-ответ. Но очень быстро Плюмбум убедился, что четко формулировать вопросы совсем не обязательно. Лета-Мнемозина — он продолжал называть свою вторую личность именно так — понимала его с полуслова, даже подхватывала и развивала мысль. А иногда отвечала на невысказанный вопрос. Правда, в последнем случае она не упускала возможность подтрунить над Виктором. Или же сделать какое-нибудь умозаключение, подвести черту.

У Плюмбума накопилось столько вопросов к мирозданию, что он даже не мог с ходу определить, какие из них важные, а какие второстепенные. Поэтому решил задавать их по мере необходимости, ведь время поджимало, в Зоне творилось черт знает что, альты вышли на тропу войны, а остановить их было некому. Но сначала он выяснил, где Алина. Откликнулся «диктор»:

«Алина Пыхало находится в Припяти, на территории временной дислокации группировок „Долг“ и „Свобода“».

«Все-таки сорвалась в Зону, паршивая девчонка!»

«Диктора» мгновенно сменил «болтун»:

«Зона для нее — жизнь, Плюмбум. Как, впрочем, и для тебя. Стоит ли удивляться такому совпадению интересов?»

«Зачем она пришла в Зону?»

«За кольцом альтов. Ей тоже хочется проникнуть на другие уровни Зоны. Многим бы захотелось. Только цели у вас разные».

Да, альты были главной проблемой дня, и Плюмбум попросил свое второе «я» помочь проникнуть в их мир. Он полагал, что это займет у него много времени, но на самом деле волшебная река располагала подробной информацией и о том, как работает система субпространств, созданная альтами. То, что сотрудники лаборатории Серебрякова определяли на ощупь, Лета-Мнемозина знала наверняка. Проникнуть в ближайшие субпространства можно было через любую достаточно мощную аномалию, имея под рукой определенный набор артефактов. А уж собрать нужные артефакты с таким помощником не составило особого труда.

Плюмбум провел во вселенной альтов всего несколько минут. Но и этих минут ему хватило, чтобы понять: с ними не удастся договориться. Альты живут в чудесном мире, в котором чудовища истреблены, болезни побеждены, войны ушли в прошлое. Мечта! Утопия! Но это был и страшный мир, потому что альты не понимали, что сами они — больные воинственные чудовища. Лета-Мнемозина согласилась с Виктором голосом «болтуна»:

«Альты думают, что свободны. Но у них есть сервы-рабы. Выходит, свобода — абстракция, смысла которой они не осознают. И на самом деле все еще хуже. Они сжигают в движителях Тесла вероятности. А ведь только вероятности и дают нам возможность выбора. Незаметно для самих себя альты превращаются в сервов, жизнь которых предопределена, а свобода выбора — лишь иллюзия. Они уже обречены, но готовы оттянуть неизбежный конец, высасывая соки из других миров — из нашего мира, Плюмбум...»

Виктор вернулся в Зону, когда уже рассвело. Упал на траву, открыл шлем защитного костюма. Яркое светило солнце, что было большой редкостью — на него даже больно было смотреть. Вокруг было необычайно тихо, словно и не аномальные территории вокруг, а обычный лес где-нибудь под Рузой.

Тут пришло сообщение на ПДА. Плюмбум посмотрел на экран. Борис Витицкий писал: «Виктор, где ты?». Плюмбум подумал и ответил уклончиво: «В пути». Тогда Боря рассказал ему о Л-бомбе.

«Что такое Л-бомба?» — спросил Плюмбум.

«Бомба Ллойда, — отозвалась Лета-Мнемозина голосом „диктора“. — Передовая разработка Калифорнийского института пси-исследований имени Эдгара Кейси. Назначение бомбы — приведение вариационного пучка к исходному состоянию. В основу действия положен эффект Сета Ллойда. Профессор Сет Ллойд из Массачусетского технологического института поставил в 2011 году мысленный эксперимент. Представьте, писал он, что вам нужно передать неизвестное квантовое состояние между двумя сторонами, используя пару запутанных частиц, переправку классической информации и унитарное преобразование на стороне...»

«Стой! — крикнул мысленно Плюмбум. — Ты можешь объяснить проще?»

Лета-Мнемозина переключилась на голос «болтуна»:

«Ллойд разрешил временные парадоксы и показал, что природа Вселенной не дает нарушить причинно-следственные связи. Приведем упрощенный гипотетический пример. Допустим, некто, имеющий доступ к машине времени, решает отправить в прошлое доказательство теоремы Ферма. Он берет его из учебника, записывает и отправляет математику, живущему до того момента, когда теорема Ферма была доказана. Математик публикует доказательство, и оно попадает в учебник, из которого его и позаимствовали для отправки в прошлое. Внимание, вопрос! Откуда взялось доказательство теоремы Ферма?»

«Откуда взялось доказательство?»

«Ллойд нашел ответ. Все возможные доказательства теоремы Ферма содержатся в этой посылке через время. Какое из них станет единственным, не может сказать ни отправитель, ни получатель. Представь себе натянутую струну. Ее коснулись пальцем — она дрожит, занимая самые разные положения, колеблется вокруг состояния равновесия. Вариационный пучок подобен этой струне. Мир колеблется вокруг точки равновесия, занимая разные положения в многомерном пространстве вероятностей. А потом кто-то останавливает струну».

«Кто?»

«Наш выбор, Плюмбум. Он останавливает струну. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно, ежесекундно. А бомба Ллойда позволяет сделать новый выбор».

«И что это дает? В чем ее опасность?»

«Бомба Ллойда рассчитана на одного человека — оператора. За начало и конец отсчета берется вся его жизнь. Рождение и смерть оператора — это точки, в которых закреплена струна, а бомба Ллойда восстанавливает весь вариационный пучок, все возможные варианты его жизни. И позволяет сделать выбор — остановить дрожание в другом месте. Но человек не живет в безвоздушном пространстве. Если изменится его жизнь, изменится и окружающая его реальность. История пойдет другим путем».

«Значит, можно будет выбрать реальность без Чернобыльской катастрофы? Без Зоны отчуждения? Без О-Сознания? Без вторжения альтов?»

«Совершенно верно».

«Так вот какую штуку приволокла в Зону Райка! Но зачем?»

«Л-Бомбу можно инициировать без оператора. Но тогда поблизости нужен объект, историю которого бомба изменит. Ким Райка привезла бомбу для того, чтобы шантажировать альтов. Они стали слишком активно вмешиваться в жизнь Зоны, и было решено положить этому конец».

«Альт... тот, который сейчас у Саркофага... Он знает о Л-бомбе и ее назначении?»

«Знает».

«Что он предпримет?»

«Он говорит, что желает договориться. Но сделает все, чтобы уничтожить Л-бомбу».

«Его можно остановить?»

«Можно, Плюмбум. Но тебе следует поторопиться. Скоро придет армия мутантов».

Виктор вскочил на ноги, расстегнул и сбросил пояс с контейнерами, потом снял баллон с воздушной смесью и шлем, оставил их на траве. Все это больше не понадобится.

«Я готов», — зачем-то сообщил он Лете-Мнемозине.
И побежал.

* * *

Когда до научного лагеря «Норд Ривер» оставалось двести метров, Виктор перешел на шаг. Небо быстро затягивали тучи, и пейзаж рядом с Саркофагом снова приобрел мрачный апокалипсический вид.

Еще издали сталкер увидел, что у фургона с «Омегой»... Л-Бомбой находятся двое — Ким Райка и некто в костюме с экзоскелетом. Ясно, что второй — это «шишка» альтов.

«Кто он?» — спросил Плюмбум.

«Артур», — ответила Лета-Мнемозина.

«Артур?!»

«Наследник энергетической империи Пендрагонов из Страны Логр, основатель игрового клуба „Мир Зоны“, глава Круглого Стола».

«О чем они говорят?»

«Информации нет. Требуется обновление».

«Так... Но о чем они могут говорить? Ты же предсказываешь, анализируешь...»

«Артур будет утверждать, что деятельность альтов в мире-отражении носит исключительно гуманитарный характер, способствует прогрессу и процветанию всех народов Земли...»

«Слова, знакомые до боли! Что такое мир-отражение?»

«Они считают нашу Вселенную зависимым миром, а свою — истинным...»

«Это не так?»

«Миры равноценны. Но наш богаче вариациями».

Плюмбум подумал, что знает, чем прошибить альта.

— Ким! — громко позвал он, приближаясь к лагерю. — Не слушайте этого негодяя. Он не считает нас за людей, мы для него отражения...

Двое прервали разговор и повернулись на голос. Плюмбум взглянул на альта и споткнулся на ровном месте. Узнавание пришло мгновенно. Артур! Подонок! Мразь! Предатель! Ты всегда был рядом, клеил Алину, мы тебе доверяли, а ты, оказывается, с самого начала был на стороне врагов... Но как ты мог ошибиться, Плюмбум? Как умудрился не разглядеть мерзавца под маской благопристойности? Старый, что ли, стал? Нюх потерял?..

У Плюмбума не было оружия. И у него оставался единственный шанс — прыгнуть, повалить, втоптать. Он шагнул вперед, но Артур словно прочитал его мысли, вскинул автомат и сделал всего один выстрел.

Пуля ударила в грудь и швырнула сталкера на землю. Боль захлестнула, сознание помутилось. Из раны тут же потекла кровь. И все же Плюмбум упорно пытался встать, скреб руками землю, подгибал ноги.

Артур медленно двинулся к нему, чтобы посмотреть, кто бросил вызов Пендрагону. И, конечно, выпустил из виду Ким. За что немедленно поплатился — с изяществом бизона шведская профессорша подсекла его, повалила, вырвала из рук и отбросила в сторону автомат. А следующим движением вытащила «ЗИГ-Зауэр», приставила холодный ствол ко лбу Артура и произнесла сквозь зубы:

— Договаривающиеся стороны к взаимопониманию не пришли.

К лагерю на огромной скорости подлетел бронетранспортер. Остановился. Наружу полезли люди. И Ким с огромным изумлением увидела, что прямо к ней бежит еще один Артур — правда, одетый не в экзоскелет, а в обычный джинсовый костюм, в каких ходит половина молодежи на Большой земле. За ним следовала светловолосая девушка, которая сразу наклонилась к Плюмбуму.

— Дядя Витя! — закричала она. — Ты ранен!

На этот раз альт воспользовался замешательством Ким. Он ухватил ее за запястье и начал выворачивать его. Может быть, при прочих равных он не смог бы заставить шведку отдать пистолет, но искусственные мышцы экзоскелета значительно усиливали хватку. Райка застонала и выпустила оружие. Артур ударил ее ногой, перевернулся и снова овладел своим автоматом. Подняв ствол в зенит, дал три выстрела подряд. Все застыли.

Артур огляделся. Рядом, чуть отпрянув, сидела Ким Райка — смотрела со смесью презрения и ненависти. На земле корчился сталкер, который сорвал ему переговоры. Над ним стояли трое — девица, какой-то парень из местных и...

— Ивэйн! — позвал Артур обрадовано. — Ты ли это, мой рыцарь?

Ивэйн явно растерялся. Он посмотрел на Артура, потом на местного парня, на Артура и снова на парня.

— Подойди же, Ивэйн! Мне нужна твоя помощь.

Рыцарь неуверенно приблизился.

— Король? — спросил он.

— Ты не узнал меня, Ивэйн. Это же я, Артур, твой благодетель. Извини, что приходится напоминать тебе об этом, но мы должны действовать заодно.

— А кто тогда он? — Ивэйн ткнул в местного парня.

Артур взглянул и почувствовал, как комок подкатил к горлу.

— Ивэйн, прошу тебя, поддержи эту бабу! Я должен разобраться...

— Будет исполнено, мой король.

Тут со стороны бронетранспортера появился еще один сталкер — в черном комбинезоне «Долга».

— Эй, что у вас происходит?! — громко и требовательно спросил он.

Артур выстрелил в его сторону. Сталкер отшатнулся, отбежал за свою машину.

— Оставайся там, боец! — крикнул Пендрагон-младший. — Иначе я здесь всех положу!

Он приблизился к хмурому парню.

— Принц и нищий, — раздумчиво произнес Артур. — Какая драма! Ты тоже Артур?.. Мое отражение. Когда-то я мечтал встретиться с тобой, Артур. Но это было давно. Как тебе здесь живется?

— Нормально, — буркнул двойник, насупившись. — Не жалуюсь.

— Ты обманул Ивэйна... — Пендрагон-младший покачал головой. — Это нехорошо, неприлично. А приличия надо соблюдать...

Раненый сталкер на земле выплюнул кровавый сгусток и с трудом, тяжело дыша, произнес:

— Ты никогда не соблюдал приличия, Артур... Вся твоя жизнь соткана... из обмана... Ты ведь не сказал... своим соратникам... зачем нужен «Мир Зоны»?

Артуру показалось, что мир покачнулся. Неизвестный сталкер ударил его по больному месту. Пендрагон-младший нацелил на него автомат.

— Кто ты такой, чтобы бросать мне обвинение?

— Я? — сталкер раздвинул губы в подобии усмешки и сразу стал похож на скалящегося мертвеца. — Я всего лишь абориген. Местный. Для тебя — ничтожная величина. Но я тот... кто побывал в Стране Логров. И я знаю, что игра придумана... чтобы Великий Движитель... продолжал работать...

— Ты лжешь! — закричал Артур. — Местные не могут приходить в Страну Логров. Вы... вы... зависимый мир!

— Все относительно, Артур... Так учил нас... барон Айнштайн... Жители Луны тоже могут... считать, что... Земля вращается вокруг них... Что Луна — истинный мир... а Земля — зависимый... ведь именно Луна вызывает приливы... Но Луна — спутник Земли... и только спутник Земли...

— На Луне нет жителей... — пробормотал Артур растерянно.

Он уже понял, что «ничтожная величина» говорит правду. Этот сталкер побывал в Истинном мире. Иначе откуда он знает столько подробностей? И тогда... Что тогда?.. Тогда получается, что мир Зоны равноценен, что аборигены могут больше, чем любой из рыцарей Круглого Стола... больше чем он, Пендрагон-младший...

— Мой король? — окликнул его Ивэйн, подойдя и встав рядом.

— Я что тебе приказал? — зарычал на него Артур. — Держи бабу. Она больно приткая, но нам еще пригодится...

— Мой король, этот сталкер... Он, похоже, и впрямь побывал в Стране Логров.

— Побывал! И что? — огрызнулся Артур, в панике чувствуя, что утрачивает последний контроль над ситуацией.

— Но вы говорили, что это игра... Что эти люди не существуют... Что они — проект... Как монстры на уровнях Зоны... Как аномалии...

— Никогда я тебе такого не говорил! Ты сам все придумал. Ивэйн, слушайся ме...

Рассекая воздух, коротко свистнул меч.

— Повинен смерти! — четко произнес Ивэйн.

Хлынул дождь — тяжелые капли застучали по успевшей подсохнуть земле, вдали заворчал гром. Но никто не сдвинулся с места. Все зачарованно смотрели, как катится голова Артура.

— И что... толку? — спросил Плюмбум хриплым голосом. — Он оживет у вас... там... в Стране Логров...

— Пусть, — непреклонно сказал Ивэйн. — Артур обманул меня. Я убивал людей... Я убивал свободных... Я не могу простить ему этого... Я и себе не прощу...

Рыцарь выронил окровавленный меч и отошел к трейлерам.

На юге вдруг завывли тысячи глоток. И тут же застрекотали автоматы, бухнул взрыв, еще один. Все, кроме Плюмбума, посмотрели туда. Но сталкеру и не надо было видеть глазами.

«Что там происходит?» — спросил он Лету-Мнемозину.

«Информации недостаточно. Требуется обновление».

«Что там может происходить?»

«Армия мутантов из субпространств Зоны атаковала отряды „Долга“ на марше. Генерал Давид Роте и его подчиненные ведут бой. Управляет армией мутантов Ланселот. Рыцарь Круглого Стола. Бретер и интриган. Много времени проводит в Зоне. Мечтает о низложении Артура. Ты знаешь его как сталкера по прозвищу Еж».

«Сколько „Долг“ продержится?»

«Около получаса. Но Ланселот уже послал отряд мутантов к лагерю „Норд Ривер“. Они идут сюда...»

— Они идут сюда! — крикнул Никита Грач. — Нам нужно уходить, Алина! Бросаем все...

— Нет! — сказал Плюмбум.

— Дядя Витя, — девушка снова наклонилась над ним. — Как ты? Тебе плохо? Давай, я тебе помогу.

Артур встал на колени рядом с Виктором и вместе с Алиной им удалось приподнять Плюмбума за плечи и посадить его. От толчков у сталкера поплыло все перед глазами. Он видел, как его кровь стекает по защитной ткани комбинезона, смешиваясь с дождевой водой.

— У кого-нибудь есть лечащие артефакты? — спросила Алина. — Ну? Что вы стоите, как истуканы? Он умирает...

— Я не умираю, дочка. Еще поживу... Ким! — позвал он.

— Райка уже была рядом.

— Слушаю, Виктор.

— Открывайте контейнер. Мы должны взорвать бомбу Ллойда. Это наш единственный шанс.

Шведка закусила губу и отступила на шаг.

— Я не могу этого сделать!

— Черт вас побери! На холмах Давид Роте... дерется с мутантами... Но ему не выстоять. Еще несколько минут, и «Долг» будет разгромлен. Ваш друг... погибнет... А потом погибнете вы... Все умрут сегодня... Потому что альты не остановятся, пока не очистят Зону. Если вам дорог Роте... Если вам дорог сын... вы откроете контейнер...

— Но кто будет оператором?

— Я... Открывайте контейнер.

— Поздно! — крикнул Никита Грач. — Мы отрезаны от моста. Занимаем оборону!

Земля задрожала от топота множества ног. Вой, шипение, чириканье, потягивание и басовитый рев слились в одну безумную оглушительную какофонию, которую приходилось перекрикивать.

Ким приняла решение, тряхнула косичками и полезла в фургон. Она колдовала над замком всего несколько секунд, потом высунулась:

— Готово!

— Дядя Витя, что происходит? — с ужасом спросила Алина.

— Помогите мне встать. Быстрее!

Алина и Артур с двух сторон подхватили его под мышки, подняли на ноги, поволокли к фургону. В фургоне стоял большой стальной куб, увитый кабелями. В одной из сторон куба был прорезан овальный люк — словно вход в космический корабль или глубоководную субмарину. Внутри находилось кресло, над которым на подвижном кронштейне был закреплен шлем. Оно живо напомнило Плюмбу вирт-кресла, в которых молодежь из обеспеченных семей любит «бегать» по виртуальным мирам.

— Дядя Витя, я не понимаю... — пролепетала Алина.

— Неважно... Ким, как это работает?

— Нужно сесть в кресло, опустить шлем на голову, подумать о том эпизоде жизни, который вам хотелось бы изменить. Подумать о том, как вам его хотелось бы изменить. Произнести пароль.

— Какой пароль?

Шведка помедлила, но все-таки сказала:

— A Sound of Thunder...

— Что это значит?

«И грянул гром, — услужливо перевела Лета-Мнемозина голосом „диктора“. — Так называется знаменитый рассказ Рэя Брэдбери, посвященный вопросам изменения вариантов реальности и временным парадоксам. Считается, что это самый переиздаваемый научно-фантастический рассказ в истории современной литературы».

— О'кей. Я все понял. Сажайте меня.

Ким отступила, и Артур с Алиной подтащили Плюмбу к креслу. Где-то совсем близко застрочил автомат. Никита Грач принял на себя первую волну тварей, подобравшихся к лагерю. Медлить было нельзя. И в этот момент Плюбум вдруг понял, что не знает, какой вариант истории выбрать. Ведь это не Монолит, который, по легендам, исполнял личные желания. Эта штука предназначена совсем для другого. Она вертит мирами, как патронами в барабане револьвера, и каждый выбранный мир — как выстрел, который убьет миллионы людей.

«Что мне выбрать?»

«Вспомни, о чем ты мечтал», — посоветовала Лета-Мнемозина голосом «болтуна».

«Я мечтал уничтожить Зону. Она разрушает наш мир. Она уродлива... Бессмысленная жестокость... Но вся моя жизнь связана с Зоной. Алина... дочка... мы с Ларой зачали ее здесь... И если Зоны не будет...»

«Алина — не твоя дочь».

«Что?!»

«Алина — биологическая дочь Михаила Шагаева и приемная дочь Александра Пыхало. Ты тут ни при чем».

«Но как? Зачем? Лариса...»

«Ты знал это, Плюмбум. Давно знал. Когда в первый раз пришел к Харону, ты спросил, кем приходится тебе Алина. И получил исчерпывающий ответ. Но не захотел принять его. И выбрал воду Леты...»

Плюмбум понял, что это правда. Лета-Мнемозина не умела лгать.

«Но у меня ничего нет, кроме Зоны... и Алины. Я не могу...»

«Есть, Плюмбум. Вспомни, зачем ты пришел в Зону».

Виктор попытался вспомнить.

Детские годы... «Могильник» за городом. Слепой пес... Нет, не то... Юность... Бандиты... Драки... Тоже не то... Армия... Полигон Пембой... Вымерший поселок Хальмер-Ю... Стопка журналов «Техника — молодежи» с прекрасными картинками... Иные миры под чужими солнцами... Люди в скафандрах, бредущие по красным пескам... Изящные силуэты звездолетов будущего... И потом... после армии... Марсианская программа... Счастливые годы в Институте медико-биологических проблем... Самые счастливые годы в жизни...

Ты просто хотел увидеть иные миры, Виктор... Ты создан, чтобы плыть между звезд... Но Зона заменила их для тебя... Она сожрала мечту... Убила надежду... Проклятая мимикрирующая тварь!

«Я пришел не в Зону. Я пришел за мечтой. Но она отобрала ее у меня. Я хочу уничтожить Зону...»

«Сделай это, Плюмбум», — голос Леты-Мнемозины вдруг изменился: стал очень тихим, едва слышным, и очень усталым.

«Но Алина?..»

«Она не дочь тебе, Плюмбум. Признай наконец. Она — мираж. Мечта о спокойной старости. Ты придумал Алину, чтобы верить: у тебя есть за что зацепиться в этом мире. Чтобы крикнуть будущему: „Я жил!“ Но это пустой крик. У тебя не было дочери, Плюмбум. И нет...»

«Я не могу так... Я люблю ее! Я люблю Лару и ее... Пусть даже она не дочь...»

«Когда молодой лев становится главой прайда, он убивает всех львят, оставшихся от предыдущего вожака. Только так он обеспечивает свое будущее. И это закон. Что бы ты ни выбрал, Плюмбум, ты убьешь многих. Не только Алину. Но других вернешь к жизни. Тех, кто не хотел умирать. Тех, кого ты тоже любил. Если у тебя львиное сердце, Плюмбум, ты сделаешь правильный выбор...»

Виктор стиснул кулаки.

«Я не хочу выбирать, будьте вы все прокляты!»

В дверном проеме фургона мелькнула быстрая тень. Потом дневной свет померк. Раздалось громкое чириканье.

— Отец! — крикнула Алина. — Они здесь!

«А Привалова она называет папой», — подумал Плюмбум.

Чтобы не передумать, он быстрым движением опустил шлем на голову, прижался спиной к креслу, будто в ожидании катапультирования, и тихонько произнес по-английски:

— И грянул гром!..

Эпилог

У Джимми и Билли всего в изобилии:

Ура, караул, закопай, откопай.

И Джимми и Билли давно позабыли,

Когда собирали такой урожай...

Надрывался электронный будильник. Когда-то Виктору казалось, что будет очень остроумным — поставить на него эту мелодию. Ну, ладно, не очень остроумно, просто весело. Детская песенка из старинного мюзикла «Алиса в стране чудес», исполненная

залихватской бодрости, должна была настроить с утра на боевой лад, придать сил, напомнить о том, что на все проблемы нужно смотреть с юмором... И о чем Виктор думал, спрашивается?..

За полгода песенка надоела до чертиков, но сменить ее или отключить будильник Виктор хронически забывал, даром что просыпался на пять минут раньше. Систему воздухообмена ему тоже пока не удалось отладить, поэтому по утрам Свинцова преследовала головная боль, и он просто лежал на койке, тупо слушая дуэт двух задорных хомяков и устало размышляя о том, что вся его работа как раз и сводится к «ура, караул, закопай, откопай».

Но сегодня он позволил себе полежать на пять минут дольше, а потом, встав с постели, неторопливо и с удовольствием стереть надоевшую мелодию. Сегодня его день рождения, сегодня можно. Нечего оригинальничать! Пусть будет старый добрый Моцарт. «Дуба-дам, дуба-дам, дуба дам я... Дуба дам, дуба дам, дуба дам». И никаких лишних ассоциаций.

В ванной комнате вода была чуть теплой и всегда отдавала ржавчиной. Но он тщательно брился, стараясь придать своей физиономии некоторую парадность. Знал, что Лара оценит. Однако в столовой он Лару не застал. Она находилась на главном посту, там же и позавтракала — сегодня должны были сбросить изотопный реактор «Припять», очень ответственная операция. Командир предпочла установить связь с кораблем заранее, чтобы, пока не слышат Центры управления в Королеве и Хьюстоне, обменяться с экипажем «транспортника» свежими сплетнями и посланиями с Земли, которые не предназначались для ушей и глаз службы безопасности. Нет, разумеется, никаких заговоров — просто людям нравится делать что-то за спиной у начальства. Это сохраняет в них уверенность, что они могут контролировать свою жизнь. Вечером еще намечен сеанс связи с профессором Ким Райкой, шведским астробиологом — ей передадут результаты последних анализов и снимки окаменелостей, найденных в кратере Ветрова. Точнее, это Ким должна сказать, имеют ли дело с окаменелостями или со следами особо хитрых кристаллов. Но все это будет без него. Ведь у него сегодня день рождения! А значит, выходной. Никаких плановых работ. Только обход хозяйства. И вечером — праздничный ужин с тортом, бутылочкой «Сидоровки» и песнями под гитару. Вроде бы, ничего особенного, но Виктор с удовольствием предвкушал этот день. Великолепный марсианский день.

— С днем рождения, Витек! — приветствовал его Шурик. — Как говорил классик, сорок лет — жизнь пошла за второй перевал. Вечером оттянемся?

— Непременно. — Виктор положил себе салата и жареных сосисок, сел за складной пластиковый столик.

— Ich gratuliere Ihnen zum Geburtstag, Kamrad Stalker! — вставил ареограф Давид Поте.

— Слава нашему неутомимому Следопыту, — подхватил Лелек. — Если бы не терпение и настойчивость, с которыми он выслеживает различные поломки в системах жизнеобеспечения, мы все тут давно накрылись бы медным тазом.

— Не дрейфь, Лелек, я на стреме! — ответил Виктор.

— Держи, приятель. Это от нас ото всех. Поможет тебе скоротать выходной день.

Лелек протянул Виктору маленький пакет, завернутый в яркую бумагу.

Виктор разорвал обертку и вытащил на свет потрепанную книгу. Это было бумажное издание «Пикника на обочине». Старинное, еще прижизненное. На титульном листе красовалась загадочная надпись: «Победителю конкурса на тему „12 июня 2018 года, вторник“. Вручено 13 мая 2002 года, понедельник». Но главное — крупный четкий росчерк: «Б. Стругацкий».

— Спасибо, ребята! — сказал Виктор растерянно.

Он держал книгу в руках, но все еще не мог поверить — проклятая усталость сожрала эмоции. К счастью, друзья и не ждали от него бурных проявлений восторга. Им достаточно было знать, что они своим подарком «попали в цель».

— Давид отыскал у какого-то немецкого букиниста, — сказал Лелек. — Мы все скинулись и пожертвовали тебе часть личного багажа. Получилось по двести пятьдесят грамм на человека. Владей!

— Ребята, я, право, не знаю, как вас благодарить. Это так неожиданно...

— У тебя имеется время до вечера, — успокоил его Давид; по-русски он пока еще говорил с сильным акцентом, но изо всех сил старался. — Вечером все ждать большую речь!

— Внимание, Давид, Александр, Денис, — раздался из репродуктора голос Лары. — Пошел отсчет. Через пять минут жду вас на главном посту. Начинаем спуск реактора.

— Увидимся вечером, — сказал Лелек, поднимаясь на ноги. — Что будешь делать?

— Пока не знаю. Почитаю книгу, а потом — в спортзал. Или кино посмотрю.

— Молодец. Отдыхай.

— Удачи!

Виктор собирался пойти в свою комнату, но передумал. Вместо этого он отправился в общий зал и включил трансляцию с внешних камер. Захотелось посмотреть на мягкую посадку реактора. Пусть он сегодня безработный, и ребята отлично справятся без него, все же полюбоваться на операцию не помешает. Надо думать, будет красивое зрелище. И на главном посту, где мониторы получше, еще красивее. Но Лару лучше не отвлекать. Мужу командира Базы не следует дышать в спину командира Базы в ответственный момент. Вечером она его безусловно поздравит, а ночью поздравит еще раз. Остается набраться терпения и подождать.

Зажегся большой экран. Камеры показывали красную и спокойную, сначала казавшуюся такой экзотичной, но уже поднадоевшую за полгода пустыню.

— База, это «Свобода», как слышите меня, прием? — раздался голос пилота.

— «Свобода», это База, — ответила Лариса. — Слышу вас отчетливо и хорошо. Прием?

— База, мы готовы к маневру. Прием?

— «Свобода», вас поняли. Мы тоже готовы. Приступайте. Прием?

— База, отделение через пять секунд, четыре, три, две, одну... Пошел. Прием?

— «Свобода», вас поняли. Прием?

Примерно две минуты ничего не происходило, потом изображение померкло — камеры, зафиксировав движущийся объект, перестраивались. Когда экран снова засветился, марсианская пустыня превратилась в красную дымку внизу экрана. Теперь камеры смотрели в небо — на тупоносый обтекаемой формы предмет, больше всего напоминавший увеличенный пистолетный патрон, который в облаке зеленоватой плазмы спускался вниз по вытянутой параболе.

— База, «Припять» над третьей площадкой, — доложил пилот.

— «Свобода», подтверждаем, третья площадка, — отозвалась Лара.

Снаряд чуть дрогнул, и за его кормой раскрылись четыре белоснежных купола.

— База, введены тормозные парашюты. Прием?

— «Свобода», подтверждаем. Парашюты введены и развернуты полностью. Прием?

Снаряд неожиданно треснул пополам, «скорлупки» защитной оболочки вместе с парашютами остались далеко позади, а вывалившийся из них низенький и приземистый аппарат, похожий на половинку поплавок, включил три ярких желтых огня.

— «Припять» над второй площадкой. Обтекатель сброшен. Двигатели мягкой посадки ступени включены. Прием?

— «Свобода», подтверждаем. Прием?

— Высота — один километр... О, черт!

— «Свобода», что там у вас? Прием?

— Сбой ориентации, канал крена.

— «Свобода», вас поняли.

Лара не добавила ничего. Все равно сейчас ни от пилотов «Свободы», ни от Базы ничего не зависело. Судьбу реактора решала автоматизированная система управления. Внешне пока все выглядело штатно. Реактор сориентировался посадочными двигателями

вниз и продолжал снижение. Только по корпусу пробежали волны дрожи — это кожух вибрировал от возникавших боковых ускорений, когда система пыталась скомпенсировать нестабильность положения в пространстве. Чертова железяка! Нормально он идет! Не трогай его!

— Высота — четыреста метров... Высота — двести метров.

Развернулись посадочные опоры и теперь стало отчетливо видно, что реактор падает косо, и ему не хватает высоты, чтобы выровняться.

— Высота — пятнадцать метров... Есть касание... Аварийная посадка.

Реактор врезался в край огромного кратера и, не удержавшись на гребне, покатился вниз. Все скрылось в облаке красной пыли.

«Свобода» уйдет с орбиты точно в срок, что бы ни случилось. У транспортного корабля закрывалось «окно», и он торопился к Земле. Лара «легла на амбразуру», взяв на себя объяснения с ЦУПом. Остальные собрались в ангаре. Что делать дальше в такой ситуации, было ясно без долгих обсуждений — нужно было послать на место посадки телеуправляемого робота и выяснить, не оказались ли обитатели Базы свидетелями первой ядерной катастрофы в космосе.

Исправный марсоход на Базе был всего один — «СНОРК» серийной модели. Но в его способности выполнить задачу никто не сомневался. Другое было плохо — управление марсоходом осуществлялось только по командной помехозащищенной УКВ-линии. Это могло обернуться проблемами при спуске робота в кратер.

— Пока не попробуем, не узнаем, — сказал Шурик. — На худой конец он хотя бы померяет фон вокруг кратера.

— Там ничего не будет, — возразил Давид. — Марс грунтовые воды не имеет. Если кожух лопатся, следует опасаться радиоактивного облака.

— Следует опасаться того, что мы останемся без реактора, — вставил Лелек. — Солнечные панели выпадают одна за другой. Энергия скоро будет в дефиците. Нам нужны дополнительные ресурсы, если мы хотим построить настоящую Базу, а не лагерь для бойскаутов.

— Мы могли бы ставить ветряк, — предложил Давид.

— Ага, его как раз хватит, чтобы зарядить твою электробритву.

— Ветер и сбил корабль с курса, — невпопад сказал Шурик.

— Я считать виновной программную ошибку, — заспорил Давид.

Вошла Лара. Встала в дверном проеме, красиво потянулась.

— Никаких вопросов, — предупредила она. — Мне весь мозг затрахали, а в результате ноль без палочки. Теперь Земля будет моделировать ситуацию, но не возражает, если мы тут быстренько решим все сами.

— Никто и не ждал ничего другого, — сказал Виктор.

— Товарищ командир, марсоход «СНОРК» к проведению разведки готов, — доложил Шурик. — Разрешите начинать?

— Поехали, — сказала Лара.

— Как говаривал классик, — немедленно добавил Шурик.

Маленькая машинка весело катилась по марсианским дюнам. Какое-то время колонисты видели ее сверху, но потом спутник ушел за горизонт, и они переключились на встроенную камеру. Марсоходом управлял Шурик, Лара командовала операцией, остальные крутились рядом и давали бесполезные советы. Всем хотелось, чтобы робот благополучно спустился в кратер и осмотрел реактор. Тогда бы было ясно, что делать дальше. Можно ли подогнать тягач, загрузить реактор, оттранспортировать его на Базу и подключить. Или нужно проводить дезактивацию и забыть об энергетическом изобилии на неопределенный срок. Но по крайней мере будет ясность. А вот если машинка забуксует, придется проверять целостность реактора по старинке — вручную.

Антенну командной линии заранее подвесили над куполом Базы на самой высокой телескопической штанге из всех, имеющихся в наличии. Шурик надеялся, что этого хватит, чтобы «заглянуть» в кратер. Если нет, у людей на Базе будут большие проблемы.

Марсоход остановился в нескольких метрах от бровки кратера. Потом осторожно двинулся в обход — отыскивая пологий склон и заодно проводя измерения.

По экрану поползли ряды чисел.

— Есть радиация! — огорченно выдохнул Шурик.

— Незначительное превышение фона, — спокойно сказала Лара. — Это может быть местная аномалия.

— Спускаем?

— Давай.

Марсоход начал осторожный спуск с кратера. Шурик вел его «змейкой», под небольшим углом к горизонтали, чтобы не опрокинуть робота. Но где-то на середине склона экран внезапно погас. Колонисты потеряли сигнал.

— Млять! — сказала Лара.

— Присоединяюсь, — отозвался Шурик.

Он тыкал в кнопки на пульте управления в тщетной надежде добиться ответа.

— Ну что ж... — Виктор вздохнул. — Никто не говорил, что это будет просто...

Лара сверкнула глазами.

— А я тебе говорю, что ты не пойдешь!

— Ребята, выйдите, — попросил Виктор. — Нам надо поговорить с товарищем командиром.

Лелек, Шурик и Давид переглянулись, встали и вышли. Уходя, Давид шепнул Виктору:

— Gluck auf, Kamrad!

— О чем это вы шепчетесь? — спросила Лариса.

Виктор обнял ее, вдыхая родной аромат волос.

— Милая, как бы там ни было, но мне все равно придется отправиться туда. По крайней мере мы знаем, что реактор не разнесло вдребезги. Если и есть течь, то небольшая. Теперь надо убедиться, что ее нет и реактор работает. Я запущу тесты с пульта ручного управления. И когда мы будем уверены, что все в порядке, мы отвезем его на Базу.

— А если там не все в порядке?

— Тогда я быстро оттуда уберусь, и мы будем думать, что делать дальше.

— А если ты не успеешь убраться?

— У нас все равно нет другого способа это проверить. Риск будет одинаковым для всех, а подключение техники — это моя епархия. Ты была бы плохим командиром, если бы этого не признавала. Но ты... хороший командир.

Лариса извернулась в его объятиях, прижалась и поцеловала так, что Виктору на секунду показалось, будто бы им снова по двадцать.

— Витька, осторожно, — прошептала она. — Ради меня... и Обормота. Осторожно...

* * *

Ровер, гудя сервомоторами, рассекал марсианские пески. Виктор наслаждался пейзажем — на самом деле он не так уж часто выбирался на поверхность, в обязанности инженера-техника входили отладка и ремонт всей аппаратуры Базы, времени на долгие прогулки не оставалось. Посему можно рассматривать эту поездку как своеобразный подарок на день рождения. И даже с «квестом» в самом конце, чтобы было интереснее и волнительнее. Правильно, так и будем думать...

— Виктор, прием! Как у тебя дела? — раздался в наушниках голос Лары.

— Дислокация наша протекает гладко, в обстановке братской общности и согласия. Идем себе по пескам и ни о чем не вздыхаем, кроме как об вас, единственная и незабвенная Катерина Матвеевна. Так что вам зазря убиваться не советуем. Напрасное это занятие... — отозвался Виктор.

— Отставить шутки, инженер!

— Так точно, товарищ командир. Двигаюсь по маршруту без происшествий. Расчетное время прибытия на место — шестнадцать минут, сорок секунд.

— Вас поняла.

— Эх, Ларка, знала бы ты, какая тут красота!

Действительно пейзаж выдался, как по заказу. Солнце стояло невысоко над горизонтом и светило из красной дымки, бросая на землю косые лучи. Ровер выбрался из пустыни на плато, большую часть песка здесь сдул ветер, и окислившаяся за миллионы лет порода приобрела странный бледно-фиолетовый оттенок. Отшлифованные бурями камни поблескивали, утесы бросали на землю причудливые тени, так что казалось, под каждым затаилась Аэлита или, на крайний случай, Дея Торис. На горизонте, рядом с Солнцем вспыхивали искры — это горели в атмосфере остатки метеоритов.

Ровер осторожно спустился с плато, поняв тучи песка, проехал еще немного вперед и замер на краю кратера. Виктор слез с него и внимательно осмотрелся. Трещин опасных в грунте нет, ям — тоже. Камней здесь хватает, но их можно обойти без проблем. В общем ничего страшного.

Со своего места Виктор мог видеть реактор — тот лежал на дне кратера, глубоко зарывшись в песок. Виктор еще раз проверил счетчик — радиация не превышала стандартного для Марса фона. Похоже, Лариса права, и где-то здесь есть локальная аномалия.

Виктор доложил на Базу о своих наблюдениях и получил разрешение на спуск. Почти сразу ноги утонули в песке по колено, потом — до середины бедра, так что идти пришлось «раскорякой», широко расставляя ноги и наклоняясь вперед. Где-то на полпути он увидел застрявшего «СНОРКА» и помахал ему рукой. Не дрейфь, приятель. Мы тебя не бросим.

Какое-то время Виктор думал о том, как нелепо выглядит в смешном марсианском скафандре с антенной, которую какой-то умник прилепил на верхушку шлема. Ни дать, ни взять «телепузик», тонущий в брусничном киселе. Потом думать оказалось слишком накладно — почти все силы уходили на продвижение вперед. Виктор увеличил приток кислорода, но дышать было трудно. На вызовы Базы он отвечал односложно: «Иду. Иду. Норма». Ларе, разумеется, это не нравилось, но она ничего не могла сделать.

Наконец Виктор буквально уткнулся в корпус реактора и только тогда понял, что дошел. Минуты три он переводил дыхание. Точнее, это ему казалось, что три. Судя по тому, что в голосе Лары зазвучали железные нотки, он «отсутствовал» гораздо дольше.

— Виктор! Виктор! Просыпайся! Виктор, проверь баллон! Слышишь?

Баллон? Какой баллон? Виктор взглянул на манометр. Давление в порядке, чего она кудахчет? Все равно голова раскаляется и хреново. Но надо работать. Хорошо, что панель ручного управления была прямо перед ним — для того чтобы найти ее, не понадобилось и пяти минут. Рукой в печатке, которая почему-то казалась непропорционально большой, Виктор ткнул в панель и радостно уставился на россыпь зеленых огоньков. Как красиво, как хорошо! Он не помнил, почему это было хорошо, но все же был доволен. Наконец-то от него все отстанут...

— Виктор! Виктор! Отвечай!

— Да, все в порядке! Все зеленое! Какое все зеленое!

— Виктор, проверь баллон!

Да когда же отвяжется от него эта вздорная баба?! Виктор еще раз глянул на манометр. Так и есть — показания не изменились. Что ей еще надо?.. Нет, стоп. Раз показания не изменились, значит он не дышит. Какая-то чушь! И тут сквозь плотину сонного безразличия перехлестнула волна паники. Адреналин пошел в кровь и дал возможность на короткое время мыслить ясно. Он не увеличил подачу кислорода, а, наоборот, закрутил вентиль! Еще немного, и он задохнется! Вот идиот! Поспешно Виктор открутил регулятор в обратную сторону, и в шлем хлынул долгожданный поток свежего воздуха.

Виктор прислонился к реактору. Сейчас он не мог ничего другого, а только дышать и наслаждаться каждым вдохом. Ощущение было таким, как будто он принял разом большую

дозу транквилизатора. Перед глазами плыл розовый туман, в нем проступали силуэты темных кустов, откуда-то взявшихся на Марсе, и крутые склоны оврага. Он лежал на спине, над лицом мерцала водная рябь, вода с привкусом ржавчины наполняла его легкие, но это его почему-то совсем не беспокоило. Рядом лежали другие люди, одетые в странные защитные костюмы и казавшиеся мертвыми, но на самом деле живые. Стикс, подумал Виктор, это Стикс. Где же Харон?..

— Виктор! Витька! Очнись!

Виктор потрянул головой, отбрасывая ненужное видение. Лариса зовет, надо ей помочь. Ага, теперь он переборщил с кислородом! Очень осторожно, буквально кончиками пальцев, Виктор прикрутил регулятор. Так, теперь все в порядке. Он лежит на песке, над ним нависает реактор, а в наушниках надывается Лариса:

— Витька! Витька, черт тебя побери! Отзовись!

— Прием, Лара. Все нормально! Были неполадки с системой дыхания, но я справился.

— Чтоб тебя подняло да и треснуло!

— Спасибо, я тебя тоже люблю. Реактор исправен. Индикаторы зеленые.

— Отлично. Возвращайся.

— Вас понял, товарищ командир.

Как ни странно, он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Кислород оказал благотворное действие. Правда, Виктор чуть не загнулся, но это уже детали. Будни. Те, кто не хотел рисковать, остались на Земле.

Свинцов начал выбираться из кратера. Теперь, когда его сознание прояснилось, он видел места, где слой песка был тоньше и под ним проступала горная порода. Идти стало гораздо легче. Не как по шоссе, конечно, но терпимо. С подъемом реактора придется повозиться. И нервов он им вымотает кучу, это ясно. Но главное — реактор цел, и рано или поздно они его доставят и подключат. И он заработает. И проблемы с дефицитом энергии уйдут в прошлое. База будет развиваться и процветать. Обязательно. По-другому просто не может быть...